С. БРОЙДЕ

Вредительство шпионаж и белый террор

ОСЮРИЗДАТ 1930

С. БРОЙДЕ

ВРЕДИТЕЛЬСТВО ШПИОНАЖ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР

ГОСЮРИЗДАТ 1930

Типо-литография
им. Воровского,
ул. Дзержинского, 18.
Главлит А 72345
Тираж 30.000 экз.
3⁵/₈ п. л.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателей книга С. и М. Бройде «Вредительство, шпионаж и белый террор» представляет собой попытку в живой форме обрисовать главнейшие формы контр-революционной деятельности на территории Советского Союза агентуры бело-эмигрантских «центров» и разведывательных органов некоторых иностранных государств.

Авторы в своем изложении пользовались как материалами, уже опубликованными в разное время в нашей прессе, так и некоторыми материалами судебных процессов, и, несмотря на то, что использовали далеко не все процессы о шпионаже, контр-революционных организациях и вредительстве, сумели, по нашему мнению, нарисовать довольно яркую картину антисоветской работы генеральных штабов и их разведывательных отделов Польши, Франции, Финляндии и др. государств, действовавших, как правило, в полном контакте с бело-эмигрантскими об'единениями в Париже, Варшаве и др. городах. Равным образом, в книге нашла отражение и «вредительская» деятельность наших лже-специалистов, работавших по заданию вышеуказанных учреждений и организаций.

Искусственное, казалось бы на первый взгляд, об'единение «деятельности» террористов, шпионов и вредителей, на самом деле, как убедится читатель, находит себе полное оправдание ибо все эти наши враги: 1) имели одну общую конечную цель— подготовку военной интервенции в целях свержения власти советов; 2) субсидировались из одних и тех же источников — бело-эмигрантских центров, действовавших в контакте с разведывательными органами генштабов одних и тех же иностранных государств и 3) получали однородные директивы от тех же заружебных организаций и учреждений.

Хотя некоторые отмеченные в книге факты относятся ко времени 1924—26 г. г., но интерес они отнюдь не потеряли, ибо мы и теперь, в конце 1930 года, встречаем и в газетах и в показаниях разоблаченных вредителей и контр-революционеров те же заграничные об'единения эмиграции, те же иностранные учреждения и даже часто те же фамилии, которые «работали» против нас три, пять и больше лет тому, назад «работали» по подготовке военной интервенции против Советского Союза.

Недавно раскрытая О. Г. П. У. контр-революционная организация под названием «Промышленная партия» была через свой Московский «центр» связана с эмигрантским об'единением

в Париже, существующим уже много лет под названием «Торгово-промышленного комитета» (Торгпром) и состоящим из бывших российских крупных фабрикантов, заводчиков, бакинских нефтяников. В «Торгово-промышленный комитет» входили Денисов, Нобель, Гукасов, Манташев, Рябушинский, Мещерский и др., до сих пор еще не потерявшие видимо надежды, путем вредительства, террора, шпионажа облегчить военную интервенцию иностранных империалистов, французских и польских в первую очередь, для ликвидации Советской власти и возвращения себе фабрик, заводов, имений и т. д. и т. п.

Когда прочитываешь теперь фамилии этих «бывших» российских магнатов, невольно вспоминаешь, что еще в 1922 году Нобель субсидировал Савинкова для организации террористических актов против Чичерина, Красина, , что Гукасов был тесно связан все годы со всевозможными контр-революционными организациями и т. д. и т. п.

В предлагаемой вниманию читателя книге названный «Торгпром» неоднократно фигурировал в показаниях вредителей, в показаниях шпионов, когда они касались своей «работы» не только 1928/29 г., но и годов предшествовавших.

В наши дни, дни оживления контр-революционной работы всех наших врагов от кулаков, попов до «высококвалифицированных» вредителей и всей заграничной своры бело-эмигрантов вкупе с социал-фашистами и генштабами некоторых иностранных государств полезно вспомнить «историю» контр-революционной работы в недалеком прошлом, дабы лучше ориентироваться в настоящем.

Попытки «похищения» начальником финляндского генштаба полк. Валениусом нашего полпреда в Гельсингфорсе т. Майского, после визита Валениуса в Варшаву, бешеная антисоветская кампания против мнимого «советского демпинга» во Франции, Румынии, Бельгии и др. странах, постоянные «прогулки» французских и английских генералов и полковников в Варшаву, Бухарест, Ригу и Гельсингфорс, «бесперебойная» работа на военных заводах в Польше в условиях сильнейшего экономического кризиса, оживление зарубежных контр-революционных организаций, нашедших себе убежище во Франции, Польше и Румынии, — все это звенья одной и той же цепи, все это лишь подготовка к военному походу на Советский Союз.

По всем этим причинам, в условиях ожесточенной борьбы всех наших врагов против социалистического переустройства нашей страны, против пятилетки, против коллективизации сельского хозяйства — издание книги «Вредительство, шпионаж и белый террор» является более чем своевременным, ибо она сможет дать ориентировку советскому читателю в деле ознакомления с методами и формами контр-революционной деятельности наших противников.

30 октября 1930 г. **В. Ульрих**

ВСТУПЛЕНИЕ.

Ряд прошедших за последнее время белогвардейских, шпионских, вредительских и др. подобного рода процессов лишний раз убеждает, что преступная работа контр-революционных сил, все еще не оставляющих надежды на реставрацию свергнутого пролетариатом капитализма, не прекращается ни на один день. Об'яснения столь усиленно развиваемой внутренними и внешними врагами Советской власти контр-революционной деятельности найти нетрудно. Бурный рост социалистического строительства, твердо и решительно проводимый Партией и Советской властью курс на техническую реконструкцию страны, ликвидации кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации сельского хозяйства, рост советской техники, повышающийся изо-дня в день под'ем политической сознательности широких рабочих масс, строящих с энтузиазмом свою социалистическую пятилетку и могущих уже сейчас к началу третьего года практического выполнения плана великих работ отметить не мало достижений,—все это факторы, не могущие не вызывать бешеной злобы белогвардейцев всех мастей как внутри СССР, так и за границей.

Октябрьская революция, очистительной грозой разразившаяся над старой Россией и положившая конец многовековому гнету капитала, сразу же со стороны русских капиталистов, помещиков, кулацкой части деревни, а также их иностранных союзников была встречена в штыки. Лишенные прямой возможности повернуть ход исторических событый, все эти контр-революционные силы решили прибегнуть к другим методам борьбы. Начался открытый саботаж. Правительственные и общественные учреждения опустели. Чиновники министерств, в большинстве своем составлявшие служилую интеллигенцию, бросили работу. Прекратили свою деятельность банки. Перестал работать телефон и т. д. и т. д. Таких примеров прямого вредительства в пассивной форме можно было бы привести бесконечное множество. Все они еще живы в памяти современников и участников октябрьских событий. При этом основ-

ной двигательной пружиной, толкавшей враждебные революции силы на саботаж, была глубокая уверенность, что Советская власть долго не продержится. Досужие предсказатели различно определяли сроки ее исторического бытия. Одним казалось, что желанный день придет завтра. Другие, более трезвые политики в кавычках и без них, этот срок в той или иной мере удлиняли. К счастью, однако, для всех рабочих и крестьян, а также лучшей части интеллигенции, сразу же честно ставшей на сторону Советской власти, карканье буржуазии и шедших с нею в ногу кадетов, меньшевиков и эс-серов не оправдывалось. Сроки, установленные ими для падения Советской власти, все удлинялись и удлинялись. Более того, с каждым днем Советская страна, отбиваясь от наседавших на нее со всех сторон врагов и преодолевая тысячи серьезнейших препятствий для мирного строительства внутри, все укреплялась и укреплялась, достигнув к настоящему моменту такого расцвета во всех областях экономики, который врагам пролетарской диктатуры едва ли когда-нибудь снился.

Само собой разумеется, что, разочаровавшись в эффекте от широко применявшегося на первых порах пассивного вредительства — саботажа, контр-революция перешла к другим более действенным методам борьбы. С лихорадочной энергией начинается организация и создание всяких «Союзов», «Центров», «Обществ», целью которых является уже прямая вооруженная борьба с Советской властью, открытые попытки к реставрации царизма, организация ряда террористических покушений, поджогов военных и продовольственных складов и т. д. Однако, и здесь ставка контр-революции на быстрое падение Советской власти была целиком бита. Зоркий часовой пролетарской диктатуры, ее надежный страж — органы ВЧК-ГПУ, нередко неся тяжелые жертвы, успешно ликвидировали все эти попытки. Потерявшему от бешенства рассудок врагу после всего этого ничего более не оставалось делать, как открыто призвать на помощь «варягов». Ими должны были стать иностранные империалисты, которые не только при помощи щедро ассигнуемых для организации белогвардейских восстаний денежных средств, но и посылкой воинской силы охотно откликнулись на призыв рыцарей «единой и неделимой». Большую роль при этом играли и находившиеся в СССР представители «дружественных» иностранных держав. Пользуясь своей экстерриториальностью, эти «дипломаты» превратили свои посольства и консульства в контр-революционные штабы, в которых разрабатывались планы вооруженной борьбы с Советской властью и проведение белого террора в отношении вождей пролетарской революции.

На эпохе гражданской борьбы останавливаться не будем. Скажем только, что в этих боях за свою независимость и за право строить свою жизнь пролетариат, понеся огромные жертвы, лишний раз доказал всему миру, какой неисчерпаемый за-

нас энергии и какую огромную жажду к организации социалистического государства он в себе таит. Часто раздетая, разутая, плохо оснащенная, сплошь и рядом не доедая, не досыпая, шла могущественная тем не менее силой своего внутреннего убеждения за правоту пролетарского дела армия рабочих и крестьян. Шла с песнями революции, с пролетарским интернациональным гимном на устах. И несмотря на все огромное преимущество контр-революционных армий, обильно снабжаемых иностранными союзниками оружием, амуницией, боевыми припасами, всеми видами снаряжения и продовольствием, Красная армия, обрушившись несокрушимой силой на вражеские полчища, буквально смела их с лица Советской земли. Само собой разумеется, что в этой жестокой борьбе за сохранение своего независимого существования, в отчаянной схватке двух миров — социалистического и капиталистического, схватке не на жизнь, а на смерть, советская страна понесла большие материальные потери. Народное хозяйство, потрясенное длительной гражданской войной до основания, пришло почти в полное разрушение. Страна начала испытывать продовольственные затруднения, которые особенно усилил разразившийся над нею и захвативший житницу России голод. Все это потребовало снова мобилизации всей энергии рабочего класса на восстановление разрушенного хозяйства и борьбу с последствиями кровавых боев. Надо было в первую очередь отвести от многомиллионных рабочих масс костлявую руку голода, о которой так мечтал Рябушинский и иже с ним и которая в это время стояла перед Советской страной реальной угрозой завоеваниям пролетариата. Надо было вдохнуть жизнь в застывшие заводские печи, разрушенные фабричные станки, надо было приступить к лечению зиявших в народнохозяйственном организме ран. Золотыми буквами в историю революционной борьбы пролетариата всего мира будет вписана эта эпоха. Измученные империалистической бойней до крайности, но полные творческой веры в неизбежную победу пролетарского дела, взялись рабочие и крестьяне Советской республики за восстановление своего хозяйства. Красноармеец сменил винтовку на плуг и молот. С каждым днем мощь и сила пролетарской страны начали крепнуть. Заработали фабрики, еще с большей силой чем прежде забила советская нефть, понеслись во все концы страны поезда, доставляя продукцию вступавших одна за другой в ряды производства советских фабрик. Жизнь начала налаживаться.

Разрешив первую основную задачу, пролетариат начал постепенно осуществлять и вторую. Она заключалась в том, чтобы низкий довоенный уровень, служивший для капиталистической России идеалом, перешагнуть. Не будем останавливаться на героических усилиях, проявленных рабочим классом Советской страны к успешному осуществлению и этой задачи. И, наконец, перед окрепшим пролетариатом стала на очередь третья

и самая важная проблема «догнать и перегнать капиталистические страны». Все эти гигантские задачи, которые советская Россия частью уже разрешила, а частью осуществляет сейчас, могли, конечно, быть выполнены только при активном привлечении всего рабочего класса под руководством Ленинского ЦК партии к социалистическому строительству. Колоссальную роль сыграли в успехи этого строительства ряд новых моментов, неслыханных в практике западно-европейского капиталистического хозяйства. Мы имеем в виду социалистическое соревнование, ударничество, сквозные рабочие бригады, встречный промфинплан и всю ту сумму мероприятий вообще, которые могли возникнуть и найти себе применение только в системе советского, социалистического хозяйства.

Таковы в самых кратких чертах основные этапы пройденные советской страной с первого дня ее зарождения и до переживаемой сейчас эпохи. Результаты социалистического метода ведения хозяйства — налицо. Достаточно только указать на то, что лозунг «пятилетка в четыре года» стал уже для всех трудящихся СССР настолько органическим, настолько близким и настолько глубоко осознанным, что едва ли у самого беспристрастного наблюдателя жизни Советской страны, к какому бы лагерю он ни принадлежал, может хоть на момент возникнуть сомнение в полном осуществлении поставленной себе пролетариатом цели. Совершенно напротив, энтузиазм рабочего класса сделал то, что сплошь и рядом лозунг «пятилетка в четыре года» фактически и реально видоизменяется в лозунг «пятилетка в три года», а кое-где — и в 2½ года.

Такие нескрываемые даже злейшими врагами пролетарской диктатуры успехи социалистического строительства внушали врагам Советской власти еще большую тревогу на сей раз уже не за прочность и крепость пролетарской диктатуры, а... за их собственную шкуру. Гигантские темпы восстановления и реконструкции Советской страны мало конечно могли порадовать вышвырнутых Октябрьской революцией за борт капиталистов и помещиков, никак не могущих примириться до сих пор с тем, что их «собственные» земли обрабатывают крестьяне сами для себя и притом в громадном большинстве случаев — на коллективных началах, что в их «собственных, родовых» и прочих имениях, превращенных в здравницы и музеи, хозяйничают рабочие и «презренные мужики». Ничего удивительного нет поэтому в том, что контр-революционные силы и сейчас готовы любыми мерами стремиться к свержению пролетарской диктатуры.

Но иные времена, иные методы. Голыми руками, как известно, советскую Россию сейчас не возьмешь. Это хорошо испытали на себе капиталистические хищники, неоднократно пытавшиеся свергнуть Советскую власть. Однако, опыт блокады и вооруженной интервенции показал, что для охраны своих революционных границ и для обеспечения свободной и спо-

койной социалистической стройки Пролетарская республика нуждается во все большем и большем усилении мощи и обороноспособности Советской страны, ставшей для угнетенных всего мира подлинным маяком и их кровавой и жестокой борьбе за свое освобождение от помещичье-капиталистического ига.

Параллельно со все идущим ростом Советской республики увеличивается и ненависть к ней капиталистического мира. Отсюда — попытки тем или иным путем сорвать наше мирное строительство или максимально вредить ему. Военная интервенция, как метод борьбы, сейчас все еще находит в капиталистическом лагере сторонников, хотя недавно имевшие место события на Дальнем Востоке воочию убедили многих и многих, что Красная армия представляет собой весьма реальную силу. Но «пока» интервенции нет, надо перейти на другие методы борьбы.

Одним из них, широко за последние годы практикуемым, является вредительство. Мы намерены на этой стороне «работы» контр-революционных сил остановиться особенно подробно, ибо это — самый излюбленный способ борьбы врагов Советской власти с пролетариатом, водрузившим знамя своей диктатуры на территории одной шестой части земного шара.

Но было бы далеко несправедливым не отдать должное врагам пролетариата в деле применения и других методов борьбы. Одно из почетных мест занимает в этом смысле шпионаж. Этого однако мало. Когда буржуазией овладевает уже окончательно пароксизм бешенства, на сцену выступает и третий правда более редко, но зато в большем об'еме практикуемый способ истребления ненавистных большевиков — белый террор. Мы и эти виды белогвардейской контр-революционной деятельности врагов пролетариата не обойдем в своей книге. На ряде примеров и фактов, прошедших перед органами (карательными, судебными и другими), мы покажем читателю, как, кем, и почему вдохновлялась контр-революционная работа подрывателей, поджигателей, убийц и многочисленных шпионов, систематически командируемых в пределы Советской республики генеральными штабами «дружественных» СССР держав, больших и малых. Мы покажем так же, как под фиговым листком демократии и трескучих фраз о пламенных чувствах, питаемых «социалистами» к СССР, как под личиной «искренней» дружбы и «горячего» желания «помочь» «угнетаемому» большевиками рабочему классу кроется по сути дела та же плохо-скрываемая контр-революционная и открыто-белогвардейская тенденция уничтожить пролетарскую диктатуру в СССР. Мы считаем также чрезвычайно важным и необходимым осветить в меру наших сил истинную физиономию «друзей» Советской власти в СССР, а также особенно подробно остановиться на практикуемых ими методах и спо-

собах борьбы. Мы считаем это тем более необходимым, что за последнее время в области активного вредительства социалистическому строительству Советской республики врагами Советской власти буквально исчерпан весь арсенал гнуснейших мер, которые только существуют в контр-революционном лагере. Мы намерены остановиться подробно на всех главнейших моментах вредительской, шпионской и террористической деятельности контр-революционных сил, главным образом, для того, чтобы лишний раз показать, трудящимся всего мира и, в первую очередь, пролетариям Советской страны, насколько должна быть велика бдительность рабочего класса СССР, строящего в условиях враждебного капиталистического окружения социализм, и насколько с еще большей силой необходимо трудящимся нашей Республики напрячь все внимание к успешному выполнению стоящих перед пролетарской страной великих задач. Ибо, чем сильней будет Страна советов, чем скорее пойдет рост ее политической и экономической мощи, тем менее опасны будут для нее все еще непрекращающиеся попытки контр-революционного мира к свержению власти трудящихся.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ «ЭПОПЕЯ».

Вредительская работа, особенно развившаяся внутри СССР за последние годы, имеет уже свою историю. Основной чертой, характеризующий все вредительские организации, в какой бы отрасли советского хозяйства они ни проявляли свои преступные способности, является несомненная и во всех случаях точно установленная связь этих организаций с зарубежными капиталистами. Другая, не менее отличительная черта во всех прошедших перед советской общественностью случаях обнаруженных ОГПУ, а также ставших предметом судебного разбирательства вредительства, является почти однородный состав главнейших преступников-выполнителей воли и приказов зарубежных вдохновителей и руководителей вредительством внутри советской страны. В большей своей части ядро этих вредителей составляют либо неуспевшие бежать за границу и впоследствии втершиеся на службу в советские учреждения и занявшие там ответственные руководящие посты бывшие акционеры или хозяева крупных дореволюционных предприятий и акционерных обществ, или же бывшие особо ответственные служащие бежавших заграницу и обосновавшихся там злейших врагов Советской власти капиталистов, банкиров, фабрикантов и заводчиков, усиленно снабжавших своих бывших высших служащих материальными средствами для практического осуществления разработанных за границей методов и способов вредительства. Эта работа облегчилась для контр-революционных сил тем, что значительная часть бывших крупных служащих вышвырнутой Октябрьской революцией за пределы СССР буржуазии, также успела устроиться на ответственную работу в советских учреждениях и занять там видные посты. Ряд добытых органами ОГПУ и судебными разбирательствами крупнейших шпионских и др. процессов фактов с очевидностью доказал, что «их» штабы во всех этих случаях находились за границей (Лондон, Париж, Варшава и др.). Вот те главнейшие центры, где эти штабы обосновались и откуда шло главное руководство. Здесь же шла и организационная работа по об'единению и концентрации осколков монархических и белогвардейских организаций вообще, кирилловцев, николаевцев и т. д. и т. д. Отсюда же шли и директивы для посылаемых в Москву «дипломатических» и ком-

мерческих «деятелей», которые получали и от охранки, и от генштаба особые задания, проведению которых должно было способствовать предоставленное дипломатам согласно международным обычаям так называемое право экстерриториальности.

Вся работа, как это показали многочисленные факты, шла по двум направлениям, каждому из которых придавалось одинаково важное значение. На первом месте стоял шпионаж. За ним — вредительская работа в советской промышленности. Чрезвычайно характерно при этом, что директивами снабжались не только официальные правительственные лица, командированные для работы в СССР, но и бывшие русские крупные промышленники, нажившие на крови и поте рабочих многомиллионные состояния. Так, напр., когда в 1921 г. в РСФСР прибыл известный промышленник Уркварт, он помимо задачи получения концессии или аренды заинтересовавших его золотых промыслов, преследовал еще и другую более серьезную цель — собрать побольше всякого рода необходимых сведений для пополнения информационных запасов международной буржуазии. Отсюда легко уже сделать и вывод, что попытки Уркварта добиться концессии в РСФСР преследовали своей целью не столько увеличение площади разрабатываемых пролетарской страной недр, сколько подрыв нашей цветной металлургии, значение которой в общем балансе народного хозяйства в то время было очень высоко.

Еще перед своим выездом в РСФСР в июле 1921 года Уркварт созвал общее собрание акционеров Русско-азиатской корпорации, где сделал обширный доклад. Читатель уже и сам догадывается, вероятно, что при этом говорилось больше о возможности широкого вредительства в СССР, нежели об эксплоатации будущих концессионных предприятий. Чрезвычайно знаменательно, что на этом же вороньем слете Уркварт прямо заявил, что «большинство нашего личного состава технического и административного находится на предприятиях и ждет нашего возвращения». К счастью, однако, вредительские намерения Уркварта были довольно быстро разоблачены и ему пришлось убраться во-свояси. Таким образом, уже здесь была проявлена одна из первых попыток ослабить экономическую мощь Советского государства. Расчеты на то, что внутри страны капиталистические акулы найдут активных соучастников для своей преступной деятельности оправдались: среди состоявших на службе у Советского государства специалистов нашлось не мало предателей, пользовавшихся доверием Советской власти, только и ждавших возвращения бывших хозяев.

Тенденция широко развить вредительскую деятельность под официальным прикрытием получения концессии в РСФСР не прекращались. Так, бывшие акционеры Юзовского общества и обществ «Сормовская колонна» при помощи парижского «Торг-

прома» и английских промышленников пытались получить концессию на заводы Гомзы. Однако к 1923 г. работа этих заводов развернулась в достаточной мере собственными силами Советского Правительства и мысль о концессионировании их, естественно, сочувствия и поддержки не встретила.

Учитывая это, капиталисты решили действовать другими путями, и когда вскоре после этого в СССР приехал представитель промышленников Гласс, то по директивам своих зарубежных собратьев он тут же принял активные шаги к установлению тесного контакта со связанными с бывшими хозяевами предприятий в Советской стране специалистами, предлагая им изнутри проводить такую хозяйственную политику, при которой намеченные к концессионированию заводы следовало привести в состояние полного развала. Таким путем предполагалось вынудить Советское Правительство сдать эти заводы в концессию. Верные приказам своих бывших хозяев главари местных вредительских организаций, состоявшие в то время на службе в государственных предприятиях Советской Республики, начали принимать все меры к искусственному задержанию роста госпромышленности, несвоевременному удовлетворению ее нужных запросов и сокрытию запасов и источников сырья. Одновременно с этим велась работа и в другом направлении — порчи машин, оборудования и всяческого возбуждения недовольства среди рабочих. Все члены вредительских организаций, эти, по выражению одного из главных обвиняемых в шахтинском процессе (Калганова) «обер-офицеры капитала», в то же время всеми силами старались занять по возможности больше командных постов в советской промышленности. Конечно, все это вместе взятое имело целью попытаться убедить Правительство в непригодности социалистического метода строительства и необходимости начала эволюционирования в сторону восстановления частной собственности. К этому же времени относится и раскрытая впоследствии преступная работа части специалистов по непроизводительным затратам на переоборудование и расширение ряда заводов, эффект от которых быстрых результатов дать не мог. Практиковались и другие меры. В ряде случаев необходимые затраты на действительно полезное переустройство и реконструкцию крупнейших отраслей промышленности значительно преуменьшались. Так, например, затрата на восстановление цветной промышленности была определена в 20 милл. рублей, в то время как в действительности требовалось гораздо больше.

К началу 1924 года организованное вредительство распространилось постепенно на все отрасли народного хозяйства. Однако, быстрый рост социалистического хозяйства, с одной стороны, и неослабевающая бдительность ГПУ, с другой, — то и дело расстраивали преступные планы вредителей. Результатом явился ряд крупнейших процессов, виновники которых понесли заслуженную суровую кару. Об этом скажем ниже.

Справедливость требует заметить, что деятельность иностранных империалистов даже в момент наиболее широкого и усиленного вредительства в промышленности в то же самое время не оставляла без внимания и такие виды и способы борьбы с пролетарской диктатурой, как интервенция и вооруженное нападение на первое в мире пролетарское государство. Обе работы — вредительская и шпионская шли параллельно.

Выбирая своих представителей в СССР, империалисты подвергали их тщательному контролю. Серьезность и важность работы этих «представителей» требовала, чтобы они обладали знаниями страны, языков, не были новичками в шпионской работе и вообще проявляли особые таланты. Одним из стаи «славных» следует в первую очередь назвать мистера Чарнока. Еще задолго до войны сей джентльмен служил на крупной текстильной ф-ке в Орехово-Зуеве в качестве инженера, а впоследствии — и директора. Вернувшись в Англию и занявшись дипломатической работой, Чарнок видимо проявил большие способности. Понятно поэтому, что выбор пал на него, как на кандидата, наиболее подходящего для тонкой и сложной вредительской работы. Чарнок, как человек опытный и имевший раньше большие связи среди владельцев предприятий, сейчас же приступил к восстановлению прежних знакомств.

С этого момента поле деятельности шпионской организации значительно расширяется. Появляются гораздо большие возможности. Круг шпионских об'ектов также увеличивается. Организацию начинает уже интересовать количество аэропланов в СССР, их система и прочие данные, касающиеся обороноспособности страны. Начинает интересовать также, как охраняется здание Реввоенсовета Союза, распределение постов в нем, расположение кабинетов т.т. Ворошилова и Уншлихта, через какие под'езды они проходят, когда и т. д. Для чего нужны были эти сведения, догадаться не трудно.

Для ведения такой широкой шпионской работы требовались, естественно, и соответствующие «штаты». Наличие сил оказалось недостаточно и Чарнок приступает к вербовке шпионов. Деньгами, убеждениями, обещаниями он добивался постепенно согласия бывших хозяев давать нужные ему сведения, обещая за это в будущем все блага, вплоть до возвращения бывшим владельцам национализированных Советским Правительством предприятий. Действуя вначале любезным, вкрадчивым тоном, Чарнок в скором времени однако этот тон бросил и заменил его хозяйским. Он уже требовал. И когда один из шпионов — В. Прове, получивший от Чарнока значительные суммы за сведения о состоянии Красной армии, захотел из боязни ответственности порвать связь с шпионской организацией, Чарнок прямо пригрозил ему, что он заставит его подчиниться, так как «с врагами мы умеем расправляться и руки у нас длинные».

Как и многие другие, эта шпионская организация была в конце-концов раскрыта органами ГПУ и предстала перед судом. Виновники ее понесли суровую кару.

СОРВАННЫЕ МАСКИ.

Говоря о вредителях, агентах международной буржуазии, мы уже указывали, что среди специалистов контрреволюционные организации нашли себе в достаточном количестве верных слуг и соратников. За последнее время был обнаружен и ликвидирован целый ряд организаций, состоявших из антисоветской части верхнего слоя инженерства. Таким образом, среди многочисленной армии специалистов нашлись предатели рабочего класса, покрывшие себя позором и пытавшиеся своей преступной работой бросить тень на огромную армию честных специалистов, работающих плечо к плечу с пролетариатом и помогающих ему строить социалистическое государство. К счастью реакционный слой специалистов в общем и целом можно считать небольшим. Он тонет в общей массе честных, ничем себя не запятнавших и преданных Советской власти работников. Вредительство этого слоя находится в глубочайшей и теснейшей связи со всем ходом Пролетарской революции и международным положением СССР. Оно по сути дела — один из видов непримиримой борьбы международной буржуазии с Республикой пролетарской диктатуры. Обострившаяся классовая борьба внутри страны и все непрекращающиеся попытки к интервенции в СССР находят себе отражение и в тенденции контрреволюционных сил овладеть инженерством и сделать его одним из орудий реставрации свергнутого строя. И хотя в массе советских специалистов и инженеров во всех областях народного хозяйства происходит заметный процесс политической дифференциации и перехода подавляющего числа специалистов на сторону Советской власти, тем не менее и до сих пор еще среди инженерства и специалистов остается еще часть контрреволюционно и антисоветски настроенных деятелей, готовых и сейчас в любой момент продаться иностранной буржуазии, прихода которой они все еще продолжают ожидать. Бывшие хозяева в то же время не сидят за границей, сложа руки. Они являются идейным и организационным центром, руководящим штабом этой хоть и немногочисленной, но сплоченной и технически квалифицированной армии вредителей.

В своей брошюре «Вредительство как оно есть» (Госиздат, 1930 г.) автор ее — тов. Г. Кржижжановский указывает, что на

одном из негласных совещаний эмигрантского торгового союза в Лондоне в 1922 году была вынесена резолюция, устанавливающая общую тактику антисоветской борьбы на очередной период. В этой резолюции, пишет автор, имеется следующий пункт: «связи, устанавливающиеся между иностранными и русскими промышленниками на почве взаимной защиты прав и содействия к созданию в России нормальных экономических и правовых условий, создают благоприятные предпосылки для разрешения вопроса о привлечении иностранного капитала в хозяйство России». Такая идеологическая предпосылка начинает служить широким полем для развития вредительской деятельности». Подводя итоги этой работе, проводившейся контрреволюционной организацией на основе концессионной тактики и охватывающей продолжительный период с 1921 по 1926 год, автор продолжает: «в течение этого времени вредительство широко охватило различные отрасли промышленности, сказавшись особенно сильно непосредственно на производстве. Чрезвычайно трудно выразить в цифрах тот огромный ущерб, который нанесла народному хозяйству контрреволюционная деятельность классовых врагов социалистического строительства, но несмотря на все усилия иностранного капитала, ставка его на реставрацию частной собственности в стране советов была окончательно бита».

В соответствии с этим приблизительно в 1926 году начинается пересмотр тактических ценностей в рядах вредителей. Руководящий центр, учтя опыт вредительской работы за истекший период, приступает к выработке дальнейших перспектив и намечает новые способы и методы вредительства. На них мы остановимся подробней, так как они вполне этого заслуживают, пока-же считаем необходимым отметить, что с момента систематического и организованного перехода Советской распублики на плановое ведение народного хозяйства соответственно перемещается и центр тяжести вредительской работы контрреволюционных сил. Начинается второй период деятельности вредительских организаций.

Постановка на очередь широкого капитального строительства, окончательный переход к централизованному управлению промышленностью в общесоюзном масштабе и прочное утверждение верхушки вредительских организаций на командных постах в высших хозяйственных органах, — все это вместе взятое создавало основные предпосылки для первых шагов планового вредительства, под знаком которого начинает проходить работа контрреволюционных сил в крупнейших хозяйственных и промышленных отраслях. Для характеристики этого вредительства приведем показания отдельных вредителей, данные ими следственным органам.

Цитируем брошюру тов. Кржижановского «Вредительство как оно есть».

В отношении вредительства по Алданзолоту характерно показание Подьяконова: «Я составил пятилетку капитальных затрат на сумму свыше 20 милл. рублей и ввел в программу 1926/1927 года 1 милл. руб. на заказ 18-футовой драги Путиловскому заводу, не имея детально разведанной площади, и заказ оборудования на гидростанцию, не имея точных данных о дебете воды» (стр. 23—24).

Деятельность вредительских организаций нефтяной промышленности в этот период лучше всего характеризуется показаниями инж. Покровского — главного инженера по постройке нефтепровода Грозный-Туапсе.

Вот что он говорит: «Механика вредительства последнего времени состояла в том, что вредители в производстве (трестов) представляли проработанные ими планы. Планы эти окончательно прорабатывались вредителями в ВСНХ и представлялись в Госплан. Так, например, привожу факты из грозненской промышленности. Производственная программа на 1926/27 г. была представлена с явно преуменьшенной добычей и такой же переработкой, при недостаточном выходе светлых продуктов и преувеличении капитальных затрат. При этом разведки были указаны в отдаленных от Грознефти местах. Этим самым проведение указанных выше вредительских линий в планах Грознефти, утвержденных Главгортопом, привело к меньшей эффективности результатов капиталовложения и задерживало развитие Грознефти. Обводнение пластов доказывали теорией синклинальных вод, а увеличение фонтанных добыч об'ясняли фонтанным характером новогрозненских месторождений. Такая вредительская политика, координированная с угольной промышленностью, давала в результате недостаток топлива для внутреннего рынка страны. Не буду подробно останавливаться на проводившейся вредительской линии в крекинговом строительстве, которое привело к срыву экспорта бензина и которое мною излагается в отдельном показании» (ib. стр. 29).

О плановом вредительстве в области транспортного хозяйства, характерном тем, что оно охватило верхние звенья советского аппарата — наркоматы и Госплан, ярко и образно показывает инж. Красовский: «перспективные планы, прорабатываемые и составляемые членами нашей организации, а именно Ванифатьевым, Шуховым, Федоровым, мною, Янушевским, были неправильны. Составлением таких неправильных планов наша организация преследовала следующие цели: 1) от государства требовать преувеличенные денежные средства, внося тем дезорганизацию в государственный бюджет, 2) срывать режим экономии отказом от изыскания средств внутри транспорта (рационализация, технико-организационные мероприятия), 3) скрывать преуменьшенными измерителями дезорганизаторскую работу членов организации, работающих на оперативной работе, 4) вызывать в ближайшие годы диспропорцию в различных отраслях транспортного хозяйства».

И далее Красовский показывает. «Вредительская деятельность Янушевского носила вполне продуманный и злостный характер. Деятельность эта выражалась не только в пропуске вредительских перспективных планов, вносимых нашей организацией в транспортную секцию Госплана, но и в самой активной и черновой проработке, при чем Янушевский углублял нашу вредительскую линию в области перспективных планов. Так, напр., он все время настаивал на увеличении паровозо- и вагоно-строения, идя в этих областях значительно дальше наших преувеличенных расчетов. Для черновой проработки всего вредительского комплекса эксплоатационных и тяговых вопросов (грузооборот, измерители, потребность в новом подвижном составе, потребности в оживлении подвижного состава и тому подобное) к Янушевскому ездили следующие члены нашей организации: я, Федоров, Шухов и Ванифатьев».

Заслуживает внимание еще одно место из показаний того-же вредителя: «После того, как мы с Янушевским по существу того или другого вредительского плана договаривались, он проводил эти планы в соответствующих инстанциях» (ib., стр. 30).

Уже из одного этого видно, насколько далеко заходили намерения вредителей. Можно ли после этого удивляться той бесстыдной откровенности, которой отличаются показания одного из главарей контрреволюционной организации военной промышленности — Михайлова, бывш. помощника начальника Главного военно-промышленного управления. Вот что показал он: «Конечная политическая цель, которую преследовала контрреволюционная организация, была — свержение Советской власти и установление нового государственного строя. В соответствии с этой целью контрреволюционная организация и построила весь план своей работы. Обороноспособность страны одной из главнейших баз имеет военную промышленность и определяется в сильной мере состоянием этой последней» (ib., стр. 31).

Не лишне вспомнить, что вредительская организация в военной промышленности под руководством бывших генералов Михайлова, Высочанского, Дыман и Кургуева вела ряд лет систематическую работу по подрыву обороноспособности страны. При этом контрреволюционная организация военных инженеров в силу специфического значения этой промышленности ориентировалась на всех этапах своей вредительской деятельности на будущую войну и интервенцию. Помимо этого, вредительская организация предусматривает также создание благоприятной обстановки для мобилизации боевых антисоветских элементов и устройства вооруженных восстаний в тылу.

Вот что, например, показывает по этому поводу один из членов этой организации вредитель в химической промышленности Деханов:

«Я предлагал для химических заводов при приближении неприятеля производить панику путем пуска например азотно-

кислых газов, газов серной кислоты, создание паники путем стрельбы членами организации и т. п. и говорил, что по моему мнению на почве такой паники может об'единиться более подвижной элемент, чем члены нашей организации, для активных выступлений».

Не была забыта вредителями и такая важнейшая отрасль промышленности, как авиационная. Роль ее и значение не отрицают и сами вредители. Так, один из них, инженер Макаровский, свои показания прямо начинает с того, что «ее роль особо серьезна и особо важна», и далее продолжает»: «Авиация и ее опорная база — авиационная промышленность — вот исключительно серьезный об'ект вредительства. Бить, так только по больному месту, бить, так уж так, чтобы удар действительно почувствовался, а удар по авиации — самый чувствительный, так как в предстоящей схватке за право жить, за право сохранить самостоятельность, авиация — и только авиация—будет решать, только авиация будет диктовать свою волю» (ib., стр. 33).

Вредительская работа велась и в других областях, тесно соприкасающихся с нуждами военного ведомства, и особенно — в области дезорганизации тыла с конкретным учетом случая возникновения войны. Один из членов руководящего ядра контрреволюционной организации на транспорте Красовский говорит по этому поводу в своих показаниях так: «Военное вредительство, проводимое нашей организацией на приграничных дорогах, выражалось: 1) в полной дезорганизации снабжения (материалы, запасные части для вагонов и паровозов), 2) в задержке кредитов на развитие пропускной способности и узлов, на ремонт подвижного состава, 3) в задержке проектов и темпа военных работ, 4) в создании разносерийности паровозного парка, 5) в усиленном разваливании паровозного и вагонного парка».

Другой вредитель, бывший генерал Орлов, занимавший должность главного инженера оружейно-пулеметного треста, в своих показаниях прямо указывает, что «это разрушение военной промышленности стояло в прямой зависимости от готовящейся интервенции иностранными державами против СССР, а, следовательно, и самое вредительство было направлено в сторону содействия стороне, нападающей на Советское государство. Вредительство было средством, чтобы поставить СССР перед фактом неподготовленности к войне, вернее, вредительством организация хотела сорвать предполагаемую мобготовность».

Мобготовность. Легко сказать, ту самую мобготовность, которой по словам того-же Орлова организация придавала большое значение, ибо «война могла быть только короткой, базирующейся только на мобготовности, а чем меньше этой готовности, тем больше содействия стране, собирающейся воевать с советами».

А какой огромной массы жертв стоила бы преступная деятельность хорошо сорганизовавшихся вредителей, если бы толь-

ко планам их суждено было сбыться и если бы органы ГПУ зорко не стояли на страже социалистического строительства Советской страны и не охраняли ее от попыток ярых врагов пролетарской диктатуры нанести рабочему классу удар в спину!

Приходится только удивляться, до какой степени омерзения и гнусности способны доходить в своей бешеной ненависти к СССР наши классовые враги! Может быть, а в самом деле, это об'ясняется тем, что вредителям трудно до сих пор примириться с мыслью о безвозвратной потере своих помещичьих и капиталистических привилегий. Ведь разводил же на шахтинском процессе Калганов философию вроде такой, что «при капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала; через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплоатацию рабочих». Чем иным, как не привычной службой капиталу и органической ненавистью к рабочим и крестьянам, можно об'яснить такие, поистине адские, замыслы остервенелых ненавистников Советской власти! По вполне понятным причинам мы не можем поделиться с читателем теми методами и способами, которыми предполагалось осуществить в жизни замыслы вредителей в вышеуказанных, составляющих основной нерв хозяйственной жизни СССР, отраслях промышленности.

Мы легко допускаем, что значительную роль в мотивах, руководивших преступниками, играло внесенное Октябрьской революцией радикальное изменение их положения во всех смыслах. В самом деле. Давно ли они были полноправными хозяевами и властителями судеб России. Одна за другой, как в калейдоскопе, проходили пред ними картины раннего избалованного детства, обеспеченной юности, прекрасные виды на будущее, неограниченные возможности проявления заложенных в самой натуре хищнических капиталистических тенденций и вдруг — полный срыв!

Особенно рельефно сказалась эта тоска о прошлом и сожаление о невозможности проявления многочисленных вредительских способностей в шахтинском деле. Один за другим выходили в этом процессе обвиняемые и, представ пред пролетарским судом, делали совсем необычные для того зала, в котором они судились, доклады. Совсем к другим разговорам и речам привык Колонный зал Дома союзов. В эти же дни переполненной аудитории его пришлось то и дело выслушивать доклады на тему о том, как вредили злейшие враги Советской власти делу социалистического строительства, как уже в то время вырабатывалась ими своя «пятилетка» вредительства, по которой кризис всей угольной промышленности Донбасса должен был произойти никак не позднее 1930 года, как большинство их выполняло свои преступные вредительские функции, как они проводили на практике полученные ими из заграничного центра «тезисы» — тезисы, в основном сводящиеся к тому, что

право собственности должно существовать, что большевики — захватчики, что все вернется к старым хозяевам, что работать надо при Советской власти бесхозяйственным образом, что следует всемерно вызвать недовольство рабочих. С наглой и циничной откровенностью докладывали вредители слушавшей их с затаенным дыханием аудитории из рабочих, как тонко и искусно вели они свою работу, настолько тонко, что для невооруженного глаза она была просто незаметна.

Недаром на вопрос общественного обвинителя тов. Гринько: «не отразилась ли вредительская работа в Шахтинском районе на наших затруднениях со снижением себестоимости и повышением качества угля», Березовский отчетливо ответил: «если бы не было вредительства, этих затруднений не было бы».

Зарубежная белогвардейская пресса и социал-фашистская печать готовы были снова и снова муссировать многократно и до сего распространявшуюся клевету о якобы ужасном отношении Советской власти к специалистам, притеснениях их и наносимых им рабочими обидах. Словно в ответ на все это, один за другим, как бы по предварительному между собой сговору, разбивали заранее подсудимые эти попытки в белогвардейской печати. Ни один из них не пожаловался на свое плохое материальное положение. Напротив, они говорили, что это положение с каждым годом все улучшалось и улучшалось. Ни один из них не мог сослаться на грубое отношение к ним со стороны рабочих. Никто из них не говорил также о каких бы то ни было обидах со стороны партийных и советских организаций. Словом, для их работы были созданы прекрасные условия и не вина Советской власти, что эти условия были использованы героями шахтинского процесса для вредительства, что на зов Советской власти ко всем этим лицам честно работать вместе с рабочим классом на пользу республики они, эти волки в овечьей шкуре, пришли с камнем за пазухой.

МОНАРХИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ И РЕСПУБЛИКАНСКИЕ МОНАРХИСТЫ.

Кто же в основном эти люди, которые прямой целью своей жизни и работы в СССР поставили себе вредительство, срыв рабочего строительства, предательскую деятельность в Республике советов? Какова их социальная сущность? Где причины их абсолютной неразборчивости в средствах и методах? Где корни, подготовлявшие в прошлом этих агентов международной буржуазии? На все эти вопросы мы постараемся дать ответ, хотя заранее оговариваемся, что исчерпывающую характеристику этих «героев» дать довольно трудно.

Основную и преобладающую группу членов вредительских организаций составляли лица, всей своей идеологией, мировоззрением и целеустремленностью теснейшим образом связанные с помещичьим, буржуазным, эксплоататорским строем. Эта же группа составляет как правило и руководящее ядро в большинстве случаев. В состав этого ядра большей частью обычно входят бывшие капиталисты, владевшие до Октябрьской революции промышленными предприятиями, либо состоявшие акционерами в различных обществах, либо обладавшие большими банковскими вкладами. Все эти лица, как правило, являются обычно центральными фигурами контрреволюционной антисоветской деятельности. Помимо этой группы, вредительские организации составлялись в значительной мере из крупных специалистов, не порвавших со своим прошлым, верхушки высококвалифицированного инженерства, занимавшего видное положение в деловом и финансовом мире, и в большой мере из военных инженеров, на долю которых предназначалась задача вредительства в одной из важнейших отраслей промышленности — военной. Понятно, что все эти бывшие люди, как по своему воспитанию, так и по политическим убеждениям, являлись непримиримыми врагами пролетарской диктатуры и верными слугами иностранного капитала и международной буржуазии.

Этими категориями, однако, кадры контрреволюционных вредителей не исчерпывались. Здесь необходимо упомянуть еще и о другой довольно компактной группе старых специалистов, которые хотя и не имели в прошлом ни капитала, ни собственных предприятий, но занимали при прежних своих хозяевах привилегированное положение.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что все эти лица не могли примириться с существованием советского строя и особенно со все укреплявшейся диктатурой пролетариата. Будучи по своей идеологии, формировавшейся в течение нескольких десятков лет, по своим методам работы, резко отличными от революционных требований нашей эпохи, они не могли не чувствовать себя чуждыми в атмосфере советской действительности. Все это, с одной стороны, и ряд других разнообразных мотивов — с другой, и облегчал им переход в стан открытых вредителей, сращивание с которыми не представлялось для них делом особенной трудности.

Однако, вредительская деятельность этих групп не ограничивалась только узкой сферой причинения вреда и ущерба на предприятиях и учреждениях, где они работали. Активная работа велась ими параллельно и по идейному вовлечению в сферу своих вредительских интересов и организации также и той инженерской общественности, которая комплектовалась из «середняцкого» и «молодняцкого» инженерства. Для этой цели использовывалось все: и служебное положение, и научный авторитет, и психологическое воздействие, и пропаганда неверия в социалистическое строительство, и игра на плохих настроениях отдельных лиц, разжигание оппозиционного чувства среди некоторой части технических работников и т. д. и т. д.

Таковы люди, составлявшие основное ядро вредительских организаций, и таковы способы вербовки новых кадров. При этом, в зависимости от обстоятельств и обстановки менялись и кадры. Так, например, вредительская организация в НКПС отличалась исключительным подбором своих членов на самых ответственных должностях.

Для снабжения иностранных правительств особо важной информацией, а также для информирования Торгпрома (Парижский эмигрантский «торгово-промышленный комитет») привлекались главные руководители вредительских организаций. В своей брошюре тов. Кржижжановский опубликовывает чрезвычайно интересные в этом отношении факты. Так, вредители треста «Донсода» занимались шпионажем в пользу мирового концерна «Сальве» в лице его представителя Теплица. На той же почве небезызвестного английского капиталиста Уркварта «обслуживали» члены контрреволюционной организации в цветной металлургии Шаров и Лессиг. Вредители в нефтяной промышленности Покровский, Голяк и др. шпионили в пользу самого Детердинга, а также Нобеля и парижского «Торгпрома». Наконец, руководитель контрреволюционной организации в металло-промышленности Хренников систематически снабжал секретными сведениями бывших хозяев и представителей акционеров: Мещерского и англичанина Гласса.

«Добавим, для большей ясности» пишет тов. Кржижжановский, «что позади Гласса стояли крупнейшие английские

концерны Виккерс и «Амрмстронг». Эти достоуважаемые промышленные предприятия, снабжающие вооружением английскую армию и флот, финансируются крупнейшими банками, которые ведут против СССР наиболее агрессивную политику. Нетрудно отсюда догадаться, что в бюджете этих же банков, равно, как и других зарубежных организаций буржуазии, нашлись определенные суммы для субсидирования контрреволюционных организаций в СССР. Можно совершенно определенно утверждать, что не существовало ни одной контрреволюционной организации, которая оказалась бы в стороне от заграничного золота».

При этом получателями этого золота были все члены организации сверху донизу, начиная от профессоров и светил техники и кончая безвестными инженерами и маленькими работниками, пойманными в сети руководителей вредительских организаций. Распределителями фондов контрреволюционных организаций выступали обычно вожди-вредители. Нельзя сказать, чтобы в этом отношении особенно строго соблюдался принцип справедливости. Масштабы были различные: от сотен и десятков тысяч до нескольких сотен рублей.

Для иллюстрации приведем некоторые показания вредителей, пользовавшихся подачками от иностранных «покровителей». Инженер Покровский, занимавшийся вредительством по нефтяной промышленности, о котором мы уже упоминали выше, признался в получении от Нобеля — «Торгпрома» через Стрижева и А. П. Иванова за период с 1924 г. по 1928 г. 165.000 руб. и от Нобеля «Торгпрома» через Федоровича—42.000 руб. Технический директор Грознефти Родненский (тоже, конечно, вредитель) заявил, что через него прошло 30—35 тыс. рублей, точно он даже не знает сколько. Но, если так оценивалась работа крупных членов вредительских организаций, то отпускаемые «малым сим» дозы выражались в неизмеримо меньших суммах. Так, один из вредителей Вохимтреста инж. Туманский показал, что первую сумму за вредительскую работу на Самарском заводе № 2 он получил от Деханова в размере 300 руб. Вторую сумму ему уже вручили в несколько повышенном размере—500 руб. Третью сумму — в 900 руб. — Туманский получил уже лично от Деханова в его кабинете на заводе. Так постепенно делал свою вредительскую карьеру инж. Туманский.

Перейдем теперь к характеристике отдельных вредителей и к обрисовке их политических и общественных физиономий. Здесь основной чертой, свойственной всем вредителям, является трусость и мы сказали бы даже кошачья блудливость, когда дело доходит до ответа перед пролетарским судом. При этом изыскиваются всевозможные средства. Нельзя было без смеха, например, слышать, как один из обвиняемых в шахтинском процессе Некрасов возбудил перед специальным присутствием Верхсуда ходатайство о приобщении к делу полученной им от

врача справки, что он заболел «защитной сознательной реакцией». Характерно, что до вручения обвинительного заключения Некрасов был здоров и никакой защитной или беззащитной реакцией не болел. А вот когда Некрасов почувствовал, что пришел момент дать ответ перед Советской страной за все совершенные им злодеяния, он вдруг заболел, почувствовал слабость, душевную размагниченность. Это — тот самый Некрасов, о котором один из характеризовавших его рабочих (Василий Прудников) показал, что Некрасов был известен рабочим, как зверски с ними обращавшийся и как избивавший, как о том ходили слухи, рабочих палкой. Тот самый Некрасов, который, уже в период революции и пребывания на Дону белых, выдавал белогвардейцам многих рабочих, которых арестовывали, уводили и которые после этого не возвращались. Одного рабочего Николая Чернова по указанию заболевшего «защитной сознательной реакцией» Некрасова арестовывали даже несколько раз и в конце-концов даже расстреляли. По словам тов. Прудникова, Некрасов среди рабочих был грозой. Его все боялись, так как за малейшее слово, которое не нравилось ему, рабочий подвергался аресту.

«Достойной» фигурой в галлерее шахтинских вредителей является Братановский. Странно было слышать, как этот вредитель, приговоренный судом к высшей мере наказания — расстрелу, пытался уверить суд, что он не может нарадоваться, присматриваясь к новой советской жизни. «На моих глазах растет молодое, здоровое поколение комсомольцев», говорил он,— «на моих глазах растут новые буйные силы. Они жаждут учебы и знаний. Ведь я так всегда симпатизировал тому, что несет прогресс и культуру». По меткому определению тов. А. Аграновского, перу которого принадлежит ряд интересных очерков о процессе (см. «Люди-вредители», Госиздат, 1928 г.), эту увертку Братановского иначе как взяткой пролетарской власти назвать нельзя.

Тактики Братановского придерживались все подсудимые в шахтинском процессе, одни с большим искусством, другие с меньшим. Все же можно констатировать совершенно определенно, что тактика эта, как для одних, так и для других, оказалась одинаково безуспешной, ибо Советскую власть таким манером едва ли кому удастся провести. Да и пролетарское чутье достаточно еще живо и в достаточной мере сильно, чтобы волка в овечьей шкуре разглядеть сразу и чтобы уметь отличить честного или даже случайно оказавшегося врагом пролетариата преступника и, чтобы уметь сразу же, невзирая на всякие прикрытия, разглядеть матерого вредителя.

Таковы в основных чертах отличительные свойства и особенности, прошедших перед судебными и другими органами вредителей. Едва ли многим отличаются от них по своим качествам и герои шпионских процессов и террористических похо-

ждений. О них мы еще скажем особо, когда коснемся этой стороны деятельности контрреволюционных сил в СССР.

Пока же перейдем к рассмотрению тех методов, которыми пользовались вредители в своей преступной работе, и способов, которые ими для осуществления их низменной цели применялись.

Ряд имеющихся следственных материалов в виде показаний обвиняемых дает основание для вывода, что тактика вредительских организаций находилась в тесной зависимости от международного положения СССР. Ничего удивительного в этом конечно нет, ибо, будучи одним из оружий для свержения Советской власти, вредительство, как и сами вредители, находилось под руководством вышвырнутых Октябрьской революцией из пределов России бывших собственников. Кроме того, не следует также забывать, что финансирование вредительства производилось регулярным образом и международной буржуазией, и агентами мирового капитала. В зависимости от тех или иных успехов социалистического строительства находилась и тактика в тот или другой момент. В 1918—1920 гг. белогвардейцы еще питали надежду на скорое падение Советской власти, для чего, как известно, они принимали всевозможные меры. Главнейшими из них были блокада, интервенция, саботаж и т. д. В этот период вредителями широко применялось консервирование предприятий, сокращение их эксплоатационной работы, задержка пуска новых фабрик и заводов, сокрытие недр от использования их Советской властью, умышленная порча инструментов и т. д. С улучшением международного положения в СССР и неизменным укреплением авторитета и возрастанием мощи Советского правительства внутри страны, надежды на свержение ненавистных большевиков вооруженной силой становилось все меньше и меньше.

Если к этому еще добавить, что Европа сама переживала в тот период острый экономический кризис, особенно достигший своего апогея в наши дни, и что Антанта сама вынуждена была употребить не мало усилий для залечивания полученных в империалистической войне ран, то станет ясно, что клыки хищного зверя в тот момент были достаточно притуплены. Независимо от этого, самый факт выпадения русского рынка из системы мировой экономики, факт, чрезвычайно чувствительно и болезненно отразившийся на всей системе мирового хозяйства, также потребовал от Европы перемены всей ориентации и изменения в связи с этим политического курса. Однако, самый факт существования советской страны все же не давал империалистам покоя. Иные времене, иные песни — и Антанта, убедившись в позорном провале интервенции, изыскивала новые способы и методы для изживания большевизма. На сцену выступила знаменитая политика английского премьера Ллойд-Джоржа, заключавшаяся в том, что под влиянием эко

номического общения с капиталистическими странами советский строй должен будет постепенно отмирать. Те из наших читателей, которые внимательно следят за политической жизнью важнейших стран Европы, помнят, что одним из основных пунктов пред'явленного империалистическими державами Советскому Союзу меморандума (май, 1922 г.) было требование о возврате иностранным собственникам национализированных предприятий, либо компенсирование их, в крайнем случае, предоставлением концессий. Таким образом, уже тогда Антанта делала прямую попытку путем реставрации провести политические цели и тактику международного капитала. Это находит себе подтверждение в показаниях целого ряда вредителей, которые мы будем цитировать по упоминавшейся нами брошюре тов. Кржижжановского.

Так, передавая речь Пальчинского на заседании вредителей, инженер Подьяконов показывает:

«Пальчинский кратко охарактеризовал предшествующую работу совета (одно из об'единений контрреволюционной организации) по руководству работой разных организаций. Совет, по его словам, программой своей деятельности поставил способствовать внедрению концессионного и частновладельческого капитала в СССР, чтобы этим путем изменить экономическую, а затем и политическую линии советского правительства в сторону предоставления частному и концессионному капиталу возможности вновь свободно развивать свою работу во всех областях хозяйства страны».

Такую же установку контрреволюционных группировок формулирует инженер Рутковский:

«Дело не должно было, конечно, ограничиться сдачей в концессию старым собственникам одного или нескольких хозяйственных об'ектов. Дело должно было пойти дальше: к массовому внедрению старых собственников в советское хозяйство, а отсюда — к изменению системы, характера советского хозяйства, а отсюда уже — и к изменению и политического режима страны» (ib., стр. 10).

Другой руководитель вредительской деятельностью в металлургии и машиностроении инженер Хренников следующим образом излагает одно из программных выступлений Пальчинского:

«Далее Пальчинский говорил, что он как человек, об'единяющий ряд вредительских организаций внутри Союза и **осведомленный о намерениях находящихся за границей бывших владельцев,** хотел бы поговорить о дальнейших направлениях во вредительских действиях. В частности, Пальчинский указывал, как цель,— добиться **привлечения иностранного капитала в нашу промышленность в виде концессий, что это повлечет ослабление советского режима и в результате явится, как придаток, частная собственность.** Пальчинский также указывал на

то, что за границей бывшие владельцы готовятся выступить и продолжать выполнять эту программу при условии получения концессий, и что мы должны всячески этому содействовать».

И, наконец, упомянутый уже нами однажды Рутковский о целях, вдохновлявших вредителей на их преступном пути, говорит следующим образом:

«Вся практическая вредительская работа моя вытекала из той основной установки, которую мне дал КГД (Клуб горных деятелей) и в первую очередь Пальчинский. Эта основная установка заключается в следующем: «старые собственники должны вернуться».

Отсюда и вытекали методы и способы действий. Начиная с 1921 г., руководители вредительских организаций в металлургии и машиностроении, будучи тесно связаны с заграничными вдохновителями, получали от бывших собственников директивы о содействии в концессионировании их национализированных Советской властью предприятий. Деятельностью этой руководили и принимали активное участие «Торгпром» в Париже и английские промышленные круги. При чем непосредственными проводниками концессионной тактики в металлургии и машиностроении являлись: англичанин Гласс — представитель акционеров Новороссийского (Юзовского) общества и Мещерский — директор-распорядитель акционерного общества «Сормовская колонна».

Чрезвычайно важно отметить, что на долю контрреволюционных организаций в СССР в этот период по заданиям бывших собственников выпадала серьезнейшая задача.

«Вредительство», говорит тов. Кржижановский, «являлось средством дискредитировать самую идею восстановления промышленности собственными силами без помощи частного капитала». Для этого делалось все.

Хорошо об этом рассказал один из членов вредительской группировки инж. Лесиг:

«Наша группа надеялась, что в ближайшем же будущем как только выяснится, что отпущенные (на цветную промышленность) суммы окажутся далеко недостаточными, Правительство ввиду тяжелого материального положения страны не сможет пойти по пути дальнейших капиталовложений и сдаст предприятия цветной промышленности в концессии».

К явлениям того же порядка относится и вовлечение Советской власти в излишние непроизводительные расходы. Так, например, действовали вредители по Уралплатине, занимавшиеся вместе с тем консервацией недр для будущих концессионеров.

Что же касается вредительской деятельности на транспорте, то она имела другую установку. Само собой разумеется, что как бы ни были велики причиняемые транспорту контрреволюционными организациями разрушения, о сдаче железных

дорог в концессию иностранному капиталу не могло быть и речи». Поэтому, пишет тов. Кржижжановский в своей брошюре, «вредительство в НКПС, относящееся по своему характеру к концессионному периоду, ориентировалось на восстановление частной собственности в тот момент, когда «эволюция» Советской власти под воздействием внедрившегося иностранного капитала приведет ее к самоупразднению».

Но так или иначе деньги вредителям платились ведь хозяевами не за красивые слова, а за реальные дела. От получателей денег требовались реальные вредительские действия, и они не замедлили последовать. Особо централизованный характер управления транспортом открывал перед захватившей руководящие посты в аппарате НКПС контрреволюционной организацией исключительно широкие перспективы, которые и были полностью использованы вредителями. Тут — и усиленное снабжение новым подвижным составом частных железных дорог, и усиленная смена рельсов на них, и усиление их пропускной способности, и попытка перестройки дорог сети и реорганизации форм управления дорогами таким образом, чтобы усилить доходность частных дорог за счет присоединения доходных участков казенных дорог, а также стремление реорганизовать управление дорогами таким образом, чтобы облегчить частным владельцам после возвращения к ним их собственности безболезненный переход на соответствующие формы управления. Вредительски проводился и ряд других мероприятий вплоть до внесения под флагом «рационализации» ряда проектов, эффект от которых, разумеется, должен был быть далеко не на пользу Советской власти.

Постепенно изменяя свою тактику в зависимости от тех или иных условий хозяйственно-политической жизни страны, вредители впоследствии перешли и к другим методам действия. Они заключались в том, что различными путями намечалось создание в хозяйственно-экономической жизни страны непрерывных кризисов на почве несоответствия размеров производства одних отраслей промышленности пред'являемому к нему спросу со стороны других отраслей и населения. Насколько большое значение придавалось вредителями этому методу и насколько велики были их надежды на эффект от него, доказывают следующие показания Подьяконова, которые мы и приводим, цитируя по брошюре тов. Кржижжановского:

«В дальнейшем совет наметил политику воздействия на нормальный ход хозяйственно-экономической жизни страны путем создания в ней непрерывных кризисов на почве несоответствия размеров производства одних отраслей промышленности пред'являемому на него спросу со стороны других отраслей и населения. Основным средством для этого, по мнению совета, является работа организации и членов ее в области программной как при обычных годовых программах, так и в

особенности при составлении программы на пятилетие и более долгие сроки. Сведения для этих программ и их составление должны проводиться таким образом, чтобы результатом их являлся непрерывный, если можно выразиться, хозяйственный кризис, переживаемый страной то в той, то в другой области хозяйства. При сложности явлений хозяйственно-экономической жизни такой обширной страны, как СССР, где хозяйство еще находится в стадии организационной, где многие факторы еще не изучены и относительно их значения существуют большие разногласия даже среди партийных работников, проведение такой политики в области программ гарантирует возможность ее наилучшего сокрытия и даже в случае обнаружения хотя бы и крупного несоответствия программы действительным нуждам такое несоответствие всегда может быть об'яснено или ошибкой, или недостатком средств, или невозможностью учесть всю сложность создавшейся обстановки.

В то же время эта политика затронет самые широкие слои населения. Кризисы в области промышленности, работающей на нужды населения, увеличат неизбежно цены на фабрично-заводские изделия и создадут недовольство крестьян, результатом которого будет сокращение сельского хозяйства и потому — недостатки и дороговизна этих продуктов, что в свою очередь создаст недовольство и в широких рабочих массах. В то же время недостаток основного сырья, как следствие кризисов, сделает необходимым закупку их за границей, что не может не отразиться на положении денежного и финансового хозяйства и на устойчивости валюты» (ib., стр. 26).

Мы умышленно привели такую большую цитату. В ней — все. Целая программа действий. Добавить к ней нечего. Чтобы, однако, закончить характеристику методов антисоветской борьбы контрреволюции в этот период, необходимо также указать, что широко практиковался и шпионаж, а также систематическое информирование вредителями контрреволюционных организаций. Из имеющихся у Советской власти следственных материалов вытекает, что все без исключения заграничные связи, обслуживавшие вредительскую деятельность, одновременно использовались для передачи капиталистам и злейшим врагам Советской власти секретных сведений о состоянии нашей промышленности. Этим занимались: Пальчинский, Федорович, Рабинович, Покровский, Голяк, Шаров, Лесиг, Хренников и другие, о чем мы уже говорили выше.

Особенно разнообразились вредителями методы их преступных действий в каменноугольной промышленности. Все их маневры и уловки в этой важнейшей отрасли народного хозяйства наиболее полно выявились в шахтинском деле, как во время предварительного, так и судебного следствий.

О попытке инж. Элиадзе огульно очернить всю без исключения армию советских специалистов, попытке, правда, неудач-

ной, мы уже говорили. Для нас, впрочем, такая манера не должна казаться чем-то новым. Попытку вырыть яму между рабочим классом и специалистами контрреволюция делала уже с первых дней существования Рабоче-крестьянской власти. Попытки эти, как известно, были лишь недавно вновь повторены белогвардейской прессой в связи с расстрелом 48 вредителей рыбной, мясной, овощной и консервной промышленности. Как и всегда, продажные белогвардейские перья, воспользовавшись случаем, старались изобразить дело так, что нет более несчастного, забитого, жалкого и загнанного существа, чем советский специалист. Нас поэтому подобные диверсии белогвардейских литераторов удивлять не должны. Зато — ни слова об огромной вредительской работе, совершавшейся на протяжении длительного периода вредителями, получившими заслуженную кару, в громовых статьях защитников «бедных специалистов» читатель не найдет, а рассказать по этому поводу было бы о чем. Достаточно только прочесть оглашенные показания расстрелянных вредителей. Широкая волна искреннего возмущения всех трудящихся, вызванная преступной работой вредителей, свежа еще в памяти.

Вернемся однако к методам и способам вредительской работы контрреволюционных организаций. Как и в остальных случаях мы будем подкреплять наши изложения ссылками на отдельных вредителей, откровенно признававшихся в своих преступлениях и методах борьбы. Так, из показаний Самойлова на шахтинском процессе мы узнаем, что у политической контрреволюционной организации была целая программа действий. В чем же она заключалась?

«Она заключалась в первую очередь в том, что члены ее старались понижать политическое настроение рабочих. Во-вторых, организация пыталась перенести всю тяжесть обвинения за те или иные недочеты с истинных виновников — инженеров-вредителей — на Советскую власть. С этой целью в шахты рассылались свои люди, свои агенты, которые должны были возмущать рабочих и доводить их до забастовки». Был еще и третий пункт программы: грубость к рабочим, издевательство технического персонала. Характерно при этом, что наглость политической вредительской организации доходила до того, что если с каких-нибудь мест увольняли своего человека, вредители об'являли бойкот этим местам.

Этим программа вредительских действий не исчерпывалась. В запасе были оставлены такие пункты, как борьба с выдвиженцами рабочими и коммунистами, борьба с рабочим изобретательством, антисемитская агитация и даже агитация за... троцкизм. Считая, что в борьбе все средства хороши, если они ведут к цели, вредители вытащили из архива даже такой, казалось бы, никаких шансов на успех не имеющий лозунг, как «Да здравствует самостийная Украина». Конечно, этими

одними пунктами программа политической организации, в которую по сути дела превратилась организация вредителей-шахтинцев, не исчерпывается. Надо полагать, что их было гораздо больше, ибо вышеуказанные пункты выявились только из опроса двух обвиняемых, остальные эти пункты дополняли. Так же, как и их заграничные вдохновители, шахтинцы свои политические убеждения сводили к одному слову: «концессии». А от них — и все качества. Отсюда,— и стремление во что бы то ни стало довести народное хозяйство до такой степени развала, чтобы необходимость обращения к варягам, т. е. к иностранным капиталистам и бывшим хозяевам, выявилась в полной мере.

Иногда вредители проявляли большую заботу о рабочих, о тех самых рабочих, гибели которых они желали денно и нощно. Вот, например, инж. Нашивочников. Он вдруг стал усиленно заботиться о здоровьи своего заместителя — рабочего Домненко. Это даже лишило его спокойствия духа и Нашивочников начинает заботливо предлагать Домненко поехать в отпуск, поправиться, полечиться. Читатель вероятно догадывается уже об истинных причинах такой почти отеческой заботливости Нашивочникова. Дело об'ясняется очень просто. Домненко — коммунист, он хорошо разбирается в горном деле, поэтому от Домненко надо избавиться, как надо вообще избавиться от рабочих, коммунистов, честных специалистов.

К счастью, однако, избавиться от честных рабочих, коммунистов для вредителей не так легко. Тогда на сцену выступает другой прием — стремление во что бы то ни стало дискредитировать этих честных работников. Посеять рознь между ними и всей остальной рабочей массой. Воздвигнуть китайскую стену между ними.

Делается это просто. Все недовольство рабочих вредители пытаются в этих случаях переключить на недовольство этими честными работниками. Низка расценка — виноват Домненко. Он ведь — коммунист, он ведь — ваш, пеняйте на него. Так находится в стадии организационной, где многие факторы еще натравливались рабочие на своих партийных товарищей. Стоит об'явить выговор прогульщикам, пьяницам, лодырям, как Нашивочниковы тут же с ласковой улыбкой и сладкими словами на ядовитых устах успокаивают обиженных: мы де не при чем, мы бы так не поступили; это — все ваши коммунисты.

Надо ли говорить, что все недочеты, все неполадки сваливаются на коммунистов, а тем временем вредители продолжают свои преступные работы. Что только для этого не делается! Сознательно нарушаются все целесообразные распоряжения и приказания. Систематически дискредитируются честные рабочие и коммунисты, подвергаются насмешкам, издевательствам и т. д. Лишь бы их выжить или заставить самих уйти.

О шпионских действиях заговорщиков-вредителей в шахтах и говорить нечего. Они усиленно снабжали своих хозяев сведениями о состоянии шахт.

Они совершенно сознательно осуществляли свои преступные замыслы. Сплошь и рядом сами подсудимые в своих рассказах перед судом выявляли себя полностью, с головой. Характерно было признание подсудимого Матова, что вредительская деятельность принесла Советскому Союзу миллионы рублей убытков. По директивам вредителей затоплялись шахты и взрывались электрические станции. Матов признался в том, что он не только экономически вредил Советскому Союзу, но руководил передачей в «известные» учреждения сведений, которые на случай интервенции (а ее, как мы уже знаем, вредители ждали со дня на день) ослабляли обороноспособность советской страны.

Другой обвиняемый Самойлов подробно рассказал суду о путях, по которым шла вредительская деятельность контрреволюционной организации:

«Главным об'ектом вредительства были прежде всего механизмы, затем продукты горной работы и, наконец, врубовые машины. Я признаю себя виновным в том, что с моего ведома была выведена из строя турбина электрической станции, питавшая энергией все Донецко-грушевское рудоуправление.

Следующий акт вредительства заключается в том, что мы совершенно сознательно ослабили котельное хозяйство электрической станции. На шахте, которая находилась под моим руководством, умышленно не ремонтировалась золотниковая коробка под'емной машины. Затем нами умышленно не были установлены предохранители для копровых шкивов, вследствие чего в любое время клеть могла упасть в шахту. Сортировки находились в неудовлетворительном состоянии. Ремонт их в свое время не производился. Говоря о вредительстве в области горных работ, я должен указать на разработку рыхлого пласта, которую я, начиная с 1926 г., производил по заданиям Калганова. Разработка этого пласта была заведомо невыгодным делом».

Продолжая далее свои признания, Самойлов, говорит:

«У меня есть один последний пункт вредительства — это в отношении рабочих. Я не скажу, чтобы это было системой, но во всяком случае вредительская деятельность заключалась в том, что мы старались понижать политическое настроение рабочих. Рабочие находились в тяжелых условиях труда и быта. Без всякого ущерба для производства можно было улучшить материальные условия шахтеров, но этого не делалось и рабочие роптали. Точно также вызвала нарекания рабочих задержка проведения в жизнь коллективных договоров. У нас все время велась такая линия, чтобы как можно больше оттянуть проведение их в жизнь. Все это было. Оправдываться здесь нечего».

Так говорил на суде Самойлов, которого можно причислить к идеологам философии вредительства. Правда, факт существования целой системы вредительства отрицался Самойловым, но разве все то, что он говорил, вся изложенная им методика вредительства не есть система? Мы бы даже сказали, что это — не просто система, а система в действии, ибо все, что излагалось Самойловым относительно программы и путей вредительства, целиком и полностью проводилось в жизнь.

Видное место в методах контрреволюционного вредительства занимает и преступно-небрежная упаковка товаров, выписываемых и приобретаемых Советским государством из-за границы. Составляя в большинстве случаев ценнейшие машины и механизмы или чрезвычайно ценные по своей стоимости препараты, эти товары, находясь в пути довольно длительное время, требуют особенно внимательного к себе отношения. Малейшая погрешность в упаковке их способна иногда повлечь за собой самые серьезные последствия для качества товаров, вплоть до превращения его в негодное состояние. Отлично понимая это, вредители решили, что для их преступной деятельности и небрежная упаковка товара — также метод.

Другим, не менее распространенным методом вредительства было приобретение за границей не тех машин и инструментов, которые фактически требовались. Результат таких «закупок», конечно, был самый отрицательный: работа не двигалась, зря затрачивались деньги, машины не использовывались. Потом, когда уже открытое вредительство начинало бросаться всем в глаза, преступники деловито предлагали переделать и приспособить машины. Таким образом, являлась возможность завуалировать свое преступление, а с другой стороны достигнуть все же цели создания серьезнейших тормозов в работе. Так было и в Донбассе, где выписывались врубовые машины, негодные для верхней зарубки, и предлагалось их переделать. Иногда на почве такого преступного отношения к машине происходили несчастья.

«Пласт оказался слишком твердым» рассказывал на суде Бадштибер». Однажды случился обвал из-за неправильной работы машины, но обошлось без несчастных случаев и я был очень доволен, когда за мной приехал Никишин и забрал меня на другой рудник. Там повторилась та же история. Там снова надо было переделать машину для верхней зарубки и опять работа машины оказалось недостаточной».

Что ни новый вредитель, что ни новое разоблачение им методов и приемов контр-революционных действий, то все новые и новые сообщаемые ими способы. Особенно подробно, даже с какой-то нарочитой деловитостью в изложении, остановился на них один из главарей шахтинских вредителей Братановский. Он прямо начал с того, что целью вредителей в первую очередь было занять командные высоты. Почти все они занимались

членами вредительской организации. Затем, в очередную задачу входил захват инженерно-технических секций. Таким путем делалась прямая попытка распространить свое влияние на профсоюзы и приобрести известную популярность среди рабочей массы, чтобы в дальнейшем направлять их стремления в желательную для организации сторону. Кроме того, пользуясь личным отношением с официальными лицами, члены организации внушали им свои идеи вредительского характера. Все это, конечно, окружалось строжайшей конспирацией. Все конфликты, как правило, вызывались намеренно с целью, обернув их против режима на руднике, фактически направить их против всего советского режима.

Мы уже говорили, что основной целью контр-революционных организаций было — заставить всеми мерами Советское правительство сдать важнейшие предприятия, нередко составлявшие жизненный нерв страны, в концессии. И вот, дополнительно к основному, т. е. к содействию сдаче концессии, прибавлялось принятие таких мер, которые в случае интервенции могли бы выбить предприятие из колеи, разрушить его и создать целый комплекс причин, который должен был повлиять на решение этого вопроса в благоприятную для вредителей и их вдохновителей сторону. В свете всего сказанного, признание Казаринова — тоже одного из главных вредителей в шахтинском процессе, что им было получено директивное письмо от организации, которым предписывалось закупать как можно больше оборудования и оттягивать на возможно более далекий срок присылку этого оборудования, является уже только деталью, штрихом.

Таковы в самых основных чертах методы и способы, к которым прибегали вредители для достижения своей цели. Перечисление этих методов можно было бы умножить рядом других разительных примеров. Но и приведенных нами достаточно, чтобы картина вредительской деятельности контр-революционной организации предстала перед читателем во всей своей полноте.

ДИАЛЕКТИКА ВРЕДИТЕЛЬСТВА.

Перейдем к изложению той части работы белогвардейских и контр-революционных организаций в СССР, которая относится уже к области шпионажа. Здесь необходимо подчеркнуть, что масштаб работы в этом направлении был нисколько не меньше работы в других областях. Как и во всех случаях, и здесь были свои периоды взлетов и затишья. Как и всегда, в основу и здесь принималось то или иное международное положение СССР. Но само собой разумеется, что главная цель, которая преследовалась в области шпионажа вредителями, заключалась в получении агентами контр-революционных организаций сведений, касающихся обороноспособности страны и состояния военной, а также важнейших, соприкасающихся с ней, отраслей промышленности. О работе врагов Советской власти в области военного шпионажа скажем специально ниже. Пока же для завершения картины вредительства на фронте хозяйственно-экономическом посмотрим, как проводилась шпионская работа здесь.

Лучшим примером, на котором картину этой работы можно выявить, является попрежнему деятельность вредителей в горной промышленности и, в частности, в каменноугольной. Как и в остальных случаях, следуя установленному нами с самого начала правилу, мы будем стараться подкреплять высказываемые нами положения словами и показаниями самих участников и руководителей шпионской работы. И опять-таки, лучшим фоном для обрисовки этой работы мы попрежнему считаем шахтинский процесс, поскольку на нем выявилось, что контр-революционные организации именно здесь развили большой диапазон деятельности, и поскольку имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет наиболее безошибочно делать те или иные утверждения и выводы.

Было бы конечно ошибкой считать, что ряды вредителей исчерпываются лишь теми из них, которые свою преступную деятельность проводили в пределах Советской страны. Мы уже неоднократно подчеркивали, что весь анализ международной контр-революционной работы буржуазии с неопровержимостью приводит к тому, что главные нити шпионской работы находились, конечно, за границей, там же сосредоточивались основные

источники финансирования, равно как и инструктирование и руководство всеми белогвардейскими силами, направляемыми для вредительской работы в СССР, либо вербуемыми здесь. И когда к такой уверенности прибавляется еще открытое признание таких видных членов вредительской организации, как Братановский, уверенность эта пробретает уже характер убедительнейшего факта. В самом деле: никто иной как именно Братановский заявил на суде, что все они были исполнителями. Инициаторы же находились за границей. Мы отлично знаем, где этих инициаторов надо искать. Для нас далеко не секрет, что находились они во всевозможных штабах, банках, контрразведках, крупных фирмах и что все они добивались одной цели: свержения Советской власти. Однако, поскольку эта цель не удавалась, надо было выдвинуть подсобную цель: все сделать таким образом, чтобы в нужный момент можно было всю работу остановить. И делалось это не для чего-нибудь, а на случай интервенции, как об этом откровенно заявил на процессе бывш. офицер Соколов. А допрошенный на суде бывш. поручик Бояринов прямо заявил, что в полученном им от руководителя шпионской работы Дворжанчика письме (в 1927 г.) содержались определенные директивы на случай войны. И другим подсудимым членам вредительской организации, ничего не оставалось делать, как признаться в том, что и их сношения с заграницей имели определенно чисто-шпионский характер.

Один из них — Детер даже пояснил:

«Во всяком случае для меня было ясно, что Москва — центр. Это не исключало конечно того, что можно передавать через... известные учреждения сведения непосредственно в Польшу. Все эти сведения шли через... известные учреждения в Харькове в... известные учреждения в Польше».

На происходивших собраниях актива организации вопросы об интервенции и о сношениях с иностранными учреждениями гражданскими и военными ставились прямо. На прямые, не вызывающие никакого иного толкования и убийственные по своему проникновению в корень дела, вопросы государственного обвинителя тов. Крыленко, Братановский, например, должен был прямо признать, что вредительская организация работала в контакте с определенными правительственными учреждениями заграницей, что она являлась отделением иностранного буржуазного государственного образования, что она получала от иностранных промышленников и учреждений деньги, превратившись в субсидируемый иностранными государствами орган и, что организация задавалась целью определенного вредительства на случай войны.

Этот же Братановский показал, что в Харьковском центре делались доклады о заграничных об'единениях и что отсюда заграницу — во Францию и в Польшу (это были две основные

линии) направляли сведения в четырех экземплярах не только о мощности пластов и о состоянии работ в шахтах, но и о вопросах, связанных с интервенцией. Посылались планы поверхности с указанием железных дорог, станций, грунтовых дорог, словом, сведения самого настоящего стратегического характера, которые могли иметь значение с точки зрения диверсионных актов в тылу.

Другой обвиняемый по этому же делу Березовский на аналогичные вопросы тов. Крыленко ответил, что за период 1925—1926 гг. главными инженерами собирались и передавались следующие сведения: о добыче, о себестоимости, о запасах материалов, о составе рабочей силы, о количестве рабочих призывного возраста, о наличии взрывчатых веществ.

Там, за границей, эти сведения разрабатывались, систематизировались и соответствующим образом учитывались. На основании этих сведений давались дальнейшие директивы и указания для ведения шпионской работы. Так, упомянутый уже нами Дворжанчик посылал такие письма Будному, Сущевскому, Соколову и Детеру. Из допроса подсудимого Кузьмы суду также удалось с совершенной точностью установить, что отправлявшиеся заграницу сведения информационного характера о состоянии рудников носили определенно-шпионский характер.

Как мы уже говорили, сведения эти были довольно разнообразные. Отправлялись они заграницу периодически и посылались находяшемуся в Париже осколку бывшего совета с'ездов горнопромышленников Юга России. В числе сведений, «по существу вполне невинных», как их пытался охарактеризовать на процессе Братановский, были такие пункты, которые никак не вызывали сомнения относительно их назначения. Какого характера были эти пункты, читатель уже знает.

Деньги на ведение шпионской работы поступали из-за границы. Сначала они шли из парижского центра через Дворжанчика, затем, когда средства этого центра иссякли, представители его связались с французскими горнопромышленниками и те, в том числе Бурос, Форет и Ремо, продолжали финансирование. При этом средства последними черпались также из правительственных кругов, которые они использовали благодаря своим связям. Дворжанчик вскоре организовал у себя в Польше нечто подобное парижскому центру, откуда также пошли деньги, но в гораздо меньшем количестве. За это вредители должны были посылать сведения также и в Польшу. Был еще один источник поступления денег. Это — проценты от фирм, заинтересованных в получении заказов. Под видом таких процентов деньги фактически поступали для финансирования вредительских организаций. В числе фирм, которые проценты эти платили, были фирмы: АЕГ, Эйгоф и Кнапп. Техника передачи денег практиковалась следующая: либо через приезжавших в СССР представителей иностранных фирм, либо через ездивших

заграницу представителей Донугля. О размерах поступавших из-за границы сумм интересные сведения удалось получить во время допроса одного из вредителей Шадлуна. Последний периодически встречался с бывшими хозяевами: Ремо, Дексером и другими, от которых получил 100 долларов и 10 фунтов, а потом стал получать деньги золотом, «стопочками по 200 руб.». За все это хозяева настойчиво требовали аккуратной присылки нужных им материалов. Иногда они попутно давали и приказания оперативного характера. Так, Ремо потребовал от Шадлуна затопить шахту № 14 Берестовско-богодуховскую. Не долго думая, Шадлун передал это поручение Некрасову. Тот оказался аккуратным и исполнительным вредителем и шахта № 14 была затоплена.

Не довольствуясь перепиской со своими агентами, Дворжанчик устраивал и личные встречи с вредителями. Так, однажды, им послано было письмо находившемуся в Берлине Казаринову с указанием, что Дворжанчик хотел бы «с ним встретиться». Свидание состоялось очень скоро после этого. Происходило оно в русском отделе фирмы АЕГ, при чем кроме Казаринова на этом же совещании присутствовали: Башкин, Блейман и еще какой-то служащий русского отдела. Здесь же Дворжанчик сообщил, что разрозненные прежде заграничные организации должны скоро об'единиться в союз бывших торговцев и промышленников бывшей России. При этом он добавил, что эта организация будет международной и будет связана с «Обществом кредиторов бывшей России». Весьма недвусмысленно при этом Дворжанчик тут же поставил ряд новых требований и условий, грозя в случае непринятия их прекращением финансирования. Так шел бесстыдный торг, на переднем плане которого была голая продажа своей страны — продажа дешевая, продажа той самой России, в любви и преданности к которой распинались вредители.

Еще один интересный момент выяснился из эпохи вредительских организаций в этот же период. Дворжанчик настаивал все время на усилении экономических затруднений для СССР. Этот метод борьбы по словам одного из обвиняемых он назвал «огнем экономических затруднений». Во время этого разговора возник вопрос о приблизительном сроке готовящейся против СССР интервенции и тут Дворжанчик заявил, что интервенция по всей вероятности будет отложена до 1929—1930 гг. Пока же предлагалось «палить» по СССР разными мерами вредительского характера, как-то: искусственным сокращением добычи, развитием строительства, там, где это было нецелесообразно и т. д., и т. д.

Здесь нелишне отметить, что, будучи в Париже, видный вредитель в шахтинском деле Матов вместе с Юсевичем был на одном совещании бюро бывшего С'езда горнопромышленников, на котором доклад делал бывший секретарь С'езда горно-

промышленников юга России Соколов. В своем докладе Соколов проводил ту мысль, что Франция уже закончила восстановительный период после войны и теперь задача членов бывш. С'езда горнопромышленников оказать давление на французское правительство в целях обострения отношений между Францией и Советским Союзом.

В этом же докладе Соколов говорил о том, что не следует ограничиваться только порчей взаимоотношений между Францией и СССР, а надо склонять французское правительство к военным действиям против Совета.

Как все это напоминает нам известную картину, не прекращающуюся и до сих пор. Совершенно не будучи в силах добиться чаемой цели поставить на колени все растущий и крепнущий СССР, вопреки предсказаниям обанкротившихся политиков о скорой гибели его, контр-революционеры и белогвардейцы всех мастей не без активной поддержке социал-предателей, ведь и по сей день не прекращают свои попытки повлиять на правительства крупнейших государств Европы порвать с нами дипломатические и торговые отношения. Мы знаем, что иногда это им на время и удается. Тем хуже, конечно, для тех близоруких политиков, которые до сих пор еще не умеют достаточно разглядеть истинной физиономии своих «советников».

Чтобы закончить изложение методов и способов экономического вредительства, переходящего, как мы видим, сплошь и рядом в совершенно оформленный экономический шпионаж, нам остается остановиться только еще на нескольких эпизодах, нашедших себе рельефное отражение при разборе шахтинского дела. Героями, как и в предшествовавших случаях, выступают здесь члены все той же вредительской организации, об отдельных представителях которой мы уже говорили выше. Исчерпать полностью всю галлерею персонажей этого типа за недостатком места мы просто лишены возможности, поэтому ограничимся наиболее яркими эпизодами.

Одним из них является момент допроса обвиняемого Будного. Из ответов данных им государственному обвинителю тов. Крыленко суд имел тогда возможность установить, что для организации связи между зарубежными вредителями и членами шахтинской организации Будным была организована своего рода почтовая контора, через которую производилась не только передача директив и инструкций, но и денег. Таким образом, Будный переслал и передал в разное время другим членам вредительской организации свыше 35 писем, из коих больше всех приходится на долю Сущевского. Из дальнейшего допроса Будного нетрудно было выяснить, что экономический шпионаж, конечно, густо переплетенный с вредительством, практиковался в широких размерах. В течение ряда лет Будный служил органом связи между контр-революционной организацией бывших собственников-капиталистов заграницей и целым

рядом ответственных руководителей каменноугольной промышленности в СССР. Он заведомо знал о том, что эта связь носила конспиративный, нелегальный, контр-революционный характер. Осуществлялась эта связь Будным нелегальным путем с использованием своих знакомств и отдельных лиц, связанных с рядом некоторых заграничных учреждений.

Выяснилось также, что другой обвиняемый — Юсевич — совершил свои неоднократные путешествия заграницу далеко не с одними служебными целями. Мы понимаем под этим выполнение тех или иных поручений, непосредственно связанных с полезной для Советской власти и Советского государства оперативной работой. Превалирующими мотивами во всей заграничной работе Юсевича было, однако, не это: энергия развивалась в совершенно противоположную сторону, а именно, в сторону экономического шпионажа. Во время одной из таких поездок за границу Юсевич встретился с представителями одной французской фирмы, с которой велись тогда переговоры о работах по проходкам шахт. По странному совпадению, консультацию по этим вопросам давал некий Бурос, тот самый Бурос, который раньше был директором этих шахт. Перед поездкой в Париж Юсевич получил для парижского центра соответствующую информацию, которую он и передал тому же Буросу, входившему в то время в Парижский центр. Самое интересное и самое важное заключается однако в том, что командировка Юсевича заграницу состоялась по поручению организации. Разумеется, по возвращении в СССР Юсевич, как это в таких случаях полагается, сделал организации доклад о своей поездке.

Надо сказать, что с точки зрения вредительства поездка эта, как было установлено на суде, прошла удачно. Из-за границы он вернулся также не с пустыми руками: он получил там от Соколова 100.000 франков, которые передал Матову. Всего же Юсевич вместе с Матовым получили на нужды вредительской организации 500.000 франков.

И, наконец, для завершения этой части нашего труда следует еще остановиться на другом эпизоде шахтинского дела, ярко характеризующем тот экономический шпионаж, которым вредительская организация занималась. Мы имеем в виду показание, вернее, признание обвиняемого Скорутто, рассказавшего суду, что, когда он пришел к другому обвиняемому Л. Г. Рабиновичу, последний дал ему прочесть письмо Соколова, в котором тот предлагал сорганизовать в Москве организацию по каменному углю. Это нужно было для того, чтобы задержать или совсем аннулировать темпы развития этой промышленности. В этом же письме указывалось, что в Донугле есть своя крупная организация, так что в центре в сущности надо ее только прикрывать, а здоровые мероприятия затормаживать. В этом же письме, далее, подчеркивалась необхо-

димость пересылки некоторых сведений вообще по каменноугольной промышленности в СССР, при чем тут же заверялось, что все члены организации будут, конечно, получать денежную поддержку из Парижского центра.

Комментарии к этому излишни. Факты говорят сами за себя.

Напомним, кстати, читателям, что, рассмотрев все обстоятельства дела, специальное присутствие Верховного суда приговорило главнейших вредителей Горлецкого, Березовского, Шадлуна, Казаринова, Бояршинова, Матова, Братановского, Бояринова, Кржижановского, Юсевича и Будного к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего имущества.

Березовскому, Казаринову, Матову, Братановскому, Шадлуну и Бояршинову постановлением Президиума ЦИК Союза ССР высшая мера социальной защиты (расстрел) была заменена 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества.

Остальные обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на разные сроки от 1 до 10 лет со строгой изоляцией с поражением в правах и конфискацией в той или иной мере имущества у большинства из них.

Так кончился пир их бедою. Так обрушилась сурово рука пролетарской диктатуры на вредителей и шпионов. С такою же силой будет она и впредь карать всех тех, кто попытается срывать преступными путями дело социалистического строительства в Республике трудящихся.

«ОКНО В ЕВРОПУ».

Ряд прошедших за последние годы перед Военной коллегией Верховного суда СССР процессов о контр-революционных организациях служит лучшим свидетельством того, что шпионаж и террористическая деятельность зарубежных белогвардейцев не только не уменьшается, но проявляет заметные тенденции к своему усилению. Отличительной особенностью всех этих дел является то, что почти все члены шпионских организаций либо находятся непосредственно на службе у иностранных разведовательных органов, либо работают в тесном контакте с ними. Разница лишь в том, что в одних случаях руководители и агенты зарубежных центров работают с разведкой одного государства, а в других случаях — с разведками нескольких государств одновременно. Другой не менее важной особенностью всех дел этого типа является то, что в подавляющем большинстве случаев кадры зарубежных шпионских и контр-революционных организаций вербуются из бывших офицеров белых армий, которые в свое время воевали с СССР и которым советский режим настолько ненавистен, что не только о возвращении в СССР, но и о примирении с самим фактом существования Советской республики они и мыслить никак не могут. Учитывая, что эти офицеры — самая благодарная среда для пополнения шпионских рядов, генеральные штабы и разведывательные органы иностранных держав направляют свои усилия главным образом в эту сторону, черпая отсюда свои пополнения. Характерно, что в этом деле некоторыми европейскими организациями выработаны даже определенные правила и даются советы по вербовке шпионов. Так, в разработанных одним из европейских государств правилах разведывательной службы даются такие советы:

«Теперешние военно-политические отношения дают нам очень много людей, которые по разным побуждениям (национальное чувство, партийная ненависть, желание мстить) готовы пойти на какую угодно опасную работу, лишь бы удовлетворить свои чувства. Умелая координация этих чувств с житейскими нуждами их обладателей может нам дать много преданных и хороших работников и в этом именно направлении должна быть обращена вербовка». Как видит читатель, ловцы

рыбы отлично отдают себе отчет в том, что можно служить для нее приманкой. Они хорошо понимают, что не каждый даже белый офицер согласится совершать тягчайшие преступления против родной страны. Поэтому необходимо наличие у такого офицера не только материальной необеспеченности или крайней нужды, но и полного морального падения, не говоря уже о склонности к авантюризму, поскольку каждый шпион отлично знает, что в случае его поимки и обнаружения его преступных действий он — кандидат на расстрел. Такое довольно неплохое понимание психологии шпиона свидетельствует о несомненно полной осведомленности иностранных разведок в этом деле и об умении их найти нужных для шпионской работы людей. Мы нисколько не должны вакрывать глаза на это обстоятельство, ибо это значило бы сознательно преуменьшать опасность. Напротив, более полное знание врага и методов его действий должно нам только облегчить борьбу с ним.

Третья отличительная особенность подавляющего большинства прошедших перед Военной коллегией Верховного суда СССР дел заключается в политической безграмотности пойманных контр-революционеров и шпионов, проявляющих сплошь и рядом отсутствие простейших элементарных понятий и знаний политических партий, государственного строя нашей страны и всего прочего, что резко отличает СССР от капиталистического мира. Еще больше поражает почти полное отсутствие у подсудимых идейных побуждений заниматься шпионажем или «политическим» бандитизмом. Многие из этих шпионов, идя на совершение террористических актов, идя с бомбой, револьвером, совершенно не представляли себе, против кого они идут. Для многих из них было вообще совершенно безразлично, для кого заниматься шпионажем, кому служить, для кого рисковать головой. Характерно при этом, что многие шпионы, называющие себя русскими патриотами, бывшие офицерами русской армии, одновременно состояли шпионами против СССР и в английской, и в польской, и в эстонской разведке, получая от всех деньги и всех надувая, представляя наряду с правильными сведениями и фантастические, неверные, ими самими выдуманные.

Такова физиономия прошедших перед советским судом шпионов. К характеристике отдельных из них мы еще вернемся при освещении отдельных этапов их деятельности. Пока же коснемся в нескольких словах общей схемы деятельности работающих против СССР иностранных разведок, а также попытаемся выяснить их взаимоотношения с зарубежными и контрреволюционными, в частности террористическими, организациями.

Как известно, военным шпионажем против СССР занимаются разведывательные учреждения Англии, Франции, Польши,

Румынии, Эстонии, Финляндии, Латвии и некоторых других государств. Разведки мелких государств часто делятся добываемыми сведениями с агентами английской и французской разведок. Так, рядом шпионских процессов было установлено, что офицеры 2-го разведывательного отдела Польского генерального штаба передавали добываемые ими сведения о СССР английской и французской разведкам. Английскую разведку информирует эстонская, делясь с ней шпионским материалом. Можно было бы привести еще некоторые примеры шпионского содружества «дружественных» нам держав, но полагаем, что хватит и этих. Посмотрим теперь, как и какими способами занимаются своим преступным делом в СССР шпионы разных разведок. Говоря о шпионаже, необходимо заметить, что он бывает разных видов: военный, экономический и политический, т. е. касается вопросов, связанных с обороной страны, экономическим и политическим ее состоянием. В данном случае мы будем касаться главным образом шпионажа военного, поскольку в нашем распоряжении имеется преимущественно дела этого порядка, разбиравшиеся в Военной коллегии Верховного суда. К тому же о формах шпионажа экономического и методах его проведения мы уже достаточно говорили в той части нашего труда, в которой мы освещали вопросы вредительства в СССР.

Какие же существуют способы военного шпионажа в СССР?

Вот что пишет по этому поводу председатель Военной коллегии Верхсуда СССР т. Ульрих. Различается два главнейших способа военного шпионажа в СССР:

«Первый способ. Шпионы-разведчики направляются к нам из-за границы непосредственно офицерами и чиновниками иностранных разведывательных учреждений с определенными конкретными заданиями, в определенный район или город. Агенты этого рода вербуются из русской эмиграции и снабжаются в пограничных пунктах или на особых явочных квартирах фальшивыми советскими документами, деньгами и оружием. Большинство разведчиков с ведома своих начальников занимается попутно проносом контрабанды. Контрабанда должна служить, во-первых, добавлением заработка, а во-вторых, быть маскировкой в случае провала на Советской территории: «я только контрабандист, а о шпионаже и не думал». Нам приходилось в судебном заседании часто встречаться с подобными об'яснениями нелегального перехода границы, но обыкновенно после более или менее длительного перекрестного допроса контрабандист обращался в шпиона-контрабандиста. Разведчики или сами собирают необходимые им сведения, пользуясь знакомствами, или получают уже готовые сводки и донесения от неизвестных им лиц в условленных местах. В последнем случае разведчик уже не является в прямом смысле шпионом-разведчиком, а так называемым «ходоком», т. е. лицом, на

обязанности которого лежит быть живой связью между живущим в пределах СССР шпионом-«резидентом» и разведывательными органами заграницей.

Обыкновенно такими «ходоками» и разведчиками, как это установила практика прошедших перед Военной коллегией Верхсуда СССР шпионских процессов, являются члены контрреволюционных организаций, которые за право ходить через границу, за право заниматься монархической организацией на территории дружеских нам республик должны добывать шпионские сведения для соответствующей разведки».

Читатели, которые знакомы с нашей книгой («Фальшивомонетчики за работой»), уже вероятно знают, что вся Савинковская организация «Союз защиты родины и свободы», характеристику которой мы в своей книге дали, в целом состояли на службе 2-го отдела Польского генерального штаба. Напомним также, что сам Борис Савинков на суде не отрицал, что информационное бюро «Союза защиты родины и свободы», во главе которого стоял его брат Виктор Савинков, систематически занималось шпионажем не только в пользу Польского генерального штаба, но и для французской военной миссии в Варшаве. Руководители переходивших в 1921—1923 году в нашу западную окраину небольших банд — савинковских и других организаций — часто получали деньги и оружие от офицеров в польских пограничных пунктах, в частности от капитана Секунда, капитана Мейера и других.

Имеющиеся в распоряжении Советской власти по делу англо-эстонских шпионов материалы устанавливают, что в 1924—1925 году шпионы направлялись в Ленинградский военный округ начальником штаба 1-й эстонской дивизии майором Трик и его офицерами капитаном Койк и Томсоном, при чем главные шпионы Гокканен и Падерна (о них речь будет итти особо ниже) были в то же время агентами представителя английской разведки в Нарве полковника Франк. Кроме того, Гокканен был связан с представителем монархической организации в Ревеле генералом Васильковским.

Характеризуя второй способ ведения военными шпионами своей работы в СССР, тов. Ульрих говорит о нем следующее:

«Второй способ собирания сведений о нашем Союзе связан прямо или косвенно с сотрудниками иностранных дипломатических представительств на нашей территории. Этот способ вызывает иногда неприятные последствия для представителей иностранных миссий, но тем не менее к нему прибегают довольно часто, считая его, повидимому, весьма плодотворным. Сущность дела сводится к тому, что сотрудник посольства, консульства или военный атташе становится «резидентом» разведки, т. е. лицом, постоянно живущим в определенной местности и собирающим сведения от целой сети осведомителей или информаторов. Осведомители чаще всего вербуются из со-

трудников наших государственных, в особенности военных, учреждений, с использованием при этом тяжелого материального положения или какого нибудь порока или увлечения. Осведомители, если они в своей работе в советском учреждении имеют отношение к документам, носящим характер государственной тайны, являются для нас наиболее опасной категорией шпионов, так как они носят личину лойяльных советских граждан и потому менее других способны возбудить подозрение и быть изобличенными. К сожалению, среди осведомителей попадаются, хотя и очень редко, и лица с билетами ВКП в кармане. Таким предателем оказался комендант штаба РККА, Туппе, который в течение целого года состоял осведомителем сотрудника литвийской миссии в Москве Фрайберга и был, конечно, приговорен к расстрелу».

Это, конечно, далеко не все способы и не все методы военного шпионажа. Перечислить их все в силу большого разнообразия их трудно. Все же на отдельных шпионских маневрах мы считаем не лишним остановиться, возвращаясь к ним и впоследствии.

Во время процесса 26 англо-финских шпионов было установлено, что сотрудник финляндского консульства в Ленинграде Линстедт лично в 1924 году принимал от некоей Е. Куницной шпионские сведения даже не в запечатанном виде для отправки их в Финляндию.

Английская разведка вообще, как правило, использует разведки других государств и, получая на интересующую ее тему шпионские сведения из ряда различных источников, имеет таким образом большую возможность проверять их. Англичане используют разведывательные учреждения в Финляндии, Эстонии и в других странах, имея для этого в ряде городов пограничных с СССР государств своих постоянных представителей. Такими представителями по разведке на СССР из стран Прибалтики был капитан Бойс, которого впоследствии заменил капитан Росс.

Необходимо еще упомянуть о следующем обстоятельстве: после провала ряда «резидентов» из числа сотрудников дипломатических представительств, некоторые иностранные разведки вернулись к старому испытанному способу — держать «резидента» из числа местных жителей, занимающихся какой-нибудь мирной, вполне легальной, определенной работой и встречающих своих осведомителей в строго конспиративных условиях. Делается это в надежде на то, что такой способ ведения шпионажа лучше застрахован от провала. Действительность однако показала, что надежды шпионов на страховку подобным путем к счастью для СССР весьма неосновательны: недремное око ГПУ настигает их всюду, выводя их «за ушко да на солнышко» на строгий советский суд.

Чрезвычайно важным обстоятельством, характеризующим наиболее опытную и обладающую большими денежными средствами и связями во всем мире английскую разведку, является то, что кроме шпионажа в «чистом» виде, эта разведка занимается организацией так называемых диверсионных действий, т. е. вооруженных выступлений, террористических актов, взрывов и поджогов важных государственных сооружений, опираясь как на разведывательные органы других иностранных государств, так и на зарубежные контр-революционные организации, в особенности монархические.

По этому поводу необходимо здесь же заметить, что участник заговора Локкарта в Москве в 1918 году капитан Сидней Георг Рейли, личный друг Бориса Савинкова, организатор совместно с Эльвенгреном, Б. Савинковым и монархистом Орловым покушения на тов. Чичерина в 1922 году и один из активнейших работников английской разведывательной службы так называемой «секрет Интеллидженс Сервис» в своем письме, адресованном Н. Н. Бунакову, одному из видных работников С. И. С. и вместе с тем представителю монархической организации Н. Н. Романова в Гельсингфорсе, писал еще 23/III—25 г.:

«Итак вот три способа (борьбы против Советской власти): организация, пропаганда и террор». Особенно подробно останавливается Рейли на третьем способе.

«Третий способ», — пишет он, — «вне которого, по моему глубокому убеждению, нет спасения, это — террор. Террор, направленный из центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора всегда двоякая. Первая — менее существенная — устранение вредной личности, вторая — самая важная — всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру. Нет террора, значит, нет пафоса в движения, значит, что жизнь с такою властью еще не сделалась фактически невозможной, значит, что движение преждевременно или мертворожденно».

И далее Рейли пишет:

«Возвращаюсь к примеру «Народной воли». Одно время с «Народной волей» считались почти как с тайным правительством. Это было во время величайшей прочности царской власти. Нецелесообразен ли этот метод и теперь? Тем более, что теперь весь мир **жаждет** (подчеркнуто в подлинике Рейли) падения Советской власти, что весь мир **хочет** (подчеркнуто тоже Рейли) верить, что падение это возможно».

И обращаясь к вопросу о том, как приобрести поддержку Европы и Америки, Рейли пишет:

«Остается неразрешенным вопрос, какими путями может быть приобретена активная, моральная и материальная помощь Европы и Америки. Я уверен, что крупный террористический

акт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы во всем мире надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем — деятельный интерес к русским делам. Но такого акта еще нет. А поддержка Европы и Америки необходима уже в начальной стадии борьбы. Я вижу только один путь приобрести ее» (понимай — путь террора. **Ред.**).

Необходимо подчеркнуть, что и «Торгово-промышленный комитет» в Париже также выделил из своей среды специальный совет, имеющий целью организацию активной борьбы с Советской властью. В этот совет вошли: Денисов, Густав Нобель, С. Г. Лианозов, братья Гукасовы, Третьяков, князь Белосельский—Белозерский и Павел Тикстон.

Само собой разумеется, что между «Торгово-промышленным комитетом» в Париже и Секрет-интеллидженс сервис существовала самая тесная связь. Помимо этого, метод террора одно время был наиболее излюбленным среди белогвардейцев вообще. Так, например, центр «николаевцев» в Париже также решил приступить к осуществлению «3-го способа». Начинается оживленная подготовка к террористической деятельности. Местом для формирования боевых групп была избрана Финляндия, в частности Гельсингфорс. Сюда же впоследствии прибыла из Парижа М. В. Захарченко-Шульц, бывшая доверенным лицом генерала Кутепова. Ей было дано специальное задание сформировать боевую дружину и приступить к террористической деятельности. Здесь же в Финляндии происходил ряд совещаний, по окончании которых иногда устраивался «смотр» боевых сил. Задача эта была возложена на Захарченко-Шульц, к приезду которой в Финляндию составилась специальная террористическая группа, состоявшая из Шарина, Соловьева, Ларионова, Мономахова, Бостамова, Коренева, Болмасова, Сольского, Петерса (он же Вознесенский). Все эти лица составляли «актив» организации, кадры для которой, как мы уже говорили, черпались по большей части из бывших офицеров царской армии или из «родовитой» молодежи.

Роль СИС во всей террористической деятельности белогвардейцев по всем имеющимся материалам устанавливается со всею категоричностью. Здесь нелишне в нескольких словах сообщить читателю, что собою представлял СИС. О нем подробно рассказал в своих показаниях после ареста в 1925 г. никто иной, как сам Рейли. Из его слов вытекает, что английская секретная служба является совершенно обособленным учреждением, состоящим вне всяких министерств и учреждений, но каждое из них обслуживающим. Каждое министерство (военное морское, авиационное) имеет свой собственный разведывательный отдел, работающий совершенно независимо по своей специальности (узкой). Секрет-интеллидженс сервис ведет свою работу только под углом обще-государственной политической точки зрения. Его главное назначение — собирание сведений.

касающихся обще-государственной политической безопасности и могущих лечь в основу направления высшей политики. Это — учреждение абсолютно тайное. Ни фамилия его начальника, ни фамилии тайных сотрудников никому неизвестны, за исключением главных министров — премьера, морского, военного, иностранных, внутренних дел, авиации и самых высших военных и морских начальников. Имя начальника никогда не упоминается в разговоре, а известно оно только под начальной буквой своего имени.

«Резиденты», о которых мы уже говорили выше, имеются во всех странах. Правда, явного и самостоятельного существования они никогда не имеют, а всегда находятся под прикрытием вице-консула, паспортного бюро и даже торговых фирм. Очень часто они имеют фиктивные побочные занятия. «Резиденты» совершенно самостоятельно организуют штаты своих секретных сотрудников. Последние набираются в первую очередь из местных хорошо осведомленных англичан и через них вначале, а после уже непосредственно составляется штат агентов и сотрудников. В странах политически дружественных резиденты входят в тесное сношение с местным генеральным штабом — специально с отделом разведки. В каждой стране, где есть значительное количество русских эмигрантов или советское представительство, резиденты выполняют работу также по русскому отделу. Соответствующие штабы лимитрофных государств работают в контакте с соответствующим резидентом СИС.

Работа в СССР лимитрофных агентов — эстонцев, латышей, поляков и других — значительно упрощается тем, что им легче слиться со средой. Здесь масса их соотечественников и, наконец, надзор за ними значительно слабее. Ведь для наблюдения за всеми поляками потребовалось бы 10 ГПУ (сохраняем стиль Рейли).

Цинизм и максимальное откровение Рейли выражается в им самим сказанных словах. Мы приводим их целиком:

«Я считаю, что лимитрофных дипломатов всех без исключения можно купить. Вопрос только в цене». (Выдержка из показаний Рейли от 31/X—25 г., оглашенных в заседании 22/XI).

Интеллидженс сервис, впрочем, является органом не только разведывательным. Он получает задания в определенных случаях и чисто военного характера по организации восстаний, террора и прочих актов, там, где это считается нужным. По традиционной тактике все такого рода действия лишь руководятся через представителя СИС, выполняются же они местными силами.

Мы не намерены ничего прибавлять к данным Рейли характеристикам. Полагаем, что ему виднее. Зато несколько слов об истинных вдохновителях террора и о двигательных мотивах для его широкого развития мы считаем совершенно необходи-

мым добавить. Если и раньше можно было не сомневаться в той поддержке, которую оказывали белогвардейским организациям и некоторые из соседних с нами государств, если и раньше была достаточно известна роль их разведывательных аппаратов в деле организации шпионажа, а также диверсионных и террористических актах в СССР, то в тех материалах, которые в настоящее время имеются, роль эта выявляется особенно рельефно. Всемерно расписываясь при каждом удобном и неудобном случае в «добрососедских» отношениях, эти государства на деле сплошь и рядом нарушают свою лойяльность по отношению к советским республикам. Достаточно для этого проследить роль их в прошедшем перед военной коллегией Верховного суда СССР процессе пяти террористов, чтобы убедиться, насколько энергичная и активная помощь оказывалась врагам Советской власти оружием, людьми, средствами и даже инструктажем, с применением при этом, конечно, кое-какого накопленного опыта.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что и эти государства пытались проводить в жизнь диктуемые СИС террор. Он нужен был Западной Европе для ослабления нашей мощи. Особенно заинтересована была в нем белогвардейская эмиграция. Отсюда — ее усиленная возня, которую иначе, как мышиной, назвать нельзя, в министерских кабинетах и вообще во всех тех местах, в которых «делается» политика. Отсюда ее стремление и жалкие попытки воспрепятствовать признанию СССР, многочисленные интриги, нередко прямые запугивания и угрозы. Отсюда усердно распространяемые ею слухи о, якобы, возникающих чуть ли не ежедневно в СССР многочисленных восстаниях и о необходимости вследствие этого толчка извне для быстрой ликвидации Советской власти, которая служит бельмом на глазу не только белогвардейской эмиграции, но и гостеприимно приютивших ее стран. Отсюда понятно также, почему таким популярным методом борьбы с «захватчиками»-большевиками является террор.

Идея о том, что террористические акты нужны для показа того, что контр-революционными силами что-то делается, необходима в первую очередь белогвардейцам для того, чтобы под этим предлогом можно было получить деньги от кого следует. Эта идея красной нитью проходит через всю работу белогвардейской организации, как шпионской, так и террористической. Она показывает, с одной стороны, что «что-то» делать нужно было, для того, чтобы получать средства к существованию, к поддержанию организации; она показывает, с другой стороны, как **толкала** международная буржуазия русскую эмиграцию на подобного рода деятельность, как она поддерживала всякое антисоветское движение, как она стимулировала это движение денежными подачками, целиком подчиняя его своим целям (цитируем по книге Н. Кичкасова «Белогвардейский террор

против СССР», по материалам процесса пяти монархистов террористов, издан. Литиздата НКИД, Москва, 1928).

Ряд подсудимых на вопросы суда прямо показывал по этому поводу, что одной из целей совершения террористических актов являлось добывание средств. Чтобы добыть средства, надо проявить деятельность, заставить о себе говорить, создать представление о наличии крупной организации. «Европа» дает деньги «за дело», она верит только фактам, она платит «за голову». Таково было террористическое «кредо» членов организации.

В свете всех этих обстоятельств нелишне остановиться на характеристике тех, кто должен был этот террор проводить, обрисовке их политической и социальной физиономии, а также освещении двигавших ими при выполнении воли пославших их мотивах. Уже развернувшаяся перед судом, на котором деятелям этим пришлось дать ответ за свои преступления пролетариату, картина показала всю гниль белогвардейской идеологии, ее моральных устоев и зарубежного быта монархической организации. Живые экземпляры бывшей дворянско-офицерской помещичьей России наглядно показали перед советским судом все убожество и всю безнадежную глупость своей политической платформы, а также всю гниль и глубокое разложение белогвардейской эмиграции. Мы не можем отказать себе в том, чтобы на этих моментах остановиться уже сейчас. Мы считаем это крайне важным для характеристики состояния всей белогвардейской эмиграции, которая, как известно, об'ясняла свое бегство из СССР нежеланием или невозможностью жить в стране, вершить исторические судьбы которой взялись «варвары-большевики».

Легче всего проследить эту картину на представших перед судом героях процесса монархистов-террористов — Сольском, Балмасове, Адеркассе, Петерсе, Соловьеве и др. Все это — молодежь, отправившаяся на террористические подвиги прямо со школьной скамьи. Каким же образом эти едва окрепшие в своих политических убеждениях люди отправляются на столь серьезное и рискованное преступление? Каким образом направляются они на путь шпионской работы? Здесь, помимо основной причины, действует еще и не менее важная другая.

Основное, это, конечно, — то, что каждый из них далеко не расположен к Советской власти; совершенно очевидно, что фон-Адеркасс, в прошлом — сын земского начальника, прибалтийский дворянин, или же Сольский, внучатый племянник бывш. председателя Государственного совета, не могли не впитать в себя с молоком матери глубочайшую ненависть к диктатуре трудящихся. Но «правильное» монархическое воспитание и практическую подготовку к террористической и шпионской работе они получают в школе и в школьных организациях. Здесь все обучение, вся система воспитания построена таким образом,

чтобы выработать в будущем из воспитанников террористов, шпионов или белобандитов вообще. Молитвы, соответствующим образом переделанные, с заменой имен, торжественное празднование всех «тезоименитств», посылка поздравительных телеграмм ко дню рождения «верховного вождя» Н. Н. Романова, молебны в этот день или панихиды в годовщину смерти бывшего царя, все это — фон, на котором махровым цветом расцветают белогвардейские цветочки, будущие ягодки, будущие шпионы-террористы и т. д.

Неучебное время заполняется «семинариями» по вопросу о том, кто имеет больше прав на российский престол — Кирилл Владимирович или Николай Николаевич, или же, когда произойдет падение Советской власти — в нынешнем ли году, осенью еще или в будущем весною. Устраиваются и вечера «смычки», балы и дикие кутежи, с развратными оргиями. Один из подсудимых по процессу пяти Строев так рассказал об одном таком бале, происходившем в средней школе в Париже (цитируем по брошюре т. Н. Кичкасова):

«До 12 часов ночи все было чинно и аккуратно. После 12 стали приезжать на бал какие-то люди совсем другого пошиба и в конце концов этот вечер превратился в монмартский дансинг низкого пошиба. Гимназистки исполняли с успехом роли кокоток».

Так велось воспитание цвета подрастающего поколения. Такую практическую школу проходили девушки. Мальчикам же давалась другая производственная практика: им уже в старших классах поручалось выполнение тех или иных заданий по шпионажу. Очень красочно об этом пишет в своей брошюре т. Кичкасов. Разбирая этапы развития эмигрантской молодежи, т. Кичкасов говорит:

«Сперва школа, церковь, «Боже царя храни» и «Спаси господи», бой-скаутское развлечение и тренировка для шпионажа, под руководством учительницы, затем отдельные практические работы. Потом появляется на сцене «духовник» и «законоучитель» и «благословляет» на «подвиг доблестный», на шпионаж и террор, а дальше уже идет самое дело» (стр. 51).

При таких условиях, при таком широко поставленном «воспитании» и такой широкой производственной «практике» деятели белого движения казалось бы должны были бы знать, за что они борются, за какие политические, общественные идеалы они сражаются. Казалось бы, что они должны были разбираться в элементарных вопросах политики. Процесс, однако, выявил в этом отношении картину полнейшего убожества, безграмотности, скудоумия и внутренней пустоты. Как это непохоже на комсомольцев и партийцев, рабочих и крестьян, нередко пытаемых в зарубежных «демократических» застенках и сплошь и рядом предстающих перед буржуазными судами. У них всегда находятся слова для пропаганды и со скамьи

подсудимых, для использования в коммунистических целях и судебного процесса, для вербовки новых коммунистических сил и из тюремных камер. Все это, конечно, свидетельствует о чрезвычайно высоком, не в пример деятелям белой эмиграции, политическом уровне революционных борцов, их высокой политической сознательности и глубине преданности делу социализма.

В соответствии со всей системой белогвардейского воспитания будущих контр-революционных кадров, находится и степень интеллектуального развития белогвардейцев. Так, например, на вопрос суда, какую литературу читали террористы-монархисты, Сольский ответил, что читали они вообще очень мало и изредка:

«Литературы никакой не было, если попадалась, то лишь изредка какие-нибудь брошюрки» (стенограмма заседания от 20/IX).

Самый начитанный из всех подсудимых — Строев — должен был признать, что он немного читал: «из политических трактатов Тихомирова «Монархическая государственность», немного еще по вопросу о евразийстве, затем книга Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», «За чертополохом», «Понять — простить». По руководящим вопросам текущей политики читал «Новое время» Суворина, но редко».

Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что и перелом у таких «деятелей» белой эмиграции, как Балмасов, Строев, Самойлов и др. во взглядах на Советскую власть и в отношении к ней происходит также без мучительных и болезненных переживаний. Недаром же и Балмасов, и Строев, и Самойлов на суде говорили без особой трагедии о крахе своих планов и о глубоких заблуждениях на счет прочности Советской власти. И не зря же Сольский и Адеркасс на этом же суде заверяли, что они, по их словам, «поражены», «потрясены» всем виденным и сразу же изменили свой взгляд. На Сольского сильнейшее впечатление произвело отношение к нему крестьян, когда его арестованного вели через деревню. Он сам говорит об этом так: « В деревне Шуя я встретил враждебное отношение к врагам Советской власти».

Есть, однако, момент, который в политических воззрениях и опыте всех подсудимых оказался одинаково прочным, это — взгляд на положение в СССР. Несмотря на различные сроки пребывания в Республике трудящихся, подсудимые единодушно подтвердили резкую разницу между тем представлением, которое они имели о Советской стране до знакомства с нею и действительным положением в ней.

На вопрос суда, откуда у Балмасова появился новый взгляд на Советскую власть, этот подсудимый отвечал так:

«Я приходил к этому постепенно, потому что сначала я был уверен в том, что здесь существует целая масса организаций. Кроме того, много раз писалось о восстаниях. Я считал так:

раз могут существовать организации, имеется достаточная почва для восстаний, стало-быть, это может явиться результатом народного недовольства. Когда же я постепенно узнавал, что такого восстания, например, как было сказано в газетах, Псковского, на самом деле здесь совершенно не было, я пришел к заключению, что здесь все тихо и спокойно. А раз тихо и спокойно, значит, население довольно существующей властью, потому что, если бы было такое недовольствие, оно так или иначе себя проявило бы, а если оно не проявляло себя, значит, население довольно». (Стенограмма заседания суда 20/IX).

Другой монархист-террорист, герой этого же процесса фон-Адеркасс о своем «надрыве» так рассказывал суду (мы считаем не лишним подробнее остановиться на этих показаниях террористов):

«И дальше, что ни шаг по советской земле, то сплошное недоумение. Не бьют, не пытают, не допрашивают с пристрастиями. Кормят прилично».

И далее:

«Кормят даже лучше, чем дома. Когда я попал в СССР, я представлял себе совершенно иное, чем здесь было. Правда, я видел немного. Я видел только ГПУ и ДПЗ. А за границей все положение в России я обрисовывал себе в самых мрачных красках и именно больше всего ужасов я слышал о ГПУ и о тюрьме. И поэтому, когда я оказался в руках ГПУ, когда я попал в ДПЗ, я был поражен тем, что я там увидел. Я предполагал, что когда я попаду в ГПУ, то меня не только не будут кормить, возить и допрашивать, а просто замучат. Я был чрезвычайно удивлен и решил, что если эти представления были ошибочны, то, по всей вероятности, были также ошибочны и мои остальные представления, те представления, которые я имел о жизни, людей в СССР и в связи с этим мои представления вообще о роли Советского правительства в жизни СССР» (стенограмма заседания 22/IX).

Так постепенно радикально меняли свои привитые им на школьной скамье взгляды на СССР злейшие враги его. Совсем неудивительно поэтому, что общий вывод, к которому пришли все подсудимые террористы по своей работе и о положении в Советском Союзе, так образно выразил в последнем слове подсудимый Строев: «Мы действовали не из корыстных целей, а исключительно по идейным соображениям (?! **Ред.**). Однако, мы не отдавали себе ясного отчета, в чем заключались эти идеи».

И далее: «Если бы нам была предоставлена возможность жить в Советском Союзе, мы сумели бы исправить свои преступления. Сейчас я хотел бы оказать хоть маленькую пользу и вам, и тем нашим заграничным собратьям, которые захотят

пойти по нашему пути. Я хочу им крикнуть — остановитесь, не ходите. Это бесцельно. Не нужно. Мы глубоко ошиблись».

К этому совету, весьма разумному, мы могли бы одно еще добавить, что такие «хождения» в Советскую страну для тех, кто их предпринимает, обычно кончаются очень плачевно. Пример Балмасова, Самойлова, Сольского, Строева и Адеркасса (все они, за исключением последнего были приговорены к расстрелу, Адеркасс же получил 10 лет заключения со строгой изоляцией) должен послужить хорошим уроком для тех, кто еще не оставил своих контр-революционных террористических попыток.

Имеющие уши, да слышат.

ПАТРИОТИЗМ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ.

Говоря о конечных стремлениях контр-революции и преследуемых ею в отношении советской России целях, мы уже указывали, что основное, чего добивались (и продолжают, видимо, добиваться и по сей день) враги Советской власти, это — свержение ее. Но так как добиться этого, как доказали неоднократные попытки белогвардейцев, невозможно по причинам, как принято в таких случаях выражаться, от контр-революционеров не зависящим, контр-революция в лице своих вредительских, шпионских и террористических организаций пытается, если не стереть с лица земли диктатуру пролетариата, то хоть по крайней мере возможно больше ослабить ее. Чрезвычайно показательно то и дело попадающая в руки органов советской власти переписка между отдельными видными представителями контрреволюционных группировок советских и зарубежных, в которых эта мысль выступает особенно рельефно. Приведем в виде иллюстрации письмо барона Гревеница М. Н. Гирсу, датированное 23 ноября 1927 г. Письмо, конечно, писано в Финляндии, которая, как известно, особенно за последнее время отличается особенной активностью в деле помощи белогвардейцам в их вредительской контр-революционной работе, направленной против СССР. Что это так, достаточно убедительно доказывают опубликованные недавно в советской прессе факты, послужившие даже основанием для пред'явления Наркоминделом Финляндии специальной ноты.

Автор этого письма Б. Н. Гревениц был в свое время представителем Н. Н. Романова в Финляндии. Адресат М. Н. Гирс— бывш. царский посол, впоследствии одно из приближенных к Н. Н. Романову лиц, ведающее иностранной политикой, является представителем оригинального учреждения, под названием Совет послов, об'единяющего всех послов бывшей царской России. Вот что пишет Гревениц (см. «Правду» от 8 января 1928 г., цитируем частично):

«В бывшей у меня с президентом Л. Р. Реландером весьма продолжительной беседе он коснулся вопроса о будущей России, ее возможной политике, и в частности ее отношениях к образовавшимся на ее территории отдельным государствам. При этом президент высказал мысль, что в интересах всеоб-

щего мира и культурного развития индивидуальностей отдельных народностей, входящих в состав бывшей Российской империи, желательно, чтобы будущая новая Россия не была могущественной державой. Такая Россия, по мнению президента, будет представлять особую опасность для образовавшихся вдоль западной границы империи отдельных государств. В своем ответе я, само собой разумеется, старался убедить президента в ошибочности его предложений и доказать, что, наоборот, только униженная незаконным и чрезмерным уменьшением в своих границах Россия безусловно будет всегда представлять опасность для дела всеобщего мира, и что поэтому плохую услугу оказывают этому делу те политические деятели различных государств, которые стараются использовать нынешнее печальное положение нашей родины для того, чтобы внутри ее потворствовать центробежным стремлениям и этим содействовать отторжению от нее отдельных территорий».

Письмо это чрезвычайно характерно. Здесь что ни строчка, то своего рода перл. Но барон Гревениц в роли попечителя о Союзе ССР, «нашей родине» это, поистине, зрелище для богов! Зато та часть письма, где говорится о взглядах Финляндии на СССР, заслуживает внимания чрезвычайного, особенно если мы вспомним как широко и гостеприимно принимает у себя эта «дружественная» СССР страна врагов Советской власти и как она любезно предоставляет свою территорию для систематической организации белогвардейских вылазок и нападений против СССР.

Примеров такого «внимательного» отношения Финляндии к СССР можно было бы привести вполне достаточно. Частично мы на них уже указывали. Мы могли бы их умножить до бесконечности, но вряд ли это вызывается необходимостью. Не отставала от Финляндии и Эстония. Примером может быть прошедший перед военной коллегией Верховного суда СССР (выездная сессия в Ленинграде) процесс, героями которого являются Падерна, Гокканен, Снарский, Соессон, Мартинсон, Таар, Сокк, Хамаляйнен и др. в числе 48 человек. 19 дней занимался Верх. суд разбором этого дела (с 1 по 19 февраля 1926 г.) и в результате своей тщательной кропотливой работы установил, что, начиная со второй половины 1924 г., эстонские военно-разведывательные органы усилили свою деятельность по вербовке разведчиков из среды бывших белоармейцев, осевших после разгрома армии Юденича на территории Эстонии, а также из среды жителей пограничной с СССР полосы, перебрасывая их через эстонско-советскую границу в пределы СССР для собирания сведений о состоянии, количестве и месторасположении частей и учреждений Красной армии, морского и воздушного флота на территории Ленинградского военного округа. Всей разведкой в целом руководили в 1924 и 1925 г. офицеры эстонского генерального штаба майоры Луриц и Мартин, непо-

средственно связанные с разведывательными органами штабов 1 и 2 эстонской дивизии. Особенную активность проявил штаб 1-й дивизии, расположенный в г. Нарве. Офицеры этого штаба в лице ад'ютанта оперативного отдела капитана Койка, начальника информационного отдела капитана Томсона, под непосредственным руководством начальника штаба майора Трик с осени 1924 г. по июль 1925 г. (время ареста главных обвиняемых по делу) периодически посылали в Ленинградскую губ для указанных целей ряд разведчиков, известных по своему антисоветскому прошлому, снабжая их подложными или краденными советскими документами, деньгами, оружием и разрешая им для маскировки истинных целей перехода границы, в случае провала, разносить различный контрабандный товар, выручка от продажи которого служила дополнительным заработком для разведчиков-шпионов. Непосредственной переброской через границу ведал старший агент разведки Тупиц. Каждый из разведчиков имел одного или двух помощников, в обязанности которых входило в числе прочего поддержание связи между разведчиками-шпионами, имеющими более или менее длительное пребывание на территории СССР, с составом дивизии. Каждый из шпионов, находясь на территории СССР, вербовал осведомителей, главным образом, из среды военнослужащих или лиц, связанных с военными частями или учреждениями.

Одним из главнейших шпионов штаба 1-й дивизии был поручик царской, а затем армии Врангеля Падерна. Им были оказаны весьма ценные услуги разведке, между прочим, им было выполнено задание о составе гарнизонов г. Луги, Гдова и Кингиссепа, о количестве самолетов в Ленинграде, о составе 56-й артполка и воздухоплавательной школы, об организации ЧОН, о состоянии шоссейных дорог пограничной полосы, о состоянии пограничной охраны и т. п. На Падерна было, кроме того, возложено задание проверить, подготовляется ли мобилизация в СССР осенью 1924 г. и не наблюдается ли передвижение войск пограничных с Эстонией районов. Падерна, однако, не ограничивался службой в эстонской разведке. Весной 1925 г. он передал представителю английской разведки в Нарве полковнику Р. Франку за плату схему организации Красной армии и, встречаясь с ним впоследствии неоднократно в Нарве, получил задание от него же подыскать подходящих людей для проноса взрывчатых веществ в СССР. В одну из встреч с Падерна Франк рассказал о подготовке взрыва водокачки ленинградского водопровода. Таков Падерна и таковы его действия.

Другой «герой» этого дела Дмитрий Гокканен сразу же, с самого начала своей работы в эстонской разведке занял видное положение среди шпионов, чему способствовал его прежний стаж разведчика-подрывника. Вступив еще в мае 1919 г. добровольно в армию генерала Юденича, он вместе со

своим отцом и братьями, будучи в рядах Таласского полка, принял участие во всех операциях его против частей Красной армии, участвовал во взрыве жел.-дор. полотна у ст. Кикерино и подготовлял взрыв моста близ Петергофа. В сентябре 1920 г. он вступил в организацию Кронмеля, имевшую своей целью налеты на советские учреждения с территории Эстонии, а в ноябре того же года принял участие вместе с отцом и братом в подготовке одним из кронмелевских отрядов взрыва псковской чрезвычайной комиссии (взрыв этот не был произведен по независящим от организаторов его причинам). Также, как и Падерна, Гокканен верно служил эстонской разведке. Он передал сведения о составе гарнизонов в Ленинграде, Петергофе, Детском селе и Гатчине, о зимних и летних стоянках войск, о состоянии пограничных частей и флотилий, о состоянии гатчинского аэродрома, о структуре артиллерийских частей и выполнил ряд специальных заданий о состоянии авиации в ЛВО и др. Энергичная работа Дмитрия Гокканен не прошла бесследно: он был послан на курсы разведчиков при разведывательном отделе Эстонского главного штаба, где под непосредственным руководством майоров Лауриц и Мартин прошел в апреле 1925 г. ускоренный курс разведывательной службы. В Ревеле Гокканен познакомился с представителем монархической организации Н. Н. Романова — генералом Васильковским, которому обещал также доставлять интересующие его сведения о состоянии Красной армии и др. Весной того же года, познакомившись через Падерна с полковником Р. Франком, Гокканен принял его предложение доставлять интересующие английскую разведку сведения о состоянии и численности военного и морского флота. При этом Франком было указано, что **он не нуждается в предоставлении тех сведений, которые даются Д. Гокканен в штаб первой дивизии, так как эстонская разведка получаемые ею сведения пересылает в английскую.** В числе поручений, данных разновременно Гокканен, были: подготовка крушения воинских эшелонов при возвращении войск из лагерей на зимние стоянки, поджог гатчинских ангаров, посредством взрыва адских машин, сформирование подрывной группы и т. д.

Ряд обвиняемых по этому делу Николай Гокканен, Хямялейнен, Николаев, Григорьев, Снарский, Мартинсон и др. также занимались шпионской работой по сбору сведений о состоянии вооруженных сил ленинградского района, в нелегальном переходе через границу по заданиям эстонской разведки разных лиц, сообщений и передачи секретных карт и секретных сведений о производившихся военно-топографических работах и т. д. и т. д. С несомненностью было также установлено, что вся эта группа злейших врагов Советской власти занимались систематической продажей проносимых из Эстонии контрабандных товаров, вела по заданиям главных руководителей организации

шпионскую работу, предоставляли свои квартиры эстонским шпионам и контрабандистам, тем самым оказываясь их пособниками и укрывателями и т. д., и т. д., и т. д.

Разумеется, приговор пролетарского суда был суровый. Главнейшие обвиняемые Соессон, Гусев, Тихменев, Иванов М. С., Снарский, Мартинсон, Бахрин, Бусыгин, Буркадский, Хямялейнен М. И., Падерна, Гокканен Николай и Гокканен Дмитрий судом были приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией всего их имущества.

Чрезвычайно важно отметить, что один из главнейших обвиняемых по этому процессу — Дмитрий Гокканен, на допросе 7 сентября 1925 г. категорически подтвердив предыдущие свои показания о роли и об'еме работы эстонской разведки, дословно заявил следующее:

«Мне достоверно известно, что в настоящее время генеральный штаб Эстонского государства приготовляет ряд диверсионных выступлений на территории Советского Союза в виде производства взрывов ряда важнейших военных и гражданских сооружений, как-то: взрыв ангаров, мостов, полотна жел. дорог и также ленинградской водокачки (о взрыве ленинградской водокачки мне говорил представитель английской и монархической разведки Франк). Проведение диверсионных выступлений поручено штабу первой эстонской дивизии».

Насколько далеко заходила шпионская деятельность организации и насколько важные задачи ставила она перед собой, доказывает следующее место из показаний того же Д. Гокканен:

«Из бесед с майором Трик и английским разведчиком Франком я сделал вывод, что диверсионные действия должны были вызвать войну. Мое мнение, что за спиной Эстонии стоит Англия, каковая и является инициатором диверсионных действий. Этот вывод я сделал из бесед с английским разведчиком Франком».

Едва ли против такого вывода можно что-либо возразить.

НА СЛУЖБЕ У СОЮЗНИКОВ.

Ярким доказательством диверсионной деятельности врагов Советской власти, направленной к подрыву мощи Советского государства, является и заслушанное Военной коллегией Верхсуда СССР дело о поджоге Дубровского комбината.

2 июня 1926 г. на предприятиях Дубровского комбината им. Ленина треста Севзаплес, находящихся в 12 клм. от гор. Шлиссельбурга вниз по Неве, произошел пожар, в результате которого сгорели до основания: лесопильный завод со всем оборудованием, пилоставная и столовая, столярно-ящичная мастерская и ряд подсобных зданий завода. Продолжавшимся около 10 час. и с большим трудом локализованным пожаром были уничтожены также: помещение бумажной фабрики со всем оборудованием, склад запасных машинных частей со всеми запасными машинами и т. д. В числе сгоревшего погибло 7 тыс. пудов бумаги. По определению специальной комиссии общий убыток от пожара выразился в 1.500 тыс. руб. Произведенным расследованием было установлено, что виновниками поджога, а дело было именно в нем, оказались рабочие комбината Н. П. Вартиайнен, Д. И. Меньшиков и служащие того же комбината К. Г. Майоров и М. В. Тимофеев.

Материалами предварительного судебного следствия удалось установить, что идейным вдохновителем поджога был скрывшийся за границу Чарли Эмильевич Бутенгоф, находившийся до 1924 г. на службе комбината. Отец Бутенгофа занимается коммерческой деятельностью в Финляндии и связан с бывшими совладельцами промышленных предприятий в поселке Дубровка. Не раз пытались бывшие владельцы получить в аренду свои бывшие владения, но, не достигнув цели, перешли к другим способам борьбы с разрастающейся промышленностью СССР вообще и бумажной в частности. Расчет при этом преследовался простой: уничтожение Дубровской бумажной фабрики при помощи пожара должно было надолго вывести из строя фабрику и тогда, в виду непрекращающегося роста потребления бумаги в Союзе, Советское правительство вынуждено будет покупать бумагу исключительно у финляндских фабрикантов, которые, таким образом, станут хозяевами положения на бумажном рынке. Выполнение этого задания было поручено

Чарли Бутенгофу, как нельзя более подходящему для этого дела и хорошо знающему фабрику. Разыскав своих бывших сослуживцев по комбинату Н. В. Тимофеева и К. Г. Майорова, Бутенгоф приступил к делу. Колоритны личности обоих соучастников. Майоров — сын тюремного надзирателя дореволюционного времени. В прошлом за ним числится две растраты. Тимофеев, получивший среднее образование, — сын трактирщика, потерявшего после Октябрьской революции свое богатство. Оба они хорошо знали враждебное отношение Бутенгофа к Советской власти. Обоим Бутенгоф заявил, что от них зависит «изрядно заработать». Оба на это охотно согласились. Помощников они нашли себе в лице Д. И. Меньшикова и М. П. Вартиайнена. Как было установлено, оба они — изрядные хулиганы. Меньшиков судился за хулиганство и 29 июня 1926 г., т. е. за три дня до поджога, ячейкой ВКП(б) Дубровского комбината было вынесено постановление ходатайствовать перед соответствующими организациями о выселении его. Вартиайнен — то же хулиган, только немного поменьше. Оба они, как оказалось, часто бывали за границей, имели подозрительные сношения с тамошней финляндской организацией «Суэлус-Кунт». Выяснилось, что, взявшись за поджог Дубровского комбината, Меньшиков и Вартиайнен действовали не только по наущению Тимофеева и Майорова, но и как агенты Финляндской фашистской организации «Суэлус-Кунт».

Посмотрим, что представляла собой эта последняя.

Имеющиеся сведения устанавливают, что Суэлус-Кунт (по шведски, — шюдскор, по русски — союз защиты) — военная фашистская организация Финляндии, раскинута по всей стране; в нее входят крупные и мелкие собственники, лица интеллигентного труда, учащиеся высших учебных заведений и т. д. Эта организация снабжена всеми видами оружия и отличается от регулярной армии только своей особенной, территориальной системой и некоторыми льготами. Каждый боец имеет винтовку с боевыми патронами. Суэлус-Кунта существует на средства, поступающие частным путем в виде пожертвований и субсидии от государства.

Задача Суэлус-Кунта, главным образом, заключаются в подавлении рабочего движения внутри страны и в поддержке регулярных войск в военное время.

В Суэлус-Кунта насчитывается до 80 — 100 000 человек. Командный состав ее состоит из офицеров, прикомандированных к генеральному штабу. Главные силы Суэлус-Кунта расположены в Выборге, Гельсингфорсе, Таммерфорсе и Котке. Самым образцовым и лучше других вооруженным считается Выборгский округ.

Командующий Суэлус-Кунта—генерал Ламберг. Начальник Главного штаба — Цилиакус. Командующий егерским корпу-

том — генерал Маннергейм. Все войска и организации Суэлус Купта подчиняются президенту Реландеру.

Таким образом, в лице Меньшикова и Вартиайпена, которые были связаны с этой фашистской организацией, Бутенгоф нашел себе верных помощников. Хорошо изучив отдельные моменты жизни фабрики и все порядки на ней, преступники подготовили себе такую обстановку для совершения злодеяния, при которой они действовали почти наверняка. В этом помогал им и ряд других обстоятельств, чрезвычайно гибельно отразившихся на фабрике. Противопожарные меры и пожарная охрана поставлена была на Дубровском комбинате из рук вон плохо. Предприятия комбината охранялись скверно. По территории завода, без помехи и будучи никем незамеченными, могли разгуливать посторонние люди. Сигнализационный аппарат для пожарный тревоги был незастеклен. Деятельность пожарной команды усыплялась частыми необоснованными ложными вызовами. На пароходе «Ревель», который стоял на реке Неве и в случае пожара скорее всех мог прибыть на помощь, заблаговременно и предусмотренно был перерезан пожарный рукав. Обо всем этом, конечно, знал Бутенгоф, и все это, разумеется, предоставляло Меньшикову и Вартиайнену полную возможность без особых опасений облить керосином находившийся на территории лесопильного завода и никем не охраняемый мусор и поджечь его.

Принимая во внимание социальную опасность преступления и учитывая участившиеся в этот период на территории СССР поджоги фабрик и заводов, Военная коллегия Верховного суда приговорила всех четырех подсудимых к высшей мере социальной защиты — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества. Осужденные обратились в президиум ЦИК СССР с ходатайством о помиловании. Это ходатайство президиумом ЦИК было отклонено и приговор был приведен в исполнение.

Так обрушилась рука пролетарской диктатуры на преступников, посягнувших на ее экономическую мощь. Так ответил пролетарский суд на попытки нарушить мирную работу, мирное строительство СССР.

Мы бы, однако, не сделали всех выводов, если бы не остановились еще на одном обстоятельстве, прямо вытекающем из этого процесса. Пожарная охрана, как и вся охрана в целом на Дубровском комбинате, была поставлена скверно и в том, что огонь с большой силой распространился на целый ряд соседних строений на сравнительно большой территории, это состояние пожарной охраны сыграло большую роль.

«Пусть-же», писал вскоре после процесса в своей статье т. В. В. Ульрих, «процесс дубровских поджигателей» послужит не только уроком возможным поджигателям в будущем, но явится также последним предостережением для всех фабрично-

заводских администраторов, которые вместо улучшения пожарной охраны больше всего надеются на русское «авось». Кроме общих предупредительных мер, которые до сих пор применялись и применяются весьма удачно органами ОГПУ против всех, так называемых, «диверсионных действий» (т. е. взрывов, поджогов, убийств и т. д.) агентов зарубежных контр-революционных организаций необходимо администрации наших промышленных предприятий, необходимо всем трудящимся проявить еще большую бдительность по охране государственных учреждений. Необходимо еще раз проверить противопожарные меры, состояние охраны наиболее важных государственных сооружений, заводов, строений».

Эти слова сохраняют свое значение и по сей день. Вот почему, заканчивая изложение этой очередной попытки контрреволюционных сил подорвать мощь Советской Республики, мы не можем не повторить заключительные слова той же статьи:

— «Побольше бдительности, поменьше расхлябанности».

Вот основные выводы, которые необходимо сделать в связи с делом о поджоге Дубровского комбината.

ЛЕНА-ГОЛЬДФИЛЬДС — ПИТОМНИК АВАНТЮРИСТОВ.

Мы уже неоднократно имели случаи заметить, что деятельность зарубежных контр-революционных сил и особенно английского Секрет-интеллидженс сервис не только не проявляет тенденции к ослаблению, но напротив, по мере все возрастающего экономического роста Советского Союза, усиливается с каждым днем. Это положение особенно рельефно выявилось в прошедшем сравнительно недавно перед уголовно-судебной коллегией Верховного суда СССР под председательством т. Антонова-Саратовского В. П. процессе сотрудников концессии «Лена-Гольдфильдс Лимитэд».

Скамью подсудимых в этом процессе занимали Колясников, Рябов-де-Рибон, Муромцев и Башкирцев. Как и в предшествующих вредительских и шпионских процессах, подавляющее большинство персонажей и здесь относится к высшим, высокооплачиваемым сотрудникам. Также, как и там, главными героями являются преимущественно лица с высшим образованием. Можно, поэтому, подумать, что фигурирующий на скамье подсудимых Башкирцев, получивший образование только в об'еме сельской школы, является случайным элементом в процессе. Однако, это далеко не так. Как раз он оказался в этом деле наиболее тяжким преступником. Именно он в августе 1929 г., состоя на службе в Риддеровском комбинате в качестве запальщика и десятника, принял предложение члена шпионской контр-революционной вредительской группы Г. Т. Ив. и сжег новую обогатительную цинко-свинцовую фабрику государственного комбината Риддер-Цинк (31 августа 1929 г.). Суд правильно учел крайне низкий культурный уровень Башкирцева, вследствие чего он стал слепым орудием в руках Ива и, приняв во внимание его полное признание в совершенном тяжком преступлении, заменил ему заслуживаемую кару — расстрел лишением свободы на 10 лет. Именно на примере Башкирцева лишний раз выявилась тактика контр-революционных деятелей, пытающихся либо вовсе ускользнуть под тем или иным флагом от законной кары советских законов, либо в худшем случае сделать прямыми ответчиками за их преступление других лиц, которых они теми или иными путями вовлекали в свою преступную работу. Чрезвычайно важно поэтому остановиться хотя бы вкратце

на отдельных моментах этого длившегося с 18 апреля по 8 мая процесса, имеющего все права на то, чтобы войти в историю позорной преступной деятельности английских империалистов и капиталистов.

Как известно, в 1925 г. Правительство СССР заключило договор о концессии с иностранным обществом «Лена-Гольдфильдс Лимитэд». Среди служащих этой концессии составилась группа бывших русских граждан, которая поставила себе целью совершение ряда вредительских и враждебных по отношению к Союзу ССР действий.

В эту группу входили А. П. Малоземов, — бывший служащий ленских предприятий до революции, бежавший из Союза ССР после разгрома Колчака, переменивший русское подданство на американское и, конечно, враждебно настроенный к Советской власти, а также Ф. А. Иванов — в прошлом делец, наживший миллионное состояние темными операциями, член царского государственного совета, бежавший от Октябрьской революции, а в настоящее время эмигрант, активный член «Торгпрома» (об этой организации нашим читателям уже известно), организатор и участник всех анти-советских кампаний. Приняв ответственный пост в концессии, А. П. Малоземов открыто заявил среди своих единомышленников, что на концессию он смотрит, как на средство «похищничать». Действуя в целях, поставленных Торгпромом, Ф. А. Иванов и А. П. Малоземов поставили себе задачу создать в концессионных управлениях и предприятиях такой аппарат, который мог бы служить целям экономического и политического шпионажа, а также вредительства, и в конечном итоге содействовать интервенции. Планы Иванова и Малоземова этим, однако, не ограничились. В дальнейшем, путем постепенного расширения территориальных пределов концессии, оба, мягко выражаясь, мечтая уже видели пред собой монополизацию наиболее мощных месторождений цветных металлов СССР, что уже могло бы открыть перед вредителями возможность, с одной стороны, влиять на валютный фонд Республики и индустриализацию и оборону Советской страны, а с другой — в максимальной степени сберечь богатейшие, еще недостаточно разведанные Советской властью недра для бывших хозяев. А последние ведь ждали (и, вероятно, продолжают ждать и по сей день, принимая для этого все меры) интервенции, надеясь вернуть в результате ее свою собственность.

Для организации соответствующего аппарата Иванов и Малоземов пригласили ряд лиц. Таким образом, в состав организации вошли П. А. Гуляев, М. М. Муровцев, К. Д. Колясников и Г. Т. Ив. Личный друг Иванова — Колясников был назначен главным металлургом концессии. Английский подданный Г. Т. Ив, воспитавшийся и учившийся в царской России, открытый враг Советской власти, был назначен главным геологом концессии. Инженер П. А. Гуляев — родственник А. П. Ма-

лоземова, целиком разделявший его взгляды, был приглашен на должность заместителя Малоземова по Московскому управлению концессии. Наконец, ставленник Гуляева Н. М. Муровцев — бывший офицер царской армии, юрист по образованию, также враждебно настроенный к Советской власти, был приглашен заведующим юридическим отделом в Московском управлении концессии и фактическим заместителем Гуляева во время отсутствия его и Малоземова.

Когда восстановившийся в советском гражданстве Колясников в октябре 1925 г. выезжал в СССР, он, как и другие, получил от Иванова и Малоземова директиву подобрать административно-технический аппарат по признаку наибольшей враждебности к советскому строю. Укомплектовав в духе полученных директив состав работников концессии на месте, контр-революционная группа отдала им распоряжение не вступать в общение с советской общественностью. Ни больше, ни меньше. Было также дано распоряжение не давать никому, в том числе подлежащим правительственным органам, никаких сведений, даже тех, которые концессия обязана была давать на точном основании законов. Делалось это по утверждению Колясникова для того, чтобы «создать свою твердыню в Союзе Советских Социалистических Республик». «Государство в государстве».

Запрещая общение с советской общественностью, контрреволюционная группа поощряла зато завязывание нелегальных шпионских связей с анти-советскими элементами в стране. Так они понимали советскую общественность, и так они представляли себе связь с нею. Малоземов, Гуляев, Колясников и Муромцев развили в этом отношении большую деятельность, в результате которой им удалось завербовать ряд сотрудников в советских государственных органах. Действуя испытанным методом — подкупом, контр-революционная группа добилась выдачи ей этими сотрудниками секретных документов, составляющих специально-охраняемую государственную тайну. Так, например, Колясников обещанием представить высоко-оплачиваемую должность в концессии сотруднику Гипромеза инженеру Шафф, добился от последнего получения секретных данных о госпредприятии «Богомолстрой» и обещания подготовить секретные материалы по Риддеру. Другой член группы, Муромцев, установил шпионскую связь с сотрудником Геолкома Тихоновичем и сотрудником концессионной комиссии ВСНХ Никитиным и получил от этих лиц за соответствующую, конечно, мзду ряд документов, составляющих также специально охраняемую государственную тайну. На ряду с организацией сети экономического шпионажа, эта же контр-революционная группа по заданию Торгпрома развернула и шпионаж политический. Наиболее активным работником по этой линии внутри СССР были Малоземов и Ив. Последний «за особое задание» получал особую, отличную от других сотрудников концессии, оплату, К. Д. Ко-

лясников, по заданию Иванова, также собирал сведения политического характера, которые при своих поездках в Лондон передавал Иванову, а последний уже обрабатывал их для своих докладов Торгпрому. Чрезвычайно важно отметить, что по признанию самого Колясникова, шпионская деятельность контр-революционной группы стала особенно интенсивной с момента разрыва дипломатических отношений между консервативным правительством Англии и Правительством СССР.

Параллельно с этой работой, для осуществления своих вредительских целей контр-революционная группа стремилась выполнить и следующую часть плана, т. е. приобрести монополию на цветные металлы в СССР. С этой целью Малоземов после неудачной попытки получить в концессию Богомоловское месторождение или в крайнем случае добиться передачи добываемой в этом месторождении медной руды на переработку намеченному концессией к постройке Дегтяринскому заводу, дал Колясникову директиву принять все меры к срыву строительства государственного завода (на Богомоловском месторождении решено было строить государственный крупный меде-плавильный завод). При посредстве уже упомянутого нами инженера Шаффа, в руках которого находилась проектировка Богомолстроя, вредителям удалось добиться оттяжки строительства завода на два года, т. е. другими словами вредители сорвали на значительный промежуток времени социалистическое строительство на ответственном участке цветных металлов.

Не менее активно добивался Малоземов передачи в концессию и другого крупного месторождения цветных металлов — Риддера. С этой целью Колясников, как мы уже указывали, принимал по директивам Малоземова меры к получению секретных материалов о Риддеровском месторождении и государственных планов строительства на нем. Когда и в этой попытке Малоземов потерял неудачу, когда выяснилось, что план монопольного пользования в контр-революционных целях основным месторождением цветных металлов рухнул, когда для вредителей стало ясно, что их плану влияния на валютный фонд и индустриализацию и оборону СССР не суждено сбыться, контр-революционная группа прибегла к диверсионному акту.

Как мы видим, вредительская тактика, как и во всех предыдущих случаях, остается неизменной. Для осуществления диверсии, геолог концессии Ив завербовал бывш. надзирателя в царской тюрьме, колчаковского милиционера, исполнявшего функции палача, а в последнее время работавшего десятником, и запальщиком на Риддеровском госкомбинате, А. А. Башкирцева. При этом Ив обещал Башкирцеву за выполнение задания хорошее место в концессионном предприятии и особое вознаграждение. Требовалось же от Башкирцева немного: уничтожить новую государственную обогатительную цинко-свинцовую фабрику Риддеровского комбината. Башкирцев принял предложение

Ива. 31 августа 1929 г. он выполнил задание и поджег фабрику. Характерно, что для совершения диверсионного акта Башкирцев хотел сначала прибегнуть к динамиту, но, по совету Ива, заменил динамит керосином. Закупив необходимое количество его, Башкирцев во время служебной работы проник на фабрику, облили керосином конвейер и потолок у грохота, захваченным шилом проткнул конец бикфордова шнура, обмотанного прокеросиненной паклей, к потолку, протащил шнур до выхода из помещения, приткнул динамитную свечку и запалил шнур. Фабрика очень быстро была охвачена пламенем и сгорела до тла.

Г. Т. Ив выехал за границу, а Башкиров был арестован, сознался и рассказал, как преступление было им совершено.

Используя ответственные должности в Лена-Гольдфильд-Лимитэд для осуществления своих планов, контр-революционная группа не была заинтересована в правильной, коммерческой рентабельной постановке эксплоатации концессии. Основной линией группы было: меньше капиталовложений, больше хищничества и вредительства. Эта линия проводилась во всех управлениях концессии.

Особенно велико было хищничество и вредительство в золотоносном Ленско-витимском районе. Выполняя директивы о сохранении мало разведанных недр до предполагаемого возвращения старых владельцев, контр-революционная группа в ленсковитимском районе, также, как на Урале и Алтае, не вела плановых и систематических разведок месторождений, ограничивалась только теми, которые были точно выявлены еще до концессии. Однако, и эти месторождения не подготовлялись для нормальной эксплоатации, разрабатывались лишь те золотоносные площади, которые были к этому подготовлены опять-таки до концессии, при чем разработка велась таким образом, что выхватывались пески с самым большим содержанием золота, а остальное без разработки погибало. Отсутствие достаточных разведочных и подготовительных работ при вышеуказанной вредительски-хищнической выявке золота неминуемо привело после первого года эксплоатации к постепенному свертыванию более технически высоких хозяйственных работ и к переходу к старательским работам. В 1928 г. все работы велись уже только старательским способом, при чем применялись еще более хищнические и вредительские приемы разработки. Ленские прииски были заведены в тупик. Вредительски использовалась также переданное концессионерам оборудование, жел. дорожный и водный транспорт. Все эти ценности не только не были улучшены, но были приведены в негодность на 60—70%. Не менее четверти всех строений района, в том числе жилых, распилено на дрова. Распиливались на дрова совершенно новые дома. Так орудовали на огромной территории концессионеры. Так они понимали свои обязательства перед Советским

правительством. Так они проводили свой контр-революционные вредительские и шпионские действия, так они выполняли волю пославших их.

Приговором суда Муромцев и колясников осуждены на 10 лет лишения свободы. Принимая во внимание признание Муромцева, этот срок ему был снижен до 6 лет лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет. Принимая во внимание искреннее признание Колясникова и его желание загладить совершенное преступление путем предоставления своих крупных инженерно-технических познаний для строительства промышленности СССР, суд понизил ему также меру социальной защиты до 6 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Невольно напрашивается мысль: когда заключенные с концессионером договоры последним бессовестно нарушаются, когда вместо прямой деятельности, вытекающей из концессионного соглашения, контрагент занимается явно вредительской и контрреволюционной работой, когда, вопреки всем существующим торговым и международным обычаям, концессионер нагло попирает законы страны, на территории которой он производит ту или иную работу,—все права на самое законное недовольство и расторжение концессионного договора имеет, конечно, та сторона, которая, соблюдая сама целиком и полностью все взятые ею на себя обязательства, не встречает, однако, со стороны своего контрагента такого же добросовестного и честного отношения к предмету концессионного договора. Отсюда, казалось бы, все права на расторжение договора со всеми вытекающими из этого последствиями имеет СССР.

На деле же, однако, произошло другое. Случилось нечто неслыханное в международных отношениях. Мы имеем в виду преступное и недопустимое в практике торговых отношений бегство концессионеров, оставивших громадную территорию и громадное, добавим тут же непринадлежавшее им, имущество на произвол судьбы и поставивших рабочих, в чрезвычайно тяжелое во всех отношениях положение. Этого, однако, мало. Следуя, видимо пословице «Медведь корову дерет, да сам и ревет», концессионеры вслед за этим, с помощью услужливых, находящихся у них очевидно на службе журналистов, развили необычайную агитацию лжи и клеветы на Советскую власть, пытаясь представить ее виновницей неслыханно-тяжелого положения, которое оставили концессионеры после своего бегства на Лене.

Таким образом, выходило, что во всем виновата Советская власть. Виновата и в том, что концессионеры оставили до 10 тысяч неоплаченных рабочих, об'явивших забастовку в итоге неуплаты зарплаты; виновата в том, что полностью остановились действовавшие предприятия по добыче и обработке цветных металлов на Урале и Алтае и, как следствие, советское

народное хозяйство не дополучает в огромном размере ценнейшую продукцию: золото, цинк, медь и пр. Следует при этом заметить, что даже при пуске в ход эти предприятия, после бесхозяйственного обращения с ними концессионеров, долгое время еще должны были быть лишены возможности давать продукцию в нормальном об'еме, вследствие распыления инженерной и рабочей силы, произведенных разрушений и ряда потерь. В самый разгар работы Ленской концессии контр-революционные руководители ее предательски и постыдно бежали. Большие потери понесла Якутская советская республика, вследствие саботажа концессионеров, прекративших всю подготовку по завозу в эту громаднейшую область материалов и продовольствия для концессионных предприятий, расположенных на территории этой республики. Пострадал и советский транспорт. Железная дорога, действовавшия в Ленско-витимском районе, вследствие бегства концессионеров вынуждена была бездействовать. Целая флотилия судов, переданная Советским правительством в пользование концессионерам на реке Лене, была ими брошена в самый серьезный момент, когда требовался наиболее интенсивный ремонт судов и подготовка их к весенней навигации. Действия концессионеров в этой части повлекли за собой помимо всего прочего отрыв целой республики от связанных с нею экономически и административно центров. Если ко всему этому добавить, что был также разрушен ряд организаций на промышленных предприятиях, бесперебойная работа которых имела громадное значение для всего народного советского хозяйства, что с большим трудом собранная на этих предприятиях квалифицированная и техническая рабочая сила была распылена и рассеяна, что преступные действия концессионеров повлекли за собой расстройство экономической и хозяйственной жизни на территории Якутской АССР и что, наконец, по самым грубым предварительным подсчетам убытков, вызванных тем, что концессионеры бросили предприятие, можно насчитать, и притом бесспорно, в несколько десятков миллионов рублей,—то преступное поведение Лена-Гольдфильдс и ее попытки свалить вину за все на Советскую власть, сразу же оказываются шитыми белыми нитками. Чрезвычайно интересно, что не взирая на это, концессионеры всячески избегали третейского суда, предложенного им Советским правительством. Характерно и другое. В один прекрасный день было получено телеграфное сообщение из Лондона о том, что 6 августа в третий раз открылось заседание третейского суда по делу о претензиях Лена-Гольдфильдс к Советскому правительству. Напрасно только этот суд присвоил себе название третейского: Советское правительство не только не признало его компетенции, в силу ряда юридических и фактических мотивов, но, более того, оно достаточно ясно заявило, что не будет считать для себя обязательными суждения заседающих в этом «суде» «джентельме-

нов». Последние, тем не менее, не взирая на отсутствие советского представителя, заседали сначала в Берлине (9-го мая), откуда перенесли свою «работу» в Англию, где и открыли в Лондоне свои занятия 19 июня, избрав для внушения к себе большого уважения помещение суда «Королевской скамьи».

Такова правда в этом деле и таковы причиненные концессионерами Советскому правительству убытки. Однако, этими убытками вред, причиненный односторонним разрывом Лена-Гольдфильдс концессионного договора, еще не исчерпывается. Достаточно вспомнить данные, вскрытые на судебном процессе, достаточно указать, что в течение ряда лет добыча золота на Лене не соответствовала договору, что богатейшие золотоносные месторождения в Ленско-витимском районе хищнически разрабатывались, с завалом сотен тонн золота, оставшегося под землей, что переданное в свое время Правительством СССР концессионерам громадное движимое имущество и материалы в большей части ликвидированы и для Советской страны потеряны навсегда, чтобы понять, почему даже наиболее здравомыслящая европейская пресса («Дейче Альгемейне Цейтунг», «Кельнише Фолькс унд Хандельблатт», «Берлинер Берзер Цейтунг», журнал «Ди-Банк» и др.) воспроизводят из брошюры доктора Бернштейна не только факты преступной деятельности концессионеров, но и ряд убийственных для них данных о финансовом положении концессии, задолженности ее и о причиненных ею Советской республике убытков.

Дело ясно: во всей преступной работе концессионеров с трудом скрываемая рука английских империалистов видна буквально во всем...

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ БОМБЫ.

О террористической деятельности контр-революционеров мы частично уже говорили, когда коснулись вопроса о шпионаже в СССР. Считаем необходимым остановиться на этом вопросе несколько подробнее, так как по разработанному контр-революционерами плану террор, этот «третий способ» воздействия на Советскую власть, рекомендованный виднейшим английским шпионом Рейли, должен был играть видную роль во всей подрывной и вредительской работе английской контр-разведки.

Мы уже писали выше о деле пяти террористов, но характеризовали ту часть их «славной деятельности», где речь шла о шпионаже. Надо прямо и определенно сказать, что Сольский, Балмасов, Адеркас и их товарищи в едином лице представляли и шпионов и вредителей.

Мы постараемся осветить их на этот раз под углом зрения их террористической работы.

Первого сентября 1927 года появилось в газетах официальное сообщение от Коллегии Об'единенного государственного политического управления, начинавшееся так: «Полномочным представительством ОГПУ в Ленинграде за последнее время предотвращено несколько новых попыток организовать террористические акты в СССР, при чем в результате произведенного расследования этих попыток удалось полностью раскрыть нападение террористов на Деловой клуб в Ленинграде на Мойке 7/VI—27 г. Выяснено следующее обстоятельство...» Далее следовало сообщение о задержании ряда вооруженных лиц при переходе ими границы, оказавшихся террористами Самойловым, Строевым, Адеркассом, Балмасовым, Сольским. В этом же сообщении следовало далее перечисление ряда совершенных этими террористами преступлений. Вскоре же после этого пойманные террористы предстали перед Военной коллегией Верхсуда. В виду большой важности этого дела, мы считаем необходимым остановиться на основных моментах его.

Предварительное следствие по этому делу установило принадлежность всех пяти монархистов-террористов к монархической организации Н. Н. Романова. Террористическая деятельность этих лиц протекала в тесной связи с английской развед-

кой (секретной службы) английского консервативного правительства.

Как известно, 7 июня 1927 г. в Ленинграде в 9 час. вечера в Деловом клубе произошел взрыв, во время которого было ранено 26 человек, из коих 14 тяжело. Совершив взрыв, преступники бросились бежать, отстреливаясь от преследовавших их членов марксистского кружка, заседавшего в комнате, куда была брошена бомба. Ленинградское ГПУ немедленно же приняло меры к поимке преступников. В ту же ночь одной из застав Сестрорецкого погранотряда были замечены три вооруженных человека, направлявшихся к Финской границе. На окрик красноармейцев неизвестные открыли стрельбу, застрелив при этом бросившуюся на них собаку-ищейку, и скрылись.

В ночь на 3 июня в Москве на Мал. Лубянке в примыкающем к ОГПУ и населенном частными лицами доме № 3/6 была обнаружена мелинитовая бомба в 4 кгр., при чем как оболочка, так и мелинит были несомненно иностранного происхождения. 18 июня на Яновском спирто-водочном заводе Смоленской губ. был замечен подозрительный человек, который при попытке задержания бросился бежать и, отстреливаясь, ранил милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко. Организованным особым отделом Белорусского военного округа преследованием он во время перестрелки был убит. По выяснении оказалось, что это известный савинковец Оперпут-Упелинц. Кроме огнестрельного оружия при нем были обнаружены карты, дневник и английская граната.

На другой день два других террориста, скрываясь от преследования, остановили около местечка Рудня автомобиль штаба Белорусского военного округа, следовавших из Витебска в Смоленск, и убили при этом шофера. Неизвестные скрылись в лесу. ГПУ при помощи местных крестьян следы преступников были обнаружены в районе ст. Дретунь. Во время облавы преступники ранили жену краскома т. Ровнову. Во время перестрелки террористы были убиты. При них кроме револьвера и большого числа патронов были обнаружены английские гранаты, подложные документы, финские деньги и т. п. По выяснении убитые оказались М. В. Захарченко-Шульц и Петер-Вознесенским.

Благодаря принятым энергичным мерам ленинградскому ГПУ удалось установить, что из Гельсингфорса, кроме упомянутых террористов, готовится новая переброска террористов. И действительно, 21 августа у села Шуя, в районе Петрозаводска, двумя неизвестными был убит пытавшийся их задержать лесник-об'ездчик т. Ведешкин. 22 августа старшим следователем карельского главсуда т. Веледеевым и инспектором угрозыска т. Дич были замечены два неизвестных, походивших по внешним признакам на убийц Ведешкина. Неизвестные были задержаны. При них нашли взрывчатые вещества, две большой

разрушительной силы бомбы, гранаты, воспламенители, яды, топографические карты, подложные документы и проч. Задержанные оказались монархистами Балмасовым и Сольским.

Однако, как это впоследствии выяснилось, указанные лица не были причастны к убийству Ведешкина. Убийство это было произведено двумя другими террористами, которые прошли через Шую за день до Балмасова и Сольского. 26 августа указанные лица были замечены около Петрозаводска. При своем задержании неизвестные оказали вооруженное сопротивление и были убиты. Один из них оказался монархистом Шариным, а второй — участником взрыва в Деловом клубе С. В. Соловьевым, убийцей т. Ведешкина. При убитых были найдены четыре револьвера, четыре бомбы, яд, карты и проч. 26 июля в районе Острова было задержано 3 переходивших границу монархиста: Н. П. Строев, В. А. Самойлов и А. Э. фон-Адеркас. Все они были вооружены.

Предварительным следствием было также установлено, что все эти лица состояли членами монархической организации Н. Н. Романова, имевшей в пограничных с СССР государствах своих представителей, работавших под непосредственным руководством Кутепова. Такими представителями были: в Финляндии — Н. Н. Бунаков и Швецов, в Эстонии — Щеголчев и генерал Баев, в Польше — Артамонов и, наконец, в Латвии — бывш. «светлейший князь» Ливен. Следствие установило также, что генерал Кутепов тесно связан с английской разведкой. С английской разведкой была также тесно связана и упомянутая уже М. В. Захарченко-Шульц. Для успешной переправы своих агентов в СССР представители Кутепова были тесно связаны с офицерами разведок некоторых соседних с нами государств: в Финляндии — с начальником разведотдела штаба второй дивизии (Выборг) капитаном Розенштрем, в Латвии — с начальником третьего отдела оперативной части Генштаба Винтером и его помощником Линде, в Польше — с рядом офицеров генштаба, в частности, с майором Таликовским. По ряду других дел было уже установлено, что шпионы-монархисты получали от этих разведчиков всяческое содействие.

Для организации анти-советской работы в СССР и были направлены из Финляндии Балмасов и через Латвию — Самойлов и Строев. Работа эта потерпела неудачу и Захарченко-Шульц приступила к более активной деятельности. Группа, в которую вошли монархисты-боевики Шарин, Соловьев, Родионов, Мономахов, Бастамов, Коренев, Сольский, Петерс и Балмасов, должна была заняться террором. В марте 1927 г. в Териоках на явочном пункте финской разведки на даче Фролова состоялось совещание монархистов, на котором присутствовал генерал Кутепов, усиленно рекомендовавший немедленно приступить к террору, указывая при этом, что англичане и другие иностранные правительства дадут деньги и нужные средства только в

том случае, если монархисты докажут свою дееспособность тем, что начнут террором и диверсией активно бороться с Советской властью. Вскоре после этого совещания Захарченко-Шульц устроила в Гельсингфорсе совещание боевиков, на котором Кутепов произнес подбодряющую речь. Спустя некоторое время,— это было незадолго до англо-советского разрыва, — в Финляндию приехал из Ревеля капитан Росс (сотрудник британской миссии в Ревеле), который принял участие в инструктировании боевиков в духе, намеченном английской разведкой в Лондоне.

Следствием далее было установлено, что ленинградская группа террористов должна была произвести взрыв после того, как московская группа взорвет ГПУ, но ленинградская группа не дождалась известия об этом и приступила к действиям. Монархисты остановились в Левашинском лесу и наезжали каждый день в Ленинград. Узнав из газет о предстоящем собрании в Деловом клубе, они решили произвести террористический акт. Первый раз, в виду того, что в клубе было много людей, покушение было отложено. На следующий день они расписались в книге у швейцара и спросили у буфетчицы комнату, где должно было происходит собрание. Буфетчица указала им комнату, где заседал марксистский кружок, состоящий из партийных и беспартийных товарищей, По приказанию одного из членов организации Ларионова, Соловьев и Монахов бросили бомбу, одна из которых не взорвалась. Третья бомба была обнаружена в портфеле, брошенном террористами. На границе, как уже сказано выше, бандиты вступили в перестрелку с красноармейцами и скрылись.

С заданиями совершить террористические акты были также направлены бывший офицер Строев, б. фельдфебель Самойлов и сын земского начальника фон-Адеркас. Все они—активные монархисты и участники гражданской войны. Помимо террора, как было также установлено следствием, монархистам давались задания по сбору секретных военных сведений, при чем они получали инструкции от английской разведки и от разведок оказывавших им содействие стран.

Напомним читателям также в кратких чертах физиономии подсудимых по этому процессу. Балмасов — сын генерала и сам бывший капитан. С октября 1918 г. он в качестве добровольца служил в белой армии, оперировавшей на северном фронте. В дальнейшем он оказался у Врангеля, после поражения которого эвакуировался в Финляндию, где связался с представителем генерала Кутепова и стал работать в монархической организации.

Другой обвиняемый по этому делу — Сольский, совсем еще молодой человек, 23 лет, сын гвардейского офицера, умершего в 1905 г. После смерти отца Сольский жил и воспитывался у своего дяди — сенатора Гребнера. В 1925 г. он окончил гимна-

зию в Финляндии, а в начале 1927 г. вступил в одну из монархических русских организаций, находящихся в Финляндии.

Строев — немного старше, ему 25 лет. Он — сын полковника, окончил кадетский корпус, бывший мичман. Служил в армии Колчака, затем у Врангеля в Крыму, в дальнейшем перебрался в Париже и вступил в русскую монархическую организацию.

Самойлову 28 лет. Он — участник армии Юденича и генерала Перемыкина. После бегства из России в Венгрию Самойлов вступил в монархическую организацию.

И, наконец, пятый обвиняемый — фон-Адеркас прямо со школьной скамьи решил отдать все свои силы борьбе «за освобождение России». Он — сын земского начальника, окончил гимназию в Латвии. В русской монархической организации работал, будучи еще гимназистом.

Мы уже в кратких чертах касались характеристик обвиняемых. Дополним их сейчас поэтому отдельными новыми черточками, выявившимися по ходу процесса.

Балмасов откровенно и подробно рассказывает о всех своих похождениях.

Без содействия финнов никакие выступления монархистов не были бы возможны,— говорит он. Перед отправлением в СССР террористы обучались бомбометанию и здесь активная помощь была оказана финским генеральным штабом.

Другой подсудимый — Самойлов сообщил, что он должен был для Ливена об'ехать пограничную полосу в СССР, выясняя настроение. Латвийская разведка в это время интересовалась военными заводами, их производительностью, авиацией, номерами полков, флотом и состоянием дорог.

Пролетарский суд по делам воздал преступникам. Военная коллегия Верховного суда вынесла приговор, в котором преступления монархистов-террористов были освещены достаточно подробно. Приговор этот нашим читателям уже известен. Напомним тут же ряд интересных признаний подсудимых, высказанных ими в своем последнем слове. Балмасов говорил о том, что виденное им в СССР во время переходов доказало ему несоответствие его представления об СССР с действительностью. Сольский в своем последнем слове сказал: «Знаете ли вы о жизни русской молодежи за границей?» И сам ответил на это: «Это — сплошной невыразимый кошмар, который довел многих подобных мне до самоубийства, а меня — на согласие итти сюда».

Самойлов заявил: «Я убедился в том, что все сообщения о Советской России «Нового времени», «Руля» и др. эмигрантских газет — сплошная ложь».

Наивно было бы, однако, думать, что слова подсудимых, в частности Строева («Остановитесь, не ходите, это бесцельно, не нужно, мы глубоко ошиблись»), подействовали на других членов организации монархистов-террористов. Доказа-

тельством служит оглашенное т. Ульрихом сейчас же после прочтения приговора сообщение полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе.

Оно гласило: «Председателю военной коллегии Верхсуда СССР т. Ульриху.

«Настоящим п.п. ОГПУ в Ленинградском военном округе доводит до сведения Военной коллегии Верхсуда, что 21 сентября с. г. через финляндскую границу в районе Карелии вновь перешла группа вооруженных монархистов, вступившая в перестрелку с нашей пограничной охраной. Одному из перешедших удалось скрыться в Финляндию, а двое других были убиты. При убитых были обнаружены: 1) монархические прокламации «Память мучеников Романовых», «Работа чрезвычайки», «Кто правит Россией» и 2) револьверы системы «Маузера» и патроны к ним.

Обвиняемый по делу монархистов-террористов Сольский опознал в одном из убитых того переправщика, который перевозил его через границу. По имеющимся у п.п. ОГПУ ЛВО данным, группа эта переброшена известным монархистом полковником Григорьевым, проживающим в Сердоболе и имеющим помощником известного английского агента, монархиста Бунакова».

Ярким штрихом, характеризующим непрекращающуюся контрреволюционную работу врагов Советской власти, является и следующее сообщение ОГПУ:

«6 июля (1928 г.) в 9 ч. 15 м. вечера, в бюро пропусков ОГПУ была брошена самодельная бомба двумя белогвардейцами, прибывшими неделю назад из Парижа через Болгарию и Румынию при содействии румынской контрразведки.

При взрыве бомбы был убит один красноармеец охраны НКПС т. Иванов, Михаил Владимирович, и серьезно ранен другой красноармеец, т. Волков, Артемий Васильевич, пришедшие за справкой о беспризорных.

Один из преступников, бывший воспитанник пажеского корпуса и врангелевский офицер Георгий Николаевич Радкевич, 30 лет, убит при погоне, а другой, эмигрант-белогвардеец, его соучастник, арестован в районе селения «Фроловский яр», недалеко от г. Подольска, Московской губ., при чем крестьяне деятельно помогали органам ОГПУ при преследовании преступников».

ОРГАНИЗАТОРЫ ГОЛОДА.

Мы приближаемся к концу нашей темы. Ни в какой мере не рассчитываем мы и не претендуем на то, что она исчерпана полностью. Это было бы задачей просто непосильной, поскольку вредительская деятельность контр-революции, не прекращаясь ни на минуту, дает каждый раз характерные образчики преступной работы в СССР врагов Советской власти. Читателю ясно, пожалуй, что если бы мы хотели перечислить всю вредительскую шпионскую и террористическую деятельность врагов пролетариата, направленную к свержению Советской власти, мы бы, по всей вероятности, едва ли ограничились и тремя томами. Мы, однако, считаем, что нет никакой надобности переворачивать заново весь имеющийся материал, тем более, что частично он в свое время находил себе некоторое отражение и в прессе. Мы, поэтому, выбирали из огромной массы фактов и документов, как нельзя лучше характеризующих подрывную работу международных империалистов, лишь те, которые с нашей точки зрения являются наиболее доказательными. И если, тем не менее, мы останавливаемся еще на одном акте вредительской работы контр-революционеров, то только потому, что в этом случае больше, чем в каком бы то ни было другом, весь диапазон, весь размах, весь об'ем вредительской работы достигает предела столь разительного, столь неслыханного, что может быть смело сочтен за ярко и рельефно обрисованную картину развернутого наступления на фронте вредительства. Мы имеем в виду раскрытое недавно ОГПУ вредительство в мясной, консервной, овощной и рыбной промышленности, закончившееся весьма печально для его активных участников, а именно: 48 наиболее злостных вредителей постановлением коллегии ОГПУ были расстреляны. В этом случае мы бы даже затруднились назвать то, что делали преступники, только вредительством. Мы бы даже сказали, что и прибавлением к характеристике их действия определения шпионаж мы также полностью не обозначили бы действия контр-революционеров. Мы считаем наиболее правильным сказать, что в данном случае налицо имелись все три формы борьбы с Рабоче-крестьянской республикой: и вредительство, и шпионаж, и террор. Выбирая об'ектом своей преступной работы такую серьезную и важную

область, как снабжение, контр-революционная организация поставила себе определенной целью, путем расстройства этого снабжения, путем создания продовольственных кризисов с важнейшими продуктами питания, какими являются мясо, рыба, овощи и консервы, организовать голод в Рабоче-крестьянской республике. Эта попытка не является первой.

Еще в самом начале революции, когда только был свергнут царизм, Рябушинский и иже с ним мечтали о «костлявой руке голода», которая должна была разрушить революцию. В дальнейшем неоднократные попытки уничтожить путем голода Советскую республику предпринимались и русскими белогвардейцами при активной и прямой поддержке иностранных империалистов. Однако, сильная своим революционным энтузиазмом Советская страна не только преодолела голод, но и в тягчайших условиях сумела отразить многочисленные попытки военной интервенции, голодной экономической и финансовой блокады и, подавив ряд контр-революционных заговоров и восстаний,— восстановить разрушенное империалистической и гражданской войной хозяйство. Больше того, в своем настойчивом стремлении, опирающемся на организованную мощь рабочего класса, построить социализм, Советская страна подошла к строительству пятилетки с такими данными, которые позволили ей приступить к выполнению плана великих работ по грандиозному социалистическому переустройству страны. Пытавшиеся не раз парализовать работу таких важнейших центров советского народного хозяйства как уголь, черные и цветные металлы, транспорт, машиностроение, военная и химическая промышленность и т. д., контр-революционеры, отлично понимая, какое огромное значение для всего нашего строительства имеет правильное снабжение рабочего класса, пытались и на сей раз подорвать нашу работу в ее важнейших узловых пунктах. Они поэтому устремили свое внимание на органы, заготовляющие и распределяющие продукты питания. Само собой разумеется, что истинные намерения вредителей заключались в реставрации буржуазного строя. Недаром же один из расстрелянных вредителей — бывший помещик, генерал-майор Рязанцев («специалист» Главконцескома по мясному делу) заявил в своих показаниях, что, как он считает, основным классом, носителем культуры является буржуазия. Рязанцев считал, что пролетариат, как класс, с его коммунистическими идеалами не сможет наладить и поднять хозяйственной и культурной жизни страны до состояния полного расцвета. «Да и помимо этого» — заявил Рязанцев — «я не хотел этого». Вероятно, поэтому Рязанцев вместе с другими вредителями вошел в соглашение с английским контр-разведчиком и агентом бэконной фирмы Унион Фотергилом и получил от него на вредительскую работу около миллиона рублей золотом.

Здесь необходимо сказать несколько слов о том, что представляет собою Фотергил. До революции английская мясная

фирма «Унион Колд Сторэдж» владела в России рядом холодильников. Фотергил приехал в Советскую Россию в качестве представителя фирмы. Он представлял себе свою деятельность в СССР совершенно определенно. Вот как об этом показал Рязанцев:

«После первых бесед он (Фотергил) предложил мне создать контр-революционную организацию, которая, разрушая масное и холодильное дело, боролась бы с Советской властью и одновременно помогала бы получить в концессию мясное и холодильное дело».

Разумеется, для этого нужны были помощники. Они и нашлись в лице Рязанцевых, Эстриных и др.

«После делового разговора» — читаем мы в опубликованных ОГПУ показаниях Эстрина, «Фотергил предложил мне, когда остались только Рязанцев, я и Фотергил, создать контр-революционную вредительскую и шпионскую организацию, на создание которой он будет отпускать нам деньги. Мы это предложение приняли и тогда же приступили к самой организации. Задачи, которые перед нами поставил Фотергил, заключались: дезорганизовать мясное и хладобойное дело в СССР и лишить страну мяса, привести ее к голоду, чем был бы нанесен удар Советской власти и облегчена была бы возможность проникновения в Союз английского капитала в форме концессии на всю мясную и хладобоенскую промышленность».

Таким образом, мысль об организации голода, т. е. о медленном и верным истреблении уже не отдельных лиц, а сотен тысяч людей, красной нитью проходит через все вредительские действия расстрелянной ОГПУ шайки. Мы спрашиваем, чем это не террор? И не являются ли подобные акты худшим видом террора — террора, организованного и массового?

Как и во всех случаях, вредительская организация была связана и с бывшими собственниками, бежавшими за границу крупными мясо- и рыбо-торговцами, и с эмигрантскими кругами. Сношения с ними производились через посылаемых за границу в качестве специалистов отдельных членов шайки, которые должны были докладывать о работе организации в СССР, а также привозить от вдохновителей и бывших хозяев директивы. Одним из таких послов организации был Казаков. Одним из тех, кто давал директивы, был известный рыботорговец Ванецов. Даваемые им указания сводились к тому, чтобы усилить недовольство среди ловецкого населения в связи с коллективизацией, содействуя с этой целью, где представится возможным, извращениям установленных директив Партии по проведению коллективизации, в частности, путем обложения ловецких промыслов таким образом, чтобы вызвать недовольство ловецкой массы и не только единоличников, но и колхозников. Ванецов дал также директиву шайке продолжать всемерно задержку прохождения планов и проектов строитель-

ства, обратив особое внимание на задержку с постройкой судов, предполагаемых для лова сельдей на Дальнем Востоке. Само собой разумеется, что за проведение всех этих директив вредители получали от щедрых руководителей и вдохновителей деньги, которые «скромно» распределяли между собой.

Один из расстрелянных 48 вредителей — Фишзон сообщил в своих показаниях, что ему известно получение денег из этого «фонда» рядом лиц: Казаковым — до 20 тыс. рублей, Езерским — до 12 тыс., Головкиным, Арцыбашевым и др. — до 30 тыс. рублей, Ергомышевым — до 12 тыс. руб. и т. д. Помимо вышеуказанных директив, вредители должны были провести также следующее: содействовать расстройству сырьевой базы в основных районах ското- и мясозаготовок, созданию периодических кризисов на мясном рынке, расстройству снабжения пролетарских центров, замедлению, удержанию и срыву подготовки технической базы для развития мясного дела, расстройству всех видов производства мясной промышленности, а также замедлять, удорожать и срывать реконструкцию существующих и строительство новых предприятий. Эти преступные действия, ударяющие по самому больному, самому чувствительному месту — рабочему снабжению, шайка должна была проводить не только в мясном, но и в рыбном, и в консервном деле и в снабжении овощами. Все это мы достаточно хорошо имели возможность установить из собственноручных показаний членов шайки Левандовского, Гинзбурга и др. Заведующий отделом сбыта и распределения Союзмяса Левандовский прямо показал: «С целью расстройства снабжения пролетарских центров мною, по согласованию с Купчиным, в отдельные города завозилось скота больше, чем следовало, а в другие города не завозилось. Этим достигалось во вредительских целях скопление большого количества скота в отдельных городах, что влекло за собой потери скота в весе и числе голов. Чудовищное и внезапное скопление большого количества скота на станциях влекло за собой массовый падеж, расстройство боенского дела и порчу продукции, что по существу ничем не отличалось от недоснабжения».

Когда трудящиеся Советской страны нередко жаловались на плохое качество мясных продуктов, вредители делали вид, что они не понимают, на чем эти жалобы основаны. Они делали вид, будто бы не их касается решительное запрещение Союзмясом изготовления мясных консервов из голья. Они проводили свою линию, подчинялись своим руководителям. Поэтому, вероятно, заведующий производственным отделом Троицкого мясокомбината Соколов выпускал гольевые мясные консервы из требухи, губ, небного мяса и т. п., цинично при этом говоря «ничего, с'едят товарищи и это».

Не будем перечислять отдельных вредительских действий шайки в других избранных ими для преступных упражнений

областях: рыбной, консервной и овощной. Показания расстрелянных вредителей еще живы в памяти рабочих-читателей. равно как живы в их памяти и те чувства глубочайшего негодования и величайшего возмущения, которые охватили все без исключения слои трудящихся Советской республики. Помнят также наши читатели и о той волне категорических требований беспощадного расстрела вредительской шайки, которая прокатилась по всей необ'ятной Советской стране. Вот почему суровая мера — расстрел, примененная ОГПУ, явилась лишь выражением единой, коллективной, многомиллионной воли рабочего класса СССР.

Рабочий класс Советской республики сделает, конечно, выводы из всего случившегося, из того неудавшегося в неслыханных размерах массового террора (иначе мы организованную подготовку к отравлению десятков и сотен тысяч человек или к истреблению их путем организации голода, назвать не можем), который замышляла и частично все же успела осуществить без гибельных, правда, для пролетариата последствий, преступная шайка. В этом случае также, как и во всех других, международная контр-революция могла лишний раз убедиться в зоркости и бдительности верного стража пролетарской диктатуры — ОГПУ.

БУРЖУАЗНЫЕ РЕСТАВРАТОРЫ И ИХ ВДОХНОВИТЕЛИ.

Обвинительное заключение по делу о контр-революционной и вредительской промышленной партии дает богатейший материал, доказывающий со всей очевидностью участие правительственных кругов и военных штабов европейских держав в подрывной работе вредителей. Практика социалистического строительства разбила последние надежды международной буржуазии на перерождение Компартии и Советского государства. Капиталистическая пресса на каждом шагу кричит о пропаганде большевиков, но она ни одного слова не говорит о работе правительственных кругов, военных штабов, капиталистических организаций Франции, Польши, Румынии, направленной к организации вооруженного нападения на Страну советов. Вы никогда не найдете во французских газетах о том, что Пуанкаре, Бриан и др. принимают представителей русских белогвардейских организаций и беседуют с ними о создании условий для нападения на Страну советов или о намечении сроков для этого нападения. Мы узнали. зато четко из обвинительного заключения, что вредительские организации субсидируются за счет государственных средств и через посредство чиновников Франции и др. государств. Пролетарская, социалистическая работа ведет к полной победе в нашей стране и поэтому она подвергается жесточайшим нападкам со стороны всего капиталистического мира, который прекрасно понимает, что победа социализма в СССР означает начало конца капитализма, ибо эта победа убедит весь международный пролетариат в правильности большевистского пути освобождения трудящихся масс от капиталистического рабства. Отсюда — бешеная ненависть капиталистического мира к Советскому Союзу, отсюда — вся его провокационная, лихорадочная подготовка интервенции, которая проводится некоторыми капиталистическими странами.

Это же обстоятельство порождает активизацию контр-революционного вредительства, являющегося носителем буржуазно-помещичьей реставрации и одновременно союзником мирового капитализма.

Программа контр-революционного вредительства, изложенная в показаниях руководителей, так называемой, Промышленной партии, в классовом отношении совершенно ясна. Она сводится к передаче фабрично-заводских и проч. предприятий в

руки прежних владельцев, к компенсации бывш. помещиков за национализированные у них земли, к созданию крепких кулацких хозяйств. Такую программу можно было осуществить только свергнув Советскую власть и установив буржуазно-помещичий строй.

Эта программа могла получить только поддержку капиталистических элементов Советской страны, но они уже прошли через жернова социалистического строительства и не представляют из себя силы, способной совершить переворот. Естественно, что взоры вредителей обратились в сторону капиталистического мира в поисках силы, которая могла бы уничтожить революцию и вернуть буржуазии и помещикам их власть. Показания Рамзина, Калинникова и др. совершенно ясно устанавливают, что империалистическая буржуазия поддерживает и субсидирует вредительские организации, направляя их работу на подрыв экономической мощи Советского государства, на создание кризиса в нашем народном хозяйстве, на дезорганизацию всей хозяйственной жизни.

Иностранная буржуазия совместно с русскими белогвардейскими организациями и их агентами-вредителями намечала практическое проведение интервенции в 1930 г. Позднее, так по крайней мере показывают вредители, осуществление нападения на Советский Союз было перенесено на 1931 г. Это обстоятельство надо особенно запомнить сейчас, когда ведется бешеная травля против Советского Союза. Дело рабочего класса, дело Октября живет и будет жить, несмотря на всю подрывную и провокационную работу классовых врагов!

Обвинительный акт по делу Промышленной партии является документом величайшего исторического значения. Сидящие на скамье подсудимых Рамзин и др. причисляются к группе высшей технической интеллигенции. Эта группа оказалась связанной с бывш. хозяевами русской промышленной буржуазии — Рябушинским, Коноваловым. Эта группа пошла на советскую службу, как во вражеский лагерь, пошла для того, чтобы сберечь своим хозяевам их заводы. Делалось это во имя возвращения к власти капиталистов и помещиков.

Советское правительство обеспечило Рамзиных всем, что им нужно было для жизни, для творческого труда. В СССР крупные инженеры имели возможность проводить свои планы в грандиозных размерах. Советская власт высоко оценила науку, Советская власть дала высшей технической интеллигенции полную возможность влиять своими техническими советами, своими знаниями на ход развития, но руководить этим развитием она им не дала, ибо руководить этим можно только стоя на точке зрения интересов рабочего класса.

Господа Рамзины пошли на авантюру, которая должна была привести по их расчетам к крушению Советской власти, но привела к полному крушению их затеи. Рамзины и Калиннико-

вы хотели залить кровью деревни, в которых проснулась мысль от векового сна. Они не хотели допустить коллективизацию в деревне, им нужно было возвратить землю помещикам. Рамзины и Калинниковы призвали на помощь французских и английских имепериалистов, молили о помощи Польшу и Румынию. Рамзины и Ларичевы стали шпионами на службе французских штабов, прямыми предателями народных масс, хотя и великолепно понимали, что за помощь, получаемую от французского империализма, придется расплачиваться территорией, сдачей народного хозяйства в руки иностранных империалистов. Бдительность рабочей власти, бдительность рабочих масс и его часового ОГПУ сорвала этот план. Рамзины и Калинниковы это — символ гибнущего мира, который идет на любое преступление, чтобы только удержаться.

Обвинительное заключение по делу Промышленной партии срывает маску ханжества и лицемерия со стороны мировых капиталистических акул. Материал обвинительного заключения дает прекрасную возможность уяснения расстановки классовых сил в нашей стране. Необходимо точно уяснить элементы, которые соединяли русских вредителей с авантюристскими элементами капиталистической Франции и др. стран. Об этом красочно рассказывает обвинительное заключение.

Что привело их к вредительству? — спрашивает тов. Савельев в своей статье — «Белогвардейские замыслы и советская действительность», помещенной в Правде от 14 ноября. Тов. Савельев поясняет, что нужно прежде всего постараться понять логику жесточайшей классовой борьбы, которая привела этих людей на путь вредительства. Перед нами — не просто инженеры, а представители класса русских крупных промышленников с психологией в первую очеред капиталистических дельцов, во вторую — инженеров, профессоров и техников.

Причины роста классовой ненависти со стороны капиталистических элементов правильно указаны Рамзиным в его перечне причин, мотивирующих переход инженерства на нелегальную работу против Советской власти. Господа инженеры испугались роста социалистической промышленности. Руководители Промышленной партии, несомненно, прожженные дельцы, отлично понимавшие, за что они борются. Они отлично видели силу и мощь Советской страны, ее колосальный рост и рассчитывали только на помощь извне. Почти все они в своих показаниях подчеркивают, что, несмотря на их вредительские усилия провести в жизнь «минималистические» планы, Страна советов развивается быстро и прочно, Советскую власть не поколебать внутренними усилиями вредителей. Задача свержения Советов, как полагали вредители, требует обязательной помощи извне, путем интервенции капиталистических держав. Для вредителей представлялся только один выход, — в интервенции, в ставке на помощь империалистических акул. Промышленная партия и так называемый Торгпром мечтали о второй «солид-

ной интервенции», исходя из того, что первая провалилась. Взоры вредителей были обращены в сторону Детердингов, Черчиллей и руководителей генеральных штабов. Судя по показаниям вредителей, они находились в теснейшем контакте с «цветом русской интеллигенции» — так называемыми русскими капиталистами — Рябушинским, Крестовниковым, Лианозовым, Нобелем. ОГПУ ликвидировала приводные ремни, которые вели из военных штабов капиталистических стран через вредительские организации в наши хозяйственные плановые организации. Чем быстрее Советская страна строит социализм, тем энергичнее развертывается борьба на всех фронтах с капиталистическими элементами, тем сильнее подымается великий революционный энтузиазм миллионов рабочих масс, тем рельефнее выступает наружу голый авантюризм и интервенционистские попытки промышленных кругов. Отсюда, как следствие, — особо агрессивная, бешеная подготовка французских, польских и румынских штабов к нападению на Советскую страну.

Теперь обратимся к самому обвинительному заключению по делу контр-революционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии).

Всякий более или менее уже знакомый с вредительскими методами и действиями контр-революционных сил, действовавших, как внутри Советского Союза, так и вне его, знает, что вся преступная работа контр-революционеров строилась по системе восходящей кривой. Постепенно захватывая одну отрасль за другой, постепенно насаждая свои ячейки и организации то в одной, то в другой области народного хозяйства, руководящие центры этих организаций стремились постепенно охватить почти все народное хозяйство Советской республики. Так, по крайней мере, говорит опыт первого ознакомления с многочисленными материалами, имеющимися в этой области.

Последняя вредительская организация, недавно раскрытая ОГПУ, результатом которой явился расстрел 48-ми наиболее активных вредителей, в максимальной степени утверждает в правильности этого вывода. Однако, мы были бы глубоко неправы, если бы утверждали, что методы и система вредительских действий целиком и полностью исчерпаны в вышеуказанном деле 48-ми. Оказывается, что едва ли можно себе представить те рамки и те размеры, которые обнаглевшая контрреволюция всех видов и мастей практиковала в работе по Советскому Союзу. Чрезвычайно важным, с этой точки зрения, является, добытый ОГПУ, новый, исключительный по своей ценности, по своему мировому политическому значению, материал, по делу о контр-революционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии). Как уже известно нашим читателям из газет, главными героями этой организации — инженерного центра, а также совета об'единенных инженерных организаций являются: Рамзин, Калашников,

Ларичев, Чарновский, Федотов, Куприянов, Очкин, которым предстоит в ближайшем будущем дать ответ за все свои преступные действия перед специальным присутствием Верховного Суда по п.п.: 3, 4, 6 статьи 58-ой Уголовного кодекса РСФСР.

Что характерно в этом деле?

В нем особенно выявились наиболее типичные, характерные черты, свойственные вредительским организациям, — это прежде всего длительный период их существования, многочисленность, внутренняя организационная спайка, а главное, постоянно устанавливаемая следствием связь, контакт вредительских организаций с иностранными организациями и скрывающимися за рубежом бывш. собственниками национализированных предприятий. Типичным также является и связь с международным капиталом, теснейшая связь с шпионской работой военных штабов иностранных государств. Естественно, что все это вместе взятое не может не привести к выводу, что вредители должны рассматриваться не как случайные контр-революционные группировки. Мы сталкиваемся с определенным методом классовой борьбы со стороны буржуазии, как класса в целом, организованно действовавшего во всех областях нашего хозяйственного строительства. Все это вместе взятое также не может не привести к непоколебимому выводу относительно того, что искать руководящий центр и рычаги всей вредительской работы следует не только в среде тех или иных организаций международного капитала, но и непосредственно в правящих сферах крупных буржуазных государств Европы, фактически руководивших действиями вредительских организаций и определенно использовавших их, как свою военную и политическую агентуру. В деле промышленной организации добытые ОГПУ материалы целиком все вышеуказанные выводы подтвердили. Материалы эти также совершенно точно установили, что Промышленная партия об'единила в единую организацию все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указанию международной организации бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямому указанию правящих сфер генерального штаба Франции, по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти.

Возникновение «Инженерного центра», как это показал один из главнейших обвиняемых по делу Промышленной партии, Рамзин, относится к 1926 г. Инициатором, вдохновителем и основным организатором при создании «Инженерного центра» является П. А. Пальчинский, причем наиболее активным сотрудником его явился Л. Г. Рабинович и И. И. Федорович. Напомню нашим читалям, Пальчинский расстрелян по приговору Колегии ОГПУ в связи с делом о вредительстве в золото-

платиновой промышленности, Федорович осужден по делу угольной промышленности и Рабинович — по шахтинскому делу на 6 лет и дополнительно по делу о золото-платиновой промышленности — на 10 лет. Основные предпосылки для возникновения Инженерного центра в его первоначальном виде Рамзин рисует следующим образом:

а) Одной из исходных причин создания контр-революционной организации является прежде всего политическое настроение в рядах старого инженерства, колебавшегося, обычно, от кадетских до крайних правых монархистских убеждений.

б) Указанное политическое настроение подкреплялось разницей в деловом и бытовом положении инженеров до и после Октябрьской революции.

в) Влияние прежних владельцев предприятий на старых инженеров, сумевших закрепить связь с прежним хозяином, также было постоянным стимулом для борьбы с советским строем. Отсюда — задача возвращения прежним владельцам их предприятий или компенсация их.

г) Наметившийся переход от нэпа к социалистическому наступлению также был одной из причин, побудивших к активным действием против Советской власти, ибо надежда на постепенное перерождение последней и дальнейшее углубление нэпа постепенно рушилась.

д) Разгоревшаяся борьба внутри ВКП(б) возбуждала надежды на более успешные результаты контр-революционных выступлений в расчете на ослабление Компартии внутренней борьбой.

е) Враждебность и ненависть к Советской власти со стороны капиталистических стран создавали реальную базу для активной помощи извне вплоть до военной интервенции и, таким образом, позволяло надеяться на полную осуществимость контр-революционного переворота в недалеком будущем. Намечавшееся уже в 1927 г. ухудшение бытового положения и недовольствие в крестьянских массах, определявшееся признаками кризиса, экономическими затруднениями с перспективами агрессивности, создавало внутри страны благоприятную почву для контр-революционного переворота.

Центральную вредительскую организацию Рамзин определяет из следующих лиц: И. А. Пальчинский — основной руководитель всего «центра», в ведении которого, кроме общего руководства работой всей организации, были вопросы военно-финансовые, вопросы заграничной связи и т. д.,

Л. Г. Рабинович — угольная промышленность, мелкие отрасли промышленности и общие сводные промышленные районы

инженер Хренников — металлург, металлообрабатывающая промышленность,

инженер Федотов — текстильная промышленность,

инженер Куприянов — текстильная промышленность,

инженер Ларичев — нефтяная промышленность, топливоснабжение,

профессор Рамзин — топливоснабжение, энергетика.

Руководящая группа фактически играла роль центрального комитета, в состав которого входили Хренников, Калинников, Ларичев, Рамзин и Федотов. Организационная структура центра всей вредительской организации была следующая: в целях максимальной конспирации вся организация была построена по принципу обособленной цепочной связи, а именно по отдельным отраслям промышленности существовали отдельные группы, игравшие роль соответствующих отраслевых центров, которые устанавливали связь с низовыми периферийными ячейками. Благодаря такой организации члены различных цепочек не знали друг друга, и даже находящиеся в одной цепочке также не находились в непосредственном контакте. Такая система цепочной организации обеспечивала минимальный разрыв организации в случае провала отдельных ее членов. Общий об'ем московской организации, непосредственно связанной с центром, по впечатлению самого Рамзина составлял около 40—50 человек, а суммарное количество членов организации, тяготеющей непосредственно к центру, — цифрой порядка 400—500 ч. Общее количество участников организации, включая низовых работников доходило до 2-х тыс. человек. По отдельным отраслям промышленности во главе указанной выше цепочке стояли, помимо указанных уже лиц, следующие:

Угольная промышленность — И. Й. Федорович, инженер Скорутто, Назимов и Волкович, А. Д.

Нефть — профессор И. И. Стрижев, инженер Покровский (Госплан СССР), П. И. Смирнов (ВСНХ СССР).

Металл — Гржимайло, Белоножкин, Юлманов, Кауфман, Неймайер, инженер Кутский, Липгардт, Лист, Гартван, Подьяконов.

Текстильная — Куприянов, Лаптев, Лопатин и Нольде.

Химическо-угольная — Кравец, В. П. (ВСНХ СССР), инженер В. И. Камзолкин, профессор Шведов, профессор Шпитальский, Булгаков, Лотавский и Лебедкин.

Торф — В. Н. Вальяжников, Кирпичев.

Лесная — Майер, Квятковский.

Цементная — М. Н. Поросов. А. И. Ставровский.

Электротехническая — В. И. Угримов.

Экономическая группа — Гуревич, Белоцерковский, Соколовский (ВСНХ СССР).

Топливоснабжение — Прошвич, Покровский (ВСНХ СССР), Цванцигер, Украинцев-Целибель, С. М.

Общая увязка промышленного плана в целом и по мелким отраслями промышленности — профессор Калинников, энергети-

ке — М. А. Каменецкий. И. Пашков, профессор А. Горев, инженер Куколь-Краевский. Осадчий, И. И., Сушкин.

Ленинградская группа — профессор М. В. Кирпичев, А. А. Фомин, Шрегель.

Могэс — Кирпичников, Яновицкий, Крылов, Савельев, Рамзин.

Энерго-военная промышленная — инженер Ф. В. Евреинов, инженер В. В. Домонтович (Теплотехнический институт).

Энерго-транспорт — Беседовский, Лавров.

НКПС — Мекк, Борисов, И. Н., Красовский, П. А., Янушевский, П. С., Правосудович, М. Е., Величко, Шухов.

Союз инженерно- технических работников — С. Д. Шеин.

ВАИ и Политехническое общество — И. И. Львов, Шадрин, А. А.

Таким образом, за исключением сельского хозяйства, почти все секции Госплана СССР и директорат ВСНХ СССР был охвачен «центром». Впрочем, сельское хозяйство, в свою очередь было охвачено контр-революционной группой Кондратьева. Общая картина сказанного выше в достаточной степени рисует силу вредительской организации, какую она приобрела, приблизительно к 1928 г. — к началу шахтинского дела, когда впервые ей был нанесен удар провалом Шахтинского филиала, вредительства в угольной промышленности.

Какова была экономическая и политическая программа вредителей в этот момент? По словам Рамзина, «форма правления намечалась в виде буржуазно-демократической республики. Законодательные организации намечены были в виде парламента, избранного путем всеобщего избирательного права, но при помощи соответствующей сложной системы выборов, которые обеспечили бы желательный состав парламента. Оба эти положения мыслились, однако, лишь, после окончательного укрепления нового строя. На первое время после контр-революционного переворота считалось необходимым установить военную диктатуру. В области промышленной основные принципы, как уже об этом читатель догадывается сам, сводились к возврату предприятий их прежним владельцам. При этом учитывалось, что при реализации этих принципов могли встретиться огромные затруднения, ибо большинство прежних предприятий, коренным образом, изменилось, часть ликвидировалась или находится в стадии переоборудования, другая часть прежних предприятий настолько подверглась коренной реконструкции, что их ценность увеличилась в несколько раз и т. д. После согласования с промышленными кругами было намечено перейти на путь акционирования новых систематически реконструируемых предприятий.

В области сельского хозяйства основные установки делались на крепкое индивидуальное хозяйство и частичный выкуп земли у прежних владельцев. Таким образом, возврат преж-

ним владельцам отвергался, земля закреплялась за крестьянством в виде отрубных хозяйств при условии компенсации прежним владельцам их собственности.

Управление, как я уже говорил, намечалось вначале по принципу военной диктатуры с назначением начальников уездов в административном порядке. В области налогового обложения намечалась система комбинированных прямых и косвенных налогов. В области внешней торговли — отмена монополии и система покровительственных пошлин. Из всего сказанного читателю ясно, что вышеизложенная программа защищает интересы промышленной буржуазии и крепкого единоличного крестьянского хозяйства. Для осуществления этой программы основная политическая задача сводилась прежде всего к свержению Советской власти путем контр-революционных переворотов со ставкой на интервенцию извне».

Почему именно теперь контр-революционные организации считали необходимым прибегнуть к помощи внешнего вооруженного вмешательства и почему не нашли необходимым параллельно с этим согласовать свою деятельность, — сами вредители излагали достаточно откровенно. Так, профессор Рамзин в своих показаниях говорит: «в начальное время существования инженерного центра, совпадающего с концом восстановительного периода в народном хозяйстве, установка центра сводились к охране предприятий промышленников, связи с центром» и далее: «начавшийся после восстановительного периода успешный ход реконструкци страны, быстро растущее экономическое укрепление Советского Союза делало совершенно безнадежным контр-революционный переворот внутри путем крестьянского или военного восстания и вместе с тем сильно уменьшало шансы на благоприятные результаты интервенции, ибо параллельно с ростом экономической мощи Союза росла и его военная мощь, а следовательно — и сопротивление интервенции.

Поэтому центр изменил свою тактику и пришел к необходимости контр-революционного переворота путем искусственного ухудшения жизни Советского Союза, т.-е. стал на путь вредительства. Характер этого последнего менялся в связи с общей ситуацией». О том, насколько методы эти были реальны, как они менялись в зависимости от различных условий, читатель уже достаточно хорошо знает из предыдущего изложения.

В другом месте своих показаний Рамзин говорит еще более четко: «Основной целью деятельности Промышленной партии, выросшей из об'единения инженеров — во вредительскую организацию, являлось свержение Советской власти при помощи контр-революционного переворота. С самого начала деятельности Промпартии (одно из названий организации, которое и в дальнейшем изложении будет применено — ред.) ее основная

установка была ставка на интервенцию Советского Союза, ибо лишь интервенция признавалась правильным и быстрым способом совершения контр-революционного переворота».

Тут необходимо отметить, что рост успехов хозяйственного строительства Союза, несмотря на весь размах вредительской работы, заставил Промпартию не только выдвигать на первый план, но и поставить более остро, чем ставил прежний инженерный центр, вопрос о вооруженном вмешательстве — интервенции и подчинить ему всю работу во вредительстве.

Рамзин по этому поводу показывает: «интересна ставка на интервенцию, которая ожидалась, примерно, в 1930 г. Она приурочивалась к общему кризису в политической и хозяйственной жизни страны, что значительное облегчило бы самый ход интервенции и дало бы возможность провести ее с минимальными усилиями». Другой обвиняемый по делу этой организации — Ларичев в своих показаниях говорит, что Промышленная партия, об'единившая все вредительские и контр-революционные организации инженерно-технического центра с самого начала советской деятельности, видела в интервенции главную реальную силу, могущую привести к свержению Советской власти. Это положение полностью разделялось идейным руководителем и вдохновителем Промышленной партии — торговым комитетом в Париже, так называемым Торгпром, об'единяющим бывш. собственников царской России. Об этом говорит в своих показаниях и обвиняемый Калинников. С оформлением политической концепции в рядах контр-революционных вредительских организаций, об'единенных в инженерный центр, с превращением их в Промышленную партию с центральным комитетом, идея иностранной интервенции начинает все больше и больше занимать ЦК Промышленной партии.

Само собой разумеется, что в подготовке этой интервенции методы вредительства играют колоссальную роль.

В связи с этим, примерно, с 1928 г. стал применяться и другой способ вредительства, заключавшийся в том, что при помощи длительного умерщвления капиталов, вкладываемых в строительство, т.-е. вкладыванием народных средств в сооружения с длительным строительным периодом или в предприятия, которые при наличии других необходимых факторов можно использовать в более делеком будущем, изымались в значительной мере народные средства. Такой метод умерщвления капиталов, использования их с низкой эффективностью, отрывал капитальные средства, сокращал масштабы эффективного строительства и темпы экономического развития страны. Все это делалось за счет сокращения удовлетворения текущих потребностей, благодаря отрыву средств и малой эффективности в данный момент строительства, и должно было увеличивать недовольство широких масс населения. Так мыслил себе Рамзин пользу от применения подобного метода.

Постепенный рост охвата организацией отдельных отраслей промышленности и одновременное увеличение количества членов заставляло поднять в инженерном центре вопрос относительно партийного оформления всей организации. Этот вопрос по показаниям Рамзина возник в конце 1926 года и был поднят Пальчинским, Рабиновичем и другими. Толчком к этому послужило свещание с професоором Чаяновым, ознакомившим центр с программной установкой своей организации. Поскольку инженерно-технический центр вел определенную борьбу за свержение Советской власти, естественно в случае контр-революционного переворота, инженерные круги, представляющие в данное время интерес для промышленного капитала, должны были выступить, как единая политическая сила и занять определенную руководящую роль в оформлении будущего правительства. Так мыслили себе инженеры свое положение в будущем правительстве по показаниям обвиняемого Ларичева.

На чем конкретно договорились вредители по вопросу о составе будущего правительства?

Наиболее четко показывает по этому поводу Рамзин. Оказывается, что вопрос о составе будущего правительства обсуждался на разных совещаниях в период 1927/28 г. Окончательный состав правительства выработан не был.

В отдельных совещаниях назывались следующие кандидатуры, например, премьер-министр — Пальчинский, военный министр—Пальчинский, Лукомский, промышленности и торговли—Рябушинский и Рабинович, инженер Хренников, профессор Калинников, внутренних дел — Рябушинский, профессор Вормс, Чарновский, финансов — Вышнеградский, профессор Озеров, Давидов, Рабинович, путей сообщения — И. Н. Бирсов, П. И. Красовский, Мекк, земледелия—кандидатура (по предложению ТКП) А. В. Чаянова, Климовича, иностранных дел — академик Тарле. На период военной диктатуры в качестве диктатора намечался П. А. Пальчинский.

Состав этого правительства, как и вся программа промышленной, вредительской партии, чрезвычайно характерна.

Имена Рябушинского, царского генерала Лукомского и, наконец, Пальчинского, бывшего диктатора буржуазии перед Октябрьской революцией в Ленинграде, говорят сами за себя. Для восстановления власти капитала был подобран наиболее яркий его представитель, с одной стороны, и наиболее махровый царский генерал, руководитель гражданской войны — с другой.

Второй список проектируемого правительства датирован началом 1929 г. Он не менее характерен, он показывает; во-первых, что надежды на скорое свержение Советской власти у вредителей за этот период не поблекли, он показывает, что классовые вожделения их за это время лишь усилились. В новом списке по показаниям Рамзина намечались уже сле-

дующие кандидатуры: премьер-министр — Осадчий, Милюков, Рамзин; военный — Лукомский или Деникин; торговли и промышленности — Калинников, Хренников, Ларичев, Коновалов, Денисов, Третьяков; финансов — Озеров, Боголепов или Рябинович; путей сообщения — Красовский, Бронштейн; иностранных дел — Тарле, Милюков; земледелия — Чаянов.

С образованием Промышленной партии вопрос об иностранной военной интервенции начинает приобретать все большее и большое заострение. Вышвырнутые за рубеж Октябрьской революцией ненавистники рабочего класса, бывшие промышленники, не потеряли надежды на восстановление своей прежней власти.

Как уже известно нашим читателям они образовали Торгпром (Торгово-промышленный комитет) — заграничное об'единение крупных дореволюционных промышленников, поставивших своей задачей политическую работу по борьбе с Советской властью за возвращение своих предприятий. С ними и завязали сношения вредительские организации в СССР.

Из показаний Рамзина следует, что Промышленная партия была тесно связана в своей деятельности с Торгпромом в Париже, в состав какового входили: Денисов, Нобель, Гукасов, Манташев, Рябушинский, Мещерский, Каштанов, Третьяков, Старинкевич и др. Связь с Торгпромом осуществлялась через посредство различных лиц из бывшей русской промышленности. Так, по металлической промышленности связь эта была с Мещерским (бывшим владельцем сормовского предприятия) через Пальчинского и Чарновского, с Демидовым — через Чарновского и Хренникова.

По текстильной промышленности — с Н. П. Рябушинским через Пальчинского и Федотова.

С Коноваловым и Морозовым — через Федотова.

По нефтяной промышленности — с Нобелем, Манташевым, Гукасовым через П. И. Стрижева.

По угольной промышленности — с Дворжанчиком через Л. Г. Рабиновича.

Кроме того, на одном из совещаний центра, Пальчинский называл фамилию Крестовникова — жировая промышленность, однако, была ли развита эта связь, Рамзин в своих показаниях не указывает, говоря, что для него это «неизвестно». Обвиняемый Калинников в своих показаниях говорит: «поскольку мне известно, Пальчинский находился в связи с французским и английским капиталом». Рабинович через Дворжанчика поддерживал связь с Польшей, Федорович — с Уркввартом. В связи с общей установкой вредительских организаций на интервенцию получилось уже законченное выражение своеобразного разделения труда по подготовке интервенции между Промышленной партией и Торгпромом. И Торгпром, и вредители теперь начали видеть в интервенции единственное средство свержения Совет-

ской власти, единственный способ осуществления плана восстановления капитализма в СССР. Подробно говорит об этом в своих показаниях Рамзин. Выясняется, что будучи тесно связан в своей деятельности с об'единением бывших промышленников в лице Русского торгово-промышленного комитета, также стремившегося к осуществлению интервенции против СССР, Промышленная партия в общем по договоренности с Торгпромом разделила работу по подготовке интервенции между Торгпромом и собой следующим образом: Торгпром вел всю внешнюю подготовку интервенции и все переговоры с иностранными правительствами, главным образом, Францией и Англией, затем внутреннюю заграничную пропаганду интервенции. Финансирование, военную подготовку при помощи иностранных держав. Что касается Промпартии, то она проводила внутреннюю подготовку интервенции в СССР путем искусственного создания углубленного экономического кризиса и всевозможной помощи интервенции изнутри. С этой целью по указанию Торгпрома и по собственной инициативе ЦК Промпартии вступил в связь с иностранными генштабами. Характерно, что новая установка резко оформилась уже к концу 1927 г. А через год, к концу 1927 г. она стала не только преобладающей, но и подчинила себе все остальные, превратив всю деятельность вредителей в подсобную, подчиненную работу по подготовке интервенции. Об этом говорит другой обвиняемый Ларичев, из показаний которого выясняется, между прочим, что разрыв дипломатических сношений с Англией рассматривался Торгпромом, как определенный шаг к подготовке антисоветского блока и последующей интервенции. Антисоветский блок должен прежде всего об'единять и координировать действия Польши, Румынии, прибалтийских держав. Они должны являться той реальной силой, которая осуществит интервенцию при участии экспедиционного корпуса эмигрантских сил, организуемого и поддерживаемого Францией.

Еще конкретнее показывает по этому поводу обвиняемый Федотов. По его словам он имел в Лондоне свидание с Крестовниковым, по поручению Коновалова, у них был подробный разговор об интервенции. Крестовников тогда сообщил ему, в Париже, в Торгпроме по этому поводу ведется усиленная работа, как по подготовке общественного мнения, так и по связи с общественными, правительственными кругами Франции. Здесь по плану ведется травля Советского Союза, используются всякие слухи, при чем все это проводится не только через эмигрантскую печать, но и через французскую и стоит больших денег. Он также сообщил, что Торгпром дает субсидии газете «Последние новости». Что касается отношений Торгпрома с кругами Англии, то Крестовников сообщил, что поддерживается связь с Комитетом русских кредиторов в Лондоне, во главе которого стоит Уркварт, а также и с Детердин-

гом. Через посредство последних поддерживается также связь и с консервативной партией Англии. Далее Крестовников сообщил, что есть основания ожидать и со стороны Англии если не активного участия в интервенции, то во всяком случае финансовой и дипломатической поддержки. Однако, для обеспечения возможности интервенции Крестовников указал на необходимость подготовки почвы для нее всякими мерами, которые могут вызывать недовольство рабочих масс и крестьянства, как например, расстройство промышленности, расстройство снабжения товарами населения и т. д.

Беседовавший в конце 1928 г. с инженером Федотовым инженер Хренников указал, что работа по подготовке идет недостаточно быстро, что нет тех проявлений недовольства, которые ожидались в этом направлении и что Торгпром просит работу усилить с тем, чтобы сделать интервенцию готовой к 1932 г. Поручение Торгпрома было передано Рамзиным, который только что вернулся из-за границы. В октябре 1928 г. два члена с П. П. Рябушинским и устроили совещание с руководящим центром Торгпрома. Совещание происходило в Париже, на нем участвовали: Денисов, Рябушинский, Нобель, Гукасов, Старинкевич, Мещерский, Ларичев и Рамзин. На этом совещании члены Торгпрома сообщили, что им удалось уже добиться значительных успехов перед французским и английским правительством, что общее руководство интервенцией возьмет, вероятно, Франция, а выполнение военных операций — Польша, Румыния с привлечением лимитрофов, что надо ориентировать на интервенцию в 1930 г., в крайнем случае 1931 г. Были уточнены и вопросы финансирования, были намечены ежегодные суммы — около 1 млн. в год с доставкой Ларичеву на квартиру, а в его отсутствие — Рамзину через специальное лицо. Надо ли говорить о том, что финансирование вредителей Торгпромом проводилось систематически. Так, по словам Рамзина приблизительное распределение денег за период конец 1928 г. до весны 1930 г. таково:

Нефтяная промышленность через Ларичева — около 100 тыс. рублей.

Угольная промышленность через Ларичева — около 150 тыс. рублей.

Торфяная промышленность через Ларичева — около 50 тыс. рублей.

Лесная промышленность через Ларичева — около 50 тыс. рублей.

Металлическая промышленность через Гартмана и Чарновского — около 300 тыс. рублей.

Текстильная промышленность через Федотова и Куприянова — около 200 тыс. рублей.

Разные отрасли промышленности через Калинникова — около 300 тыс. рублей.

НКПС через Ларичева — около 300 тыс. руб. и т. д.

Экономическая группа через Ларичева и Калинникова — около 50 тыс. руб. Всего 1 млн. 600 тыс. руб.

Насколько подробно и широко разработан план военной интервенции, можно доказать и на других фактах. При встрече Рамзина и Ларичева в одном из парижских ресторанов, в котором был Денисов, Нобель, Гукасов, Мещерский, Третьяков, Каштанов, Денисов заявили, что у них имеется полная уверенность в успехе в интервенции. Именно на этот раз интервенция будет поставлена солидно как с военной стороны, так и со стороны снабжения и прежние ошибки теперь не повторятся. При этом Третьяков (по словам Рамзина — «кажется» Третьяков) заявил, что при использовании войск Польши, Румынии, прибалтийских стран и врангельской армии около 100 тыс. человек, интервенция будет снабжена прекрасным оборудованием и, что по мнению бывш. промышленников, при морской поддержке с севера и юга можно рассчитывать на успех при небольшой армии в 600 тыс. человек. Здесь считался наиболее успешным комбинированный удар на Москву и Ленинград. На вопрос Рамзина о финансировании интервенции, Денисов не дал четкого ответа, сказал, что этот вопрос пока не вполне ясен. Характерно, однако, что из слов Денисова и Нобеля, Рамзин понял, что средства для интервенции даются нефтяными промышленными кругами — Детердингом и правительствами Франции и Англии, отчасти бывшими русскими промышленниками. Во время других встреч с вредителями, вопрос об интервенции снова был поставлен во главу угля, при чем Денисов снова особенно подчеркнул, что Торгпром имеет определенную твердую поддержку со стороны французских и английских правительств и что вопрос об интервенции хотя и отложен с 1928 г., в силу ряда соображений, на 1930 г., но ни в коем случае не снимается, а наоборот, к интервенции идет деятельная подготовка за-границей при помощи печати, а внутри Союза для этого используется Промпартия. В конце 1927 г. во время пребывания в Париже Рамзина, им были получены более определенные указания от Торгпрома и французского военного штаба о необходимости форсированных мероприятий, проводимых вредительской организацией по подготовке к интервенции. Для выработки общей схемы проведения интервенции и возможных сроков ее осуществления была установлена соответствующая связь в Москве для ведения переговоров и сношений с заграничными кругами. К этому времени следует отнести свидание Рамзина и Ларичева в Лондоне, на квартире инженера А. А. Симон — директора фирмы Виккерс и с ним некиим сэром Филипп — руководителем фирмы Виккерс. Затем состоялось свидание Рамзина с английским полковником сэром Лоуренсом. На этом совещании инженер Симон и сэр Филипп сообщили, что деятельная подготовка

начата французским правительством, заодно с последним действуют Польша, Румыния и лимитрофы, что Англия также принимает участие в этой подготовке, помогает деньгами и пр. Кроме того Англия предполагает помочь воздушным флотом. что лицом заинтересованным в этой работе является лорд Черчилль, что Англия особенно заинтересована в русских нефтяных делах и выступит со своим флотом на Черном море и т. д. и т. п. Таким образом, как видит читатель, не подлежит никакому сомнению, что цели захвата тех или иных областей СССР руководили действиями иностранных интервентов. Навстречу этим целям шли Торгпром и вредительские организации в СССР. Для достижения этих целей делалось все. Желая как можно больше обеспечить военную интервенцию, руководители Торгпрома поставили себе задачей добиться получения личной аудиенции у главы французского правительства — Пуанкаре, а также и у Бриана, бывшего в то время руководителем министерства иностранных дел. В беседе с представителями Торгпрома (Рябушинский, Третьяков, Яновский) Пуанкаре выразил готовность затронуть и расмотреть этот вопрос и передал его на изучение генеральному штабу, с которым Торгпром имеет непосредственную связь через военные эмигрантские круги. При этом была выражена мысль, что нет сомнения, что генштаб даст Пуанкаре благоприятный для интервенции ответ. Практически интервенция предполагалась. главным образом, силами Польши, Румынии, Эстонии, Латвии с большим участием французского флота, под руководством французского штаба и офицеров. Но, наряду с подготовкой интервенции за границей, Пуанкаре указал на необходимость разработать этот вопрос и в России, стараясь возбудить недовольство населения недостатком промтоваров, недостатком продовольствия и т. д. Недовольство населения не проявляется в должной мере, поэтому вредительскую работу нужно всемерно усилить. В связи с этим Торгпром специально обратился с просьбой усилить разрушительную плановую работу и особенно обратить внимание на пятилетку индустриализации. Вредители при этом исходили из того, что разрушение пятилетки должно дискредитировать Советскую власть, что особенно важно для успеха интервенции.

Обвиняемый по делу Промышленной партии Ситнин в одном из своих показаний заявил прямо, что Пуанкаре обещал полную поддержку интервенции, считая, что к 1930/31 г. можно надеяться на полный ее успех. Тот же Ситнин подтверждает слова Карпова, который сказал, что членами Торгпрома было указано, что практическая работа по подготовке интервенции поручена генштабу. Это сообщение Ситнина и Федотова о визите к Пуанкаре подтверждают и другие вредители, узнавшие о свидании в Москве после возвращения Федотова. Пуанкаре обещал начать активную политику по подготовке интервенции

и требовал деятельной и активной работы вредителей по расшатыванию наладившегося экономического положения СССР для того, чтобы вызвать внутри страны недовольствие масс.

Не будем говорить уже о том, что при французском генеральном штабе была организована специальная комиссия для подготовки интервенции против СССР, при чем во главе этой комиссии был поставлен генерал Жанен. Одним из наиболее активных деятельных участников по подготовке интервенции был назначен полковник Жуанвиль, который должен был наладить связь с военными руководителями интервенции — генералом Лукомским. Интересно, однако, отметить, что по показаниям обвиняемого Калинникова при французском штабе была создана международная комиссия под председательством генерала Жанена и под председательством Франции, Англии и Польши по поводу распределения ролей по проведению русской интервенции. Этой комиссией было принято, что руководство по проведению интервенцией берет на себя Франция. Она берет на себя поставку и заготовку боевых сооружений и вооружение интервентской армии. Роль застрельщика берет на себя Польша. Само собой разумеется также и то, что с этого момента совместная работа Торгпрома и вредителей с французским генштабом приобретает систематический характер. Происходит ряд совещаний, на которых присутствует Денисов, белогвардейский генерал Лукомский, представитель французского штаба Жуанвиль, полковник французского штаба Ришар и др. На этих совещаниях разрабатываются определенные сроки интервенции и методы подготовки к ней, а также сообщение об оформлении экспедиционного корпуса во главе с генегалом Лукомским. Надо ли говорить о том, что полковник Жуанвиль больше всего напирал на получение сведений о Красной армии и о возможной помощи внутри СССР путем диверсий и т. п. Генерал Лукомский заранее, видимо, уже опьянен был военной славой и на вопрос о предполагаемых своих планах будущей интервенции отвечал, что рано еще считать свои силы и составлять планы, но что при хорошем снабжении и вооружении армии, никакого сомнения в успехе быть не может, особенно при активной помощи со стороны военных организаций, которым будет дан конкретный план действий. К этому времени относится ведение особых переговоров по организации интервенции, не только во Франции с Брианом, но и в Англии с Черчиллем. Характерно и то, что переговоры эти, по словам некоторых из обвиняемых, были затруднены аппетитом участников. Так например, Польша претендовала на правобережную Украину. Чрезвычайно важно отметить также и то, что к этому времени относится мысль о создании военной комиссии Промпартии в СССР для подготовки изменнического акта со стороны отдельных частей Красной армии и, что для этого было установлено укрепление

соответствующей связи с французским генеральным штабом. Предполагалось организовать ряд вредительских ячеек в армии. Целью этих ячеек было прежде всего информационное дело и выявление настроения во флоте, разработка мероприятий по понижению боеспособности Красной армии, разработка мер по расстройству сообщения, разработка выведения из строя наиболее важных заводов, электростанций, заводов и т. д., захват планов мобилизации, отдела снабжения, расстройство этого снабжения, а также целого ряда промышленности.

Так говорит о цели военных ячеек один из обвиняемых, виднейших деятелей Промпартии—Федотов. Так конкретно ставили вопрос о своей работе по подготовке интервенции вредители. Так от «мирной» вредительской работы первое время вредители перешли к прямым активным действиям.

На фоне активной роли правящих кругов Франции, роль Англии представляется несколько в ином свете. Поскольку правящие круги Франции, имея под рукой Торгпром и центр. захватили в свои руки интервенцию против СССР, роль Англии была естественно отодвинута на второй план.

Параллельно с разработкой методов и форм интервенции вредителями увеличивалась и работа по определению сроков интервенции, а также точного плана ее развертывания. Мы уже говорили, что основной руководительницей интервенции должна была явиться Франция. Но непосредственное осуществление последней намечалось при помощи военных сил Польши, Румынии с привлечением прибалтийских государств. Конкретный план интервенции был разработан следующий. Она должна была начаться с выступления Румынии под предлогом придирки к какому-нибудь пограничному инциденту с последующим вступлением Польши и лимитрофов.

В интервенции должны были принять участие врангельские войска, проходящие через Румынию. Англия должна была поддержать интервенцию своим флотом: а) на Черном море, имея в виду кавказские нефтяные месторождения; б) в Финском заливе, имея в виду операции против Ленинграда.

Предполагалось вызвать восстание на Украине, что дало бы возможность прервать сообщение между Донбассом и Москвой.

Общий план сводился к комбинированному двойному удару, главный — на Москву и вспомогательный — на Ленинград.

Изнутри интервенцию должно было поддержать массовое восстание и затем кризис на военных заводах и электростанциях. Так представлен план интервенции по показаниям Рамзина.

Подготавливалась интервенция к 1930 г., как к году наибольшего кризиса, благодаря диспропорции в развитии отдельных отраслей. Такая директива подготовки интервенции к 1930 г. была дана, и она составляла главный момент политической борьбы при составлении пятилетки. Но на 1930 г. на

дежды не сбылись и в результате была дана новая отсрочк . На этот раз она была отсрочена на 1931 г. Основной причиной этого переноса интервенции явился рост активности пролетарских масс. Препятствием также явилось и сложное в.:сnное положение Франции в виду обостренных отношений с Италией и в частности нежелание Польши пропустить через себя войска Германии. Невыясненностью отношений между основными участниками интервенции об'яснял Рамзин отсрочку интервенции. В новом плане была значительно усилена роль северного кулака, долженствующего ударить на Ленинград за счет участия Финляндии, при чем в этой операции должны были принять участие сухопутные и морские военные силы; южная группа—из польских, румынских и врангелевских войск, сконцентрированная на правобережной Украине, должна была двигаться к Москве по возможно кратчайшей линии. Особенно яркие показания дают по этому поводу другие обвиняемые Калинников и Ларичев. Однако, к имеющейся картине в этом смысле они почти ничего не добавляют.

Таким образом, деятельность вредителей протекала согласно указаний, получаемых из-за границы от Торгпрома. До реорганизации центра в Промышленную партию состоялись следующие заседания: в начале 1927 г. состоялось ее заседание в помещении Госплана, в кабинете Ларичева, на котором помимо информации о существовании центра ставился вопрос о необходимости заблаговременной подготовки аппарата к управлению народным хозяйством.

Весной того же года в помещении Госплана, на совещаний в том же составе, указывалось на полную реальность интервенции. В том же году весной состоялось заседание центра в составе: Пальчинского, Рабиновича, Хренникова, Ларичева, Чарновского и Федотова, на котором слушался доклад Пальчинского о директивах из эмигрантских кругов о работе по линии задержки темпов развития промышленности и создания кризиса путем диспропорции между отдельными частями хозяйства. На этом заседании дебатировался вопрос о целесообразности прямого вредительства. На заседании в помещении ВАИ обсуждался вопрос о блоке с контр-революционной группой Кондратьева и Чаянова. Заседание в помещении ВСНХ, на котором между прочим присутствовал Ларичев, Рамзин и Стрижев, было посвящено обсуждению конкретной линии в области топливоснабжения, металлопромышленности. Была намечена минимальная программа пятилетки, план задержки развития торфа, Подмосковного угольного бассейна, Кузбасса, ухудшение топлива и т. д. По металлической промышленности приняли установку задержки выплавки чугуна и проката,—не больше 6 тыс. тонн к концу пятилетки: затем был взят курс на создание диспропорции между производством и потребностью, была задержана постройка новых металло-

заводов и новых цехов. Затем обсуждались вопросы об уплате царских долгов, в первую очередь, Франции.

Затем следует совещание в помещении Госплана, на котором обсуждался вопрос об интервенции. В этом совещании принимали участие Рабинович, Ларичев, Хренников, Чаянов, Рамзин и др. Было решено определенно ориентироваться только на интервенцию.

Весной в помещении ВСНХ состоялось заседание центра, на котором обсуждался вопрос о работе по текстилю.

Заседание центра в помещении Госплана было посвящено обсуждению доклада Рабиновича о методах вредительства в угольной промышленности.

Таким образом, весь 1927 г. до окончательного оформления Промпартии вредителями посвящен был вопросам вредительской работы, занимавшей основное место в работе центра, при чем наметка была, главным образом, по линии задержки строительства. Интервенция рассматривалась без соответствующей конкретизации и выработки плана.

В связи с изменением политической обстановки, меняется и положение в 1928 г. В первой половине этого года вредительская работа центра еще носит прежний характер, но на последующих заседаниях положение резко изменяется: решено взять курс только на интервенцию. При этом решено ориентироваться на интервенцию через 2-3 года—к 1930 г., при условии приурочения к этому времени момента всеобщего кризиса. Сообщалось, что военным руководителем интервенции будет генерал Лукомский, обсуждались кандидатуры министров контр-революционного переворота. Вопрос интервенции в этом периоде начинает уже переплетаться с вопросом о вредительстве, подчиняя себе последнее, но преобладающего значения еще не имеет.

Резкое изменение наступает в работе центра во второй половине 1928 г. Аресты Пальчинского, Хренникова, Красовского, Стрижева в дополнение к произведенному аресту Рабиновича обезглавили работу ЦК Промпартии и создали временный прорыв.

В результате этого совещание состоялось только в конце 1928 г. в составе Ларичева, Федотова, Чарновского, Рамзина; на нем было решено продолжать работу и организовать новый ЦК Промпартии. Главной задачей в это время явилось стремление додержаться до начала интервенции.

Новый разгром ЦК последовал весной 1930 г. в связи с арестом Федотова и Ларичева, однако и он не привел к прекращению деятельности ЦК Промпартии. В течение 1929/30 г. состоялся ряд заседаний вредителей. Одно из них было посвящено заслушанию доклада Гинзбурга по «Экономике промышленности на 1930 г.» в присутствии Соколовского, Шеина и др. в НТУ ВСНХ. Второе заседание было организовано в Госплане

в кабинете Ларичева для заслушания доклада Громана «Об общей кон'юнктуре на 1930 г.».

В мае 1930 г. состоялось экстренное заседание ЦК. На предыдущих пяти заседаниях в 1929 г. была заслушена информация Рамзина о настойчивом требовании французского генштаба о создании в Красной армии военных организаций, и о создании диверсионных организаций, а также и об отсрочке интервенции на 1931 г., а на последнем заседании был заслушан доклад о новом составе правительства контр-революционного переворота. Наконец, Рамзин дает в своих последних показаниях указания на два заседания в 1930 г. Одно из них — по вопросу о новых течениях в Промпартии в пользу переворота внутренними силами, путем вооруженного восстания. Это, однако, было отклонено. Вместе с тем обсуждался вопрос о систематической организации террористических актов против деревенских коммунистов и перспективе использования настроений кулачества. Решено было вернуться к обсуждению этого вопроса совместно с группой Чаянова весной, когда выяснится общее положение. Таким образом, ставка на интервенцию, шпионскую, диверсионную, вредительскую работу под углом зрения оказания помощи иностранной и военной интервенции — такова характеристика последнего периода деятельности контр-революционной организации.

Преступная работа ЦК Промпартии по подготовке экономического кризиса в 1930 г. развернулась по линии важнейших отраслей советского народного хозяйства. Основная работа, по сообщению Рамзина, сводилась к сокращению темпа их развития. Так, например, под влиянием «центра» была составлена старая пятилетка на 7 млн. тонн чугуна, последняя же пятилетка была составлена на 18 млн. тонн чугуна, т. е. старая пятилетка была сужена в 2½ раза. По текстилю намечался медленный темп развертывания построек новых фабрик, недостаток сырья и т. д. По НКПС — передача годных паровозов на кладбище, задержка с развитием провозоспособности по более важным линиям, например, Донбасс—Москва, Кузбасс—Урал, ставящей под угрозу топливоснабжение. Затем — сильное отставание в развитии нефтефлота, являющегося узким местом в нефтеснабжении, затем — замедленный темп развития нефтеразведок путем сокращения об'ема буровых работ; отставание нефтеразведок замедляло развитие нефтедобычи и одновременно неизбежно увеличивало количество пустых скважин.

По углю значительно замедленный темп добычи во всех районах, особенно, в Подмосковном бассейне и Кузбассе. Сильное отставание разведок ограничило темп развития добычи и увеличило количество невыгодных шахт.

По энергетике вредители систематически проводили замедленный темп электрификации, создавали кризисы в электроснабжении в наиболее важных пунктах — Донбассе, Ленинграде

и Москве. Несоответствие сроков окончания отдельных частей станций и сроков поступления отдельных элементов вело к умерщвлению капиталов. Ухудшалось качество угля, кокса и качество металла. Словом, основные мероприятия в области промышленности должны были итти в сторону углубления экономических затруднений. Конечно, целью вредительства было обострить до предела экономические затруднения и, таким образом, создать благоприятную почву для интервенции.

Можно смело сказать, что нет ни одной более или менее важной отрасли промышленности, ни одной более или менее существенной области народного хозяйства, где бы вредители ни раскинули свои преступные щупальцы, где бы они активно всеми мерами ни пытались создать трудности для Советской власти.

Отдельно следует остановиться на связях ЦК Промпартии с французской агентурой в Москве. Уже в августе 1927 г. во время пребывания Рамзина в Париже, Рябушинским был указан некий К..., как лицо, через которое можно поддерживать связь с Торгпромом. Эта связь была реализована. К... француз и занимает определенное должностное место на французской службе в СССР. Другая связь шла через француза Р... и была установлена через председателя Торгпрома Денисова в октябре 1928 г. По словам Рамзина Р... также принадлежал к должностным лицам французских служащих в СССР. Эти два лица были связью между ЦК Промпартии и Торгпромом, и непосредственно — с генштабом Франции. Для установления непосредственной связи был также выдвинут и полковник французской службы Ришар, который видел Рамзина в октябре 1928 г. после утреннего свидания с полковником Жуанвиль. Встречи с К. и Р. были неоднократны. Во время этих встреч были установлены пути для осуществления письменной связи с французским генштабом через некое французское учреждение в Москве. Кроме личных встреч были установлены связи через посредство третьих лиц, в данном случае Очкина, инженера «Электроимпорт» Гордона. Характерно, что все показания обвиняемых в этой области целиком совпадают с тем, что показывает по этому поводу Рамзин. Так, например, Калинников о своих личных встречах с указанными лицами сообщает, что встреча с К. состоялась осенью 1928 г. на премьере «Наталия Тарпова» в фойэ Камерного театра. Почему он встретил К. именно в Камерном театре, он об'ясняет довольно своеобразно: «при встрече с К. Рамзин мне стал говорить, что персонал этот является посетителем всех премьер Московского Камерного театра, поэтому, отправляясь смотреть премьеру, я рассчитывал встретить К. и на самом деле в первом антракте в фойэ я встретил К., который и представил меня месье Р. В следующем антракте К. сообщил мне, что имел недавно свидание с Рамзиным, Ларичевым, в котором сделал сообщение о сроке

интервенции и планах ее проведения». Свидания происходили на квартире у Рамзина в его кабинете, а также в его служебном кабинете в Теплотехническом институте. Характерно, что свое предложение о восстановлении связи с К. Рамзин сделал в безапелляционном начальническом тоне. Так, по крайней мере, показывает один из главарей вредительского дела — Ларичев. За недостатком места мы опускаем целый ряд красочных подробностей, характеризующих технику связи ЦК Промпартии с французской агентурой в Москве (передача таинственных пакетов, поездки на машинах, интимные встречи Рамзина с Р. и т. д.).

Переходим к шпионской работе Промпартии. Дадим и здесь слово Рамзину. В своем показании от 31 октября 1930 г. он сообщает, что по заданию Торгпрома, полученному в Париже в октябре 1928 г., ЦК Промпартии представлял Торгпрому каждые три месяца квартальные экономические сводки, составлявшиеся под руководством проф. П. С. Осадчего, Ларичева и Калинникова. В сводках содержались кон'юнктурные обзоры народного хозяйства СССР с главнейшими показателями по отдельным отраслям: сводки состояли из отдельных цифровых таблиц с кратким пояснительным текстом, выводами и перспективами. Посылались также печатные издания по статистике и кон'юнктуре народного хозяйства СССР. Помимо периодических экономических сводок ЦК Промпартии по просьбе К. давал Торгпрому записки по отдельным отраслям народного хозяйства. Однако, этим дело не ограничивалось.

Рамзин показывает, что составлялась записка по просьбе А. профессором Стечкиным по техническому состоянию авиации в СССР. В середине 1928 г. К. просил Рамзина сведений о состоянии и перспективах военной промышленности в СССР. Подготовка и составление таких сведений производились под руководством Калинникова и Чарновского 3-4 раза и передавались Калинниковым К....

Давались также специальные справки об энергетическом оборудовании некоторых военных заводов.

Рамзин дальше показывает, что от французского генштаба через К... к Калинникову и Ларичеву, а через А... к Рамзину неоднократно поступали просьбы организовать получение и доставку им материалов чисто военного характера.

«С такой же просьбой», показывает Рамзин: «обращались ко мне в Париже генерал Лукомский и полковник Жуанвиль, а к Ларичеву в Лондоне от английского штаба — Патрик и полковник Лоуренс». Промпартия получала от тех же лиц указания, как надлежит построить свою организацию, для того, чтобы надлежаще обслужить интервенцию и подготовку к ней. Таким образом, Промпартия превратилась не только в типичную шпионскую, но и типичную военную агентуру правящих

кругов иностранных государств. По прямым заданиям генштаба Франции через указанных лиц Промпартия создала при себе, во-первых, военную, а во-вторых, диверсионную организацию.

Промпартия приступила к созданию диверсионной организации, охватывающей энергетическое хозяйство; создание подобной же организации в промышленности и разработка промышленных планов диверсии были поручены Калинникову и Чарновскому, а в области транспорта — Ларичеву и Коган — Бернштейну.

Третье крупное организационное задание касалось создания военной организации Промпартии.

Над этим, по показаниям Рамзина, хлопотали в конце 1928 г. генерал Лукомский в Париже, а полковник Лоуренс в Лондоне. К созданию военной организации Промпартия приступила с весны 1929 г., выделив специальную военную комиссию при ЦК Промпартии.

Эти два признания совершенно ярко устанавливают факт диверсионной работы, которая шла по военной промышленности, по электростанциям и по железным дорогам. Что касается военной промышленности, то Калинниковым и Чарновским был разработан и согласован с французским генштабом через К. список военных заводов в смысле очередности диверсионных мероприятий.

По такому же принципу прорабатывались диверсионные мероприятия на электростанциях, а в области транспорта диверсионные задачи сводились к нарушению железнодорожной связи по важнейшим направлениям, при чем намечалась диверсия в области топливоснабжения.

Не упущена была Промпартией также и изменническая работа в Красной армии.

Нам остается остановиться хотя бы в нескольких словах еще и на этой стороне деятельности ЦК Промпартии в Красной армии. Вредительская работа была поставлена широко и здесь. На основе указаний, полученных Рамзиным от Торгпрома, им был разработан план военной организации. Она должна была служить целью диверсионным действиям в момент интервенции, а также поддержкой восстанию за овладение важнейших пунктов связи, сообщений и т. д.

Ларичев в своих показаниях по этому поводу показывает, что в конце 1929 г. Рамзин сообщил на заседании ЦК Промпартии, что «наша работа по линии технической подготовки интервенции внутри страны является недостаточной и предложил ее расширить путем охвата частей Красной армии и организации военного ядра промышленной партии. Задача его должна была быть — получение и передача иностранным шта-

бам более точных сведений о состоянии различных частей Красной армии и, самое главное, вовлечение в работу по подготовке интервенции военных специалистов, которые активно противодействовали бы ведущейся технической и политической подготовку армии и содействовали бы ее разложению».

Через те же связи происходило и финансирование вредительской группы. Общий об'ем финансирования Промпартии был намечен около 1 млн. руб. в год. Деньги переводились порциями по 100 тыс. руб., главным образом, в советской и заграничной валюте через в Москве. В результате за последние полтора года, т. е. в период деятельности нового ЦК Промпартии, последняя получила из-за границы около 1½ млн. руб.

Как веревочке ни виться, а кончику быть!

Преступной контр-революционной организации, размерами преступлений далеко превосходящей все до сих пор известное нашим читателям из области вредительства и шпионажа в СССР, в ближайшем будущем предстоит дать ответ перед пролетарским судом за многочисленные ее преступления, направленные не только к подрыву мощи Советской страны, но и к удушению пролетарской диктатуры. Излишне будет останавливаться на характеристике Рамзина, Федотова и др.

Имена этих людей, облеченных высоким доверием Советской власти, в стране известны.

Несколько слов об итогах работы этих печальных героев, работы, конец которой положило ОГПУ, раскрывшее вредительскую, шпионскую и диверсионную деятельность Рамзина, Калинникова и К°.

А итоги красочны.

Преступная противогосударственная деятельность ЦК Промпартии за последние два года выражалась:

а) в продолжении и усилении общего вредительства для создания расстройства хозяйственной жизни — работа, начатая еще инженерно-техническим центром до образования ЦК Промпартии;

б) в специальной вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, металлоснабжении, энергетическом хозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях, направленной к созданию общего хозяйственного кризиса в 1930 г. — год, предназначенный для иностранной военной интервенции, в целях облегчения и помощи этой интервенции;

в) в специальной шпионской работе, по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции Торгпрома, по сообщению данных об экономике нашей страны и

специальных секретных сведений, касающихся обороны, — в целях облегчения иностранной военной интервенции;

г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной армии и подготовке изменнических действий со стороны ее отдельных частей и командного состава — в тех же целях облегчения иностранной интервенции;

д) в диверсионной работе, направленной специально на разрушение производительных сил советской промышленности и тыла Красной армии уже непосредственно в момент интервенции.

Содержание этой преступной деятельности и послужило предметом разбирательства специального присутствия Верховного суда Союза ССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Международная буржуазия пользуется каждым удобным случаем, чтобы поднять дикий вой против Советской власти по тому или иному поводу.

Не мало слез было пролито белогвардейскими перьями по поводу расстрела ОГПУ вредительской шайки 48. Нас это, однако, удивлять не должно.

Так же, как и раньше, как и все время, пролетариат будет делать свое дело, не взирая ни на какие походы международных империалистов. Находясь во враждебном окружении, Советская страна ни на минуту не забывает, что ей и по сей день угрожают белогвардейские происки и козни ее злейших врагов. В самое последнее время эти бессильные попытки предпринять новое наступление на страну строящегося социализма все более и более учащаются. Лишь недавно закончился крестовый поход, возглавляемый папой римским, и окончившийся полной неудачей, ибо мобилизовать крестьянские массы и городскую мелкую буржуазию против СССР под флагом «защиты религии» — дело, заранее обреченное на неуспех. Трудящиеся массы всего мира отлично знают, что защитниками угнетаемой в СССР религии руководили совершенно иные цели. Достаточно было только проследить куда, в какую сторону и по какому направлению пошли круги от брошенного папой римским камня, чтобы сразу же убедиться, какие силы были приведены им в движение.

Когда не удалась версия об угнетении религии, появилась на смену ей другая попытка добиться интервенции в СССР и об'единения всех контр-революционных и империалистических сил в международном масштабе. Выплыла смехотворная по своей аргументации история кутеповщины. Параллельно с этим усиленно муссировалась в кругах враждебных Советской власти тысячу первый раз повторяемая версия о большевистской «пропаганде». Пытаясь таким путем отвлечь внимание с каждым днем все более и более недовольных своих трудящихся масс, буржуазия ищет выходов из быстро надвигающегося экономического и хозяйственного кризиса.

В самое последнее время в поисках выхода из этого кризиса ею предпринято новое наступление на страну строящегося

социализма. Новая кампания проводится под знаком борьбы против «советского демпинга». Различными могущественными капиталистическими группами в разных странах одновременно предпринимаются попытки сорвать и подорвать те деловые торговые отношения, которые у нас с этими странами существуют. Необоснованные приговоры буржуазных судов, налагающих незаконные аресты на советское имущество, административно-таможенные придирки, отказ в приеме золота, попытки запретить ввоз советского леса, как полученного трудом заключенных, и стремление окружить СССР финансовой и кредитной блокадой, все это — явление одного и того же порядке, звенья одной и той же цепи, моменты борьбы, никогда еще не принимавшие таких разнузданнх форм, как сейчас. Причины этой бешеной злобы буржуазии понятны.

Ни для кого не секрет, что ведущаяся в настоящее время против мнимого «советского демпинга» кампания неотделима от общей подготовки новой антисоветской интервенции. Она призвана маскировать агрессивные планы мирового империализма. Она призвана содействовать созданию боевого политического и экономического блока против СССР. Инициатором этой кампании является, как известно, французское правительство, не только издавшее свой знаменитый декрет против «демпинга», но и отправившее своего министра торговли Фландена в путешествие для сколачивания этого блока. К каким бы результатам это путешествие ни привело, факта его не посмеет отрицать ни один трезво мыслящий благоразумный человек, точно так же, как не посмеет отрицать и того, что усиленно муссируемые Францией сказки об угрожающих мировому буржуазному хозяйству опасностях от советского «демпинга» нужны прежде всего зачинщикам подготовляемой против Советского Союза войны.

Рабочий класс СССР ни на минуту не закрывает глаза на вновь поднявшуюся бешеную свистопляску его врагов. Мировой экономический кризис, являющийся блестящим опровержением антиленинской теории «организованного капитализма», с каждым днем все более потрясает основы частичной стабилизации капитализма и выбрасывает на улицу миллионы рабочих, увеличивающих и без того большие армии безработных. Бешеная эксплоатация буржуазии, нищета и голод революционизируют рабочие массы, которые на своей повседневной практике все более и более убеждаются в том, что выходом из голода и из беспощадной капиталистической эксплоатации является только пролетарская революция. Международная буржуазия отлично понимает все это и, нажимая на пролетариат эксплоатируемых ею стран, используя в своей борьбе с пролетариатом социаль-фашистов разных мастей, она старается всемерно подорвать социалистическое строительство в СССР — этого отечества трудящихся всего мира, оплота мировой про-

летарской революции. Вот почему пролетариат СССР попрежнему будет на-чеку, готовый в любой момент отразить замышляемые на него нападения.

Вот почему в свете интервенционистской, вредительской, шпионской и террористической работы международной буржуазии дальнейшее укрепление обороноспособности Советского Союза является задачей первостепенной и огромнейшей важности.

Рост социалистической промышленности, укрепление командных высот пролетарского государства дали Партии и Советской власти возможность перейти «от прежней политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике — политике ликвидации кулачества, как класса, осуществляя эту политику как неразрывную составную часть сплошной коллективизации, проводимой самими бедняцкими и середняцкими массами» (постановление XVI С'езда ВКП(б).)

Такая политика Партии не могла не вызвать сильнейшего обострения классовой борьбы в СССР. В атмосфере этой обостренной борьбы и идет, не взирая на все препятствия, дальнейший рост социалистического строительства СССР. Ликвидируемое как класс кулачество, вредители всех мастей, буржуазные профессора, мечтающие о реставрации помещичьего и кулацкого строя, сохранившиеся еще кое-где обломки разбитого великой Октябрьской революцией капиталистического строя еще долгое время не будут прекращать своих попыток мешать укреплению пролетарской диктатуры, строительства социализма в Советской стране. Все эти элементы и в дальнейшем будут делать прямые или косвенные попытки мешать гигантскому росту социалистической промышленности,— этому ведущему началу во всей экономике страны. Попытки их будут тем более активными, чем более велики достигнутые СССР хозяйственные успехи. Истекший второй год пятилетки показал, что, так называемый максимальный вариант пятилетки есть на самом деле минимальный вариант, который мы успешно перевыполняем. Достаточно указать на то, что бурное развертывание промышленности и развитие производительных сил в сельском хозяйстве позволило уже в текущем году в Советской стране изжить безработицу.

Наши успехи еще более ярки и рельефны — при сравнении с той картиной всеобщего кризиса, которую представляет собой хозяйство империалистического мира. Этот кризис, хоронящий безвозвратно легенду о прочности капиталистической стабилизации, углубляется, охватывает все новые страны. Резко ухудшается положение рабочего класса. Официальная статистика говорит, что в САСШ число занятых рабочих с августа 1929 г. по август 1930 г. сократилось на 20%, а сумма выплачиваемой зарплаты — на 27%. Кривая производства продолжает

лететь вниз. Производство чугуна упало в Сев. Штатах Америки с 3,7 млн. тонн в августе прошлого года, до 2,5 в августе текущего года. Та же картина — в Германии и Англии, в то время, как в СССР даже на наиболее неблагополучном участке — в угольной промышленности — этот год показал прирост добычи на 17,6%. Продолжающееся резкое падение курса ценных бумаг, втягивание в кризис новых стран (Франция, Япония, Чехо-Словакия), все это говорит, что наиболее острое проявление кризиса — еще впереди.

Таким образом, между социалистическим хозяйством Советской России и капиталистическим в Западной Европе — резкая пропасть. Мы идем непрерывно к росту и расцвету нашей страны. Капиталистические же страны уже стоят перед реальной угрозой грандиозного кризиса. Предшествующие успехи в области индустриализации, дальнейший рост социалистического сектора в сельском хозяйстве, решение, в основном, на этой базе зерновой проблемы и крупные успехи в области производства технических культур открывают нам большие возможности в деле дальнейшего развертывания социалистического наступления. Мы должны, обязаны возможно более полно использовать эти возможности. Только таким путем сможем мы преодолеть переживаемые нами хозяйственные затруднения. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, опираясь на рабочие массы, твердо проводя генеральную линию Партии, линию XVI С'езда, мы эту задачу выполним. Пятилетку в четыре года, а в некоторых отраслях народного хозяйства — и в три с половиной и даже в три года мы, опираясь на величайшую волю рабочих и крестьян к строительству социализма в нашей стране, также выполним.

Но ни малейшему сомнению не подлежит и другое: чем больше и увереннее мы идем вперед во всех областях своего исторического развития, тем энергичнее будут попытки врагов Советской власти путем организации вредительства, шпионажа и белого террора остановить наше победоносное шествие или же всячески воспрепятствовать ему.

Пролетариат Советской страны должен быть поэтому все время на-чеку и так же, как и до сих пор, каленым железом выжигать все раз'едающие его органы язвы и элементы.

Беспощадно будет он и в дальнейшем расправляться с теми, кто на четырнадцатом году существования диктатуры трудящихся в СССР еще не оставил безумных своих надежд на ее свержение. Рабочий класс Советской страны найдет себе самую актуальную и могущественную поддержку в мировом пролетариате, кровно заинтересованном в росте, благосостоянии и процветании первой в мире республике трудящихся, оплота мировой коммунистической революции, несущей освобождение от ига капитала всем трудящимся мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЦЕНА 35 КОП.